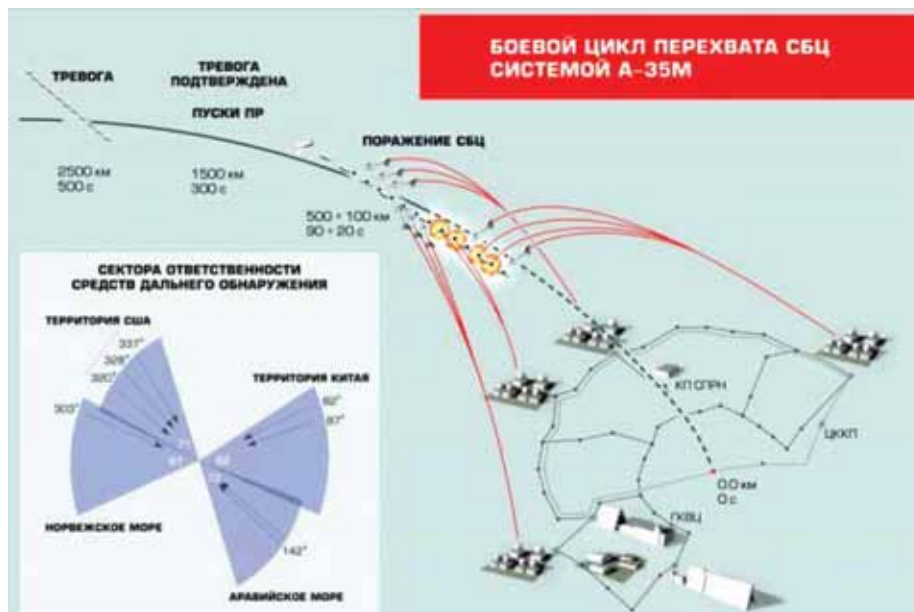

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

ту будет предшествовать военный конфликт с применением только обычного оружия. Отсюда следует, что военно-политическое руководство каждой из сторон будет в готовности к своевременному реагированию на факт ядерного нападения. Тем более, не вызывает сомнения готовность боевых расчетов на всех пунктах управления и готовность самой системы боевого управления. Подводные лодки со стратегическим оружием будут находиться на патрулировании, мобильные МБР рассредоточены, самолеты стратегической авиации в готовности к взлету или частично в режиме дежурства в воздухе»¹.

¹ Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С.М. и др.]. — М. Спецкнига, 2012. С. 40–41.

Хотелось бы, однако, серьезно возразить такой позиции. Уже говорилось об автоматизме в принятии решений, когда ответная реакция реализуется на основе разработанных сложных (и поэтому не всегда совершенных) алгоритмов. Но необходимо добавить следующее. Во-первых, военно-политическая обстановка и отношения могут меняться стремительно,

в течение нескольких дней, а иногда и часов (конфликт с Грузией 2008 года — очевидный пример), а военные потенциалы — десятилетиями. Никто не может гарантировать, тем более, если у одной из сторон будет эффективная ПРО, что в случае резкого обострения она не воспользуется такой потенциальной возможностью. Во всяком случае игнорировать этот факт — наивно, хотя именно это и делают некоторые политики и ученые. В том числе и в России. Особенно если противоположные стороны будут знать, что вероятность безнаказанного использования СНВ будет высока.

Во-вторых, сама по себе потенциальная возможность нанесения разоружающего удара (обладая гарантией безнаказанности) ставит другую сторону в заведомо невыгодную позицию, когда ей можно диктовать (или пытаться) политические условия и даже шантажировать. Это «косвенное» использование военной силы сродни «мягкой силе», но является на деле наиболее эффективным внешнеполитическим инструментом. В этих условиях США могут пойти даже на одностороннее сокращение СНВ (или их ликвидацию). Как следует из доклада движения «Global Zero», подготовленного авторитетными американскими специалистами, одностороннее сокращение ядерных вооружений вполне даже компенсируется высокоточными обычными средствами, если Россия не развернет свою систему ВКО. В докладе также отмечается, что сокращение и снижение уровня боеготовности ядерных сил США создадут условия для договоренностей России и США по ПРО. Судя по отношению академика С. Рогова к этому докладу, он всерьез рассматривает такую возможность¹, хотя и без того ясно, что «замена» СНВ США на высокоточные системы, вкупе с глобальной ПРО, ведет к простому снижению, даже уничтожению «ядерного порога» и превращает саму идею ядерного сдерживания в архаизм. Понятно, что это вполне бы устроило США, но насколько это будет устраивать Россию?

¹ Рогов С. М.
ПРО для США стала
религией //
Независимая газета.
2012. 7 июля.

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

По мере совершенствования потенциалов СЯС обеих сторон, появления качественно новых систем боевого управления, стратегических неядерных вооружений и новых технологий противовоздушной и противоракетной обороны ситуация становится принципиально иной: усиление ПРО (до способности нивелировать стратегический потенциал) по мере сокращения СНВ сторон может рассматриваться как нарушение стратегической стабильности и ядерного сдерживания, а взятые оба процесса в комплексе, — как очевидная угроза национальной безопасности нашей страны. Понятно, что потенциал ответного удара обесценивается не только с военной, но и с политической точки зрения.

Надо понимать, что количественное сокращение потенциалов СНВ России и США неизбежно не только в силу достигнутых договоренностей по ДСНВ-3, но и в силу морального и физического устаревания СЯС обеих держав, их вытеснению высокоточными стратегическими неядерными вооружениями.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ РОССИИ И США			
	НАЗЕМНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	МОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	ВВС
 РОССИЯ всего 2825 боеголовок	1357 боеголовок 68 Межконтинентальные баллистические ракеты Р-36МУТХ и Р-36М2 (SS-18) 72 Межконтинентальные баллистические ракеты УР-100НУТХ (SS-19) 180 Подвижные грунтовые комплексы Тополь (SS-25) 50 Комплексы Тополь-М дальнего базирования (SS-27) 15 Мобильные комплексы Тополь-М (SS-27)	612 боеголовок 13 Ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РТВЧБ): 7 пр. 6675ДРМ (Delta IV), 5 пр. 667БДР (Delta III) На них 292 пусковых шахты • Ракетный комплекс с ракетами Р-29Р (SS-N-18) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМ (SS-N-23) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМ/2 «Синева»	856 крылатых ракет 14 бомбардировщика Ту-160 (Blackjack) 63 бомбардировщика Ту-95МС (Bear H) • Бомбардировщики Ту-22М3
	 США всего 5900 боеголовок	1700 боеголовок 50 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-118А Peacekeeper (MX) 500 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-30G «Minuteman III» 18 Подводная лодка атомная с баллистическими ракетами (SSBN) (класс «Ohio» SSBN-598N) На них: 144 Пусковые установки с БРПЛ «Trident-1» 288 Пусковые установки с БРПЛ «Trident-2»	3168 боеголовок 1098 крылатых ракет Тяжелые бомбардировщики: 81 B-1 20 B-2 142 B-52

Источник: Стратегический международный институт исследований мира (СИИММ). Данные на 2009 год.

Во многом это естественный процесс морального и физического устаревания, но развертывание в перспективе глобальной ПРО уже сегодня ставит трудноразрешимую проблему: каким образом компенсировать нарастающую дестабилизацию, ведь сегодня нет соглашений ни по ограничению СНВ Китая, Франции и Великобритании, ни ограничений на массированное развертывание СКР или ударных беспилотных ЛА, ни будущих ГЗЛА.

Остаются расчеты только по СНВ США и России, которые выглядят следующим образом¹ — см. рис. «Стратегическое ядерное оружие России и США».

Даже сегодня, учитывая тенденции развития ПРО, систем боевого управления, ВТ и вооружений, соотношение СЯС России и США не выглядит убедительным. Особенно, если учитывать темпы ввода в строй новых поколений МБР и БРПЛ в России и «провальные» десятилетия в НИОКР в российской ВКО. Тем более это соотношение будет неопределенным после 2020 года, когда потенциал российских РВСН во многом девальвируется. Рассчитывать на то, что средства преодоления и уничтожения американской ПРО будут эффективны изначально — иллюзия. США, надо полагать, уже просчитали эти возможности и будут готовы к их нейтрализации в том числе стратегическими неядерными вооружениями, с помощью которых уже сегодня они могут уничтожить в первом ударе не менее 30% ключевых целей в России и 100% целей в КНР.

Понятно, что руководство нашей страны учитывает и эти варианты. Как отметил президент России В. Путин, «Вероятность глобальной войны ядерных держав друг против друга невысока, таковая означала бы конец цивилизации...

...Однако нужно учитывать, что научно-технический прогресс в самых разных областях, начиная от появления новых образцов вооружений и военной техники и заканчивая информационно-коммуникационными технологиями, привёл к качественному изменению характера вооружённой борьбы.

¹ Стратегическое ядерное оружие России и США / Эл. СМИ. Газета «Взгляд». 2009. 21 мая / <http://vz.ru/infographics/2009/5/21/289078.html>

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

Так, по мере массового принятия на вооружение высокоточных неядерных средств большого радиуса действия всё более чётко будет проявляться тенденция закрепления за ними роли оружия решительной победы над противником, в том числе и в глобальном конфликте»¹.

Это вполне реальная среднесрочная перспектива до 2020–2022 года, которая уже подкреплена соответствующими решениями в стратегическом планировании, конкретными программами, НИОКР и финансированием. Это — реальность, от которой США не откажутся ни при каких обстоятельствах.

Но возможны, более того, вероятны, новые технологические прорывы, заделы которых были сделаны в предыдущие десятилетия. Как отметил В. Путин, «Большое, если не решающее, значение в определении характера вооружённой борьбы будут иметь военные возможности стран в космическом пространстве, в сфере информационного противоборства, в первую очередь — в киберпространстве. А в более отдаленной перспективе — создание оружия на новых физических принципах (лучевого, геофизического, волнового, генного, психофизического и др.). Всё это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей»². Эти прорывы сегодня трудно прогнозировать. Но, как показывает человеческая история, они неизбежны, если для этого есть соответствующий «социальный заказ». А он есть: кризис 2008–2012 годов показал, что не только в мире ослабили позиции США и модель их поведения доказала свою неэффективность и опасность, но и в самих США можно ожидать радикальные кризисные явления. И не только финансовые, экономические, но и социальные, и политические. Как в этих условиях поведут себя правящие круги США, никто не знает.

Пока что можно констатировать, что в настоящее время параллельно стремительно увеличиваются возможности США

¹ Путин В. В.
Быть сильными:
гарантии национальной
безопасности
для России //
Российская газета.
2012. 20 февраля.

² Там же.

Евразийская воздушно-космическая оборона

в области ПРО в различных регионах, которые направлены на нейтрализацию СНВ не только России, но и Китая. Может быть, даже прежде всего Китая. Развертывание морских (мобильных) систем ПРО означает, что они могут быть в короткие сроки переброшены в любой регион мира, что вкупе с создаваемым США «поясом» ПРО от Австралии до Аляски, может серьезно изменить соотношение сил в АТР. И это не далекая перспектива, а уже нынешняя реальность. Так, противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1B, запущенная с корабля ВМС США, поразила учебную боеголовку баллистической ракеты среднего радиуса действия, стартовавшей с полигона на Гавайских островах в ходе испытаний в июне 2012 года.

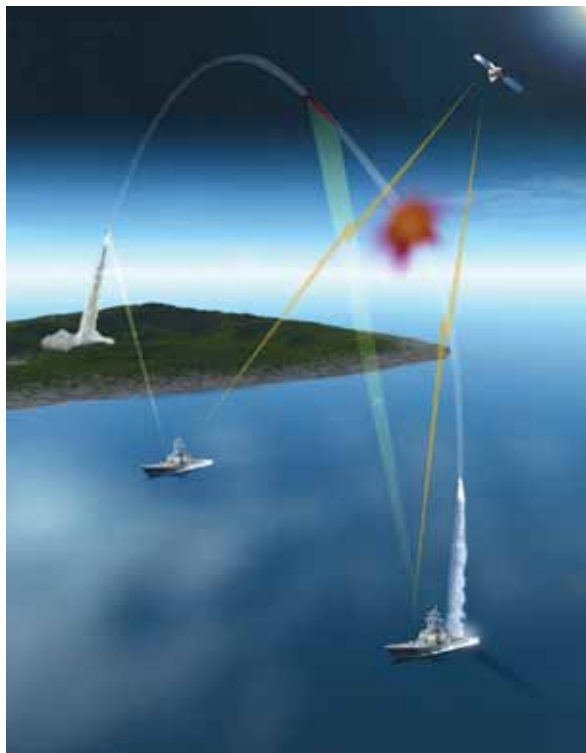

Схема перехвата баллистической цели системой ПРО морского базирования с использованием противоракет Standard SM-3

В мае 2012 года противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1В системы ПРО Aegis, запущенная с корабля ВМС США в районе Гавайских островов, поразила учебную баллистическую ракету ближнего радиуса действия. Это второе подряд успешное испытание новейшей противоракеты.

Таким образом, мобильные системы ПРО ракет среднего и ближнего радиуса уже испытаны и стали фактом. Как сообщалось в прессе, в рамках создания европейской системы противоракетной обороны Соединенные Штаты разместят на базе в Роте (Испания) четыре ракетных эсминца, оснащенных многофункциональной боевой информационно-управляющей системой Aegis. Эти системы легко могут быть направлены в любой регион планеты, а численность их развертывания доведена практически до любого уровня. Платформ — судов и других, в т.ч. наземных средств, — более, чем достаточно.

В 2014 финансовом году, который начинается 1 октября 2013 года и заканчивается 30 октября 2014 года, на базу в Роте уже будут переведены эсминцы Ross и Donald Cook с базы в Норфолке, штат Вирджиния. В 2015 финансовом году на базу в Роте будут переведены эсминец Porter, также базирующийся в Норфолке, и эсминец Carney из Мейпорта, штат Флорида. По сообщению МО США, эти боевые корабли должны быть задействованы не только в противоракетной обороне Европы, но и в случае необходимости могут быть переброшены в распоряжение Центрального командования ВС США, т.е. в регион Персидского залива и Аравийского моря¹.

Об этом сообщает Wall Street Journal, ссылаясь на чиновников американского Министерства обороны. «Наша риторика сфокусирована на Северной Корее, — сказал Стивен Хилдрет, эксперт исследовательской службы Конгресса США. — Но на самом деле мы в долгосрочном плане смотрим на слона в комнате, то есть на Китай».

¹ США испытали противоракету для ЕвроПРО / Эл. СМИ «Взгляд». 2012. 27 июня / <http://vz.ru/news/2012/6/27/585761.html>

¹ Здесь следует сказать, что считать собственно корабли-носители ракет, обладающих способностями ПРО, бессмысленно. Существующие оценки базируются на подсчете количества противоракет, фактически развернутых на кораблях. В то же время применять эти противоракеты способен любой эсминец или крейсер УРО ВМФ США — достаточно просто взять их на борт. Таким образом, потенциальное количество платформ ПРО ВМФ США составляет 84.

² Скосырев В. США создают противокитайский ракетный щит // Независимая газета. 2012. 24 августа. С. 1, 4.

Система ПРО будет покрывать все большие пространства Азии. Новый радар разместится в Японии, а еще один — возможно, в Юго-Восточной Азии, например, на Филиппинах. Они будут связаны с кораблями и наземными базами, на которых располагаются ракеты-перехватчики.

Этот план представляет собой часть новой стратегии президента США Барака Обамы, которая предусматривает переброску военных ресурсов в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Сейчас в распоряжении США есть 26 кораблей, оснащенных противоракетным оружием. К 2018 году их число увеличится до 36¹. Ключевую роль в сохранении американского влияния в Азии играют авианосцы², но, видимо, в будущем эта роль перейдет к платформам, оснащенным системами ударного наступательного и оборонительного оружия.

На этом фоне ухудшение отношений КНР и Японии достаточно символично. Оно демонстрирует фундаментальные в своей основе разногласия между двумя странами — в области безопасности и системы ценностей. Как справедливо заметил эксперт в этой области А. Лукин, «Экономическая и политическая мощь Китая, основанная на длительном периоде успешного экономического роста, год от года увеличивается. Рост китайской экономики способствует углублению экономического сотрудничества с основными партнерами, в том числе и с Японией. Объем торговли между двумя странами в прошлом году достиг 345 млрд долларов США. Япония является крупнейшим инвестором в китайскую экономику, для нее Китай — ведущий торговый партнер, как в области импорта, так и экспорта.

Казалось бы, двум странам необходимо решительно избегать любых споров. Ведь серьезный конфликт нанесет непоправимый ущерб обеим странам, каждая из которых испытывает экономические сложности. Но экономические соображения не всегда определяют отношения между странами. Достаточ-

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

но вспомнить, что накануне нападения Германии на СССР в 1941 году две страны были тесными экономическими партнерами. Экономическая взаимозависимость, конечно, является фактором, сдерживающим японо-китайскую конфронтацию. Но есть еще соображения политического, националистического, психологического характера»¹.

Поэтому отношения Китая с Японией, да и рядом других государств Юго-Восточной Азии, вряд ли можно назвать стабильными в будущем. Тем более, что не только не решены многие территориальные вопросы, но и возникают новые. В этом контексте проблема ядерного сдерживания уже распространяется не только на российско-американские отношения, но и на китайско-японские, китайско-индийские, китайско-вьетнамские, китайско-индонезийские, тайваньские и др. отношения государств Юго-Восточной Азии. При этом Соединенные Штаты вносят свой, безусловно, дестабилизирующий элемент в это ядерное уравнение, разворачивая свои наступательные и оборонительные системы, продвигая на рынки во все больших масштабах свои высокоточные вооружения.

Иранские ПКР Наср-1, созданные, предположительно, при участии китайских специалистов и с использованием китайских наработок по ПКР С-701

¹ Лукин А.
Токио — Пекин:
психология
конflikта /
Эл. Ресурс. Портал
МГИМО(У). 2012.
3 октября /
<http://www.mgimo.ru>

Очень важная сторона проблемы, о которой пока еще мало говорят, заключается в том, что стремительно совершенствующийся и растущий количественно потенциал высокоточного неядерного оружия в Евразии девальвирует не только ядерное сдерживание, но и серьезно, качественно понижает порог использования военной силы, делает этот инструмент более привлекательным для многих стран. Причем существует определенная неконтролируемая тенденция «расползания» ВТО в Евразии. Так, по версии, продвигаемой спецслужбами США и Израиля, Китай плотно сотрудничает с Ираном в области ракетных и ядерных технологий. В частности, выявлены три варианта двух противокорабельных ракет, которые в Иране строятся под другими названиями. Среди них новейшие разработки С-701Т с электрооптической системой наведения и ее вариант С-701R, оснащенный системой наведения на сигнал радара.

С учетом получаемых ЦРУ данных, США ввели санкции против девяти китайских компаний, которые были уличены в иранской программе по строительству баллистических ракет (China Great Wall Industry Corporation, Norinco, Catic и др.). По данным иностранных СМИ, начиная с 1990-х годов Китай поставляет Ирану крылатые ракеты воздушного, наземного и морского базирования, а также компоненты к ним. С началом нового тысячелетия источники ЦРУ стали обращать внимание, что иранское ракетное оружие, а также подводные лодки Ирана, его мины и торпедные катера могут быть использованы против военно-морских сил США на Ближнем Востоке и, соответственно, нарушить поставки нефти из стран Персидского залива.

Согласно тем же источникам, Китай поставил в Иран «важные компоненты» для разработки ядерного оружия, производства отравляющих газов, ракетного топлива, а также, в американской интерпретации, «реактор для научных исследований»¹.

¹ Мочульский А. Ф. Пекин и иранская проблема. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). М. 2012. Декабрь. С. 5.

Ряд аналитиков отмечают, что подобные действия России, Китая и Ирана вполне естественны и являются ответными на действия США по развертыванию ПРО. Так, индийский исследователь отмечает: «Пентагон делает все, чтобы окружить Евразию и Евразийский тройственный союз, состоящий из Китая, России и Ирана. Каждое действие, однако, порождает ответную реакцию.

Ни одна из этих трех евразийских держав не будет смирно сидеть, представляя собой пассивные цели для США. Пекин, Москва и Тегеран принимают собственные контрмеры, противодействуя военной стратегии Пентагона.

В Индийском океане китайцы развивают свою военную инфраструктуру, которую Пентагон называет китайским „жемчужным ожерельем“. В Иране идет процесс расширения, целью которого является развертывание в водах Персидского и Оманского заливов своих военно-морских сил все дальше и дальше от своих берегов. Все три евразийские державы вместе с несколькими своими союзниками размещают свои военные суда на береговой линии Йемена, Джибути и Сомали в геостратегически важном морском коридоре Аденского залива.

Американская глобальная система ПРО является составной частью стратегии Пентагона по окружению Евразии и этих трех держав. В первую очередь, эта военная система направлена на создание ядерного преимущества США для нейтрализации любого русского или китайского ядерного ответа на атаку США или НАТО. Глобальная система ПРО направлена на предотвращение какой-либо реакции или ядерного „ответного удара“ со стороны русских и китайцев на „первый ядерный удар“ Пентагона»¹.

Очень показателен в этой связи пример с Израилем, армия которого за несколько дней в ноябре 2012 года уничтожила все военно-политические центры управления, руководство

¹ Nazemroaya M. D. Россия противодействует расширению системы ПРО США с моря. 2012. 17 ноября / <http://rostend.su/?q=node/340>

ХАМАС и практически, все ракеты. Ситуация легко может быть экстраполирована с Ближнего Востока на всю Евразию. Этому фактически способствует и процесс ограничения и сокращения СНВ, который поддерживается США и Россией. Возникает ситуация, когда Россия собственными усилиями не укрепляет, а ослабляет свою безопасность, особенно в контексте увеличения наступательного неядерного потенциала США, который уже фактически превратился в часть эффективного потенциала стратегических наступательных вооружений (СНВ). Что особенно заметно с конца 1980-х годов. Уничтожение Красноярской РЛС, сокращение тяжелых МБР и ликвидация ракет средней и малой дальности, безусловно, негативно повлияло на возможности ядерного сдерживания России на востоке страны и в целом в Евразии. В новых геополитических условиях актуальной проблемой становится пересмотр этих решений. Как отмечают в этой связи эксперты «Военного обозрения»: «парадоксально, что с сокращением ядерных вооружений до самых низких уровней вероятность его применения станет возрастать из-за снижения суммарного уровня наносимого им ущерба». И далее: «Смысл ядерного сдерживания устрашением в настоящее время состоит в двух положениях. Показывать вероятному противнику свою силу, возможности и способность для нанесения заведомо неприемлемого ущерба. Убеждать вероятного противника в своей воле и решимости применить по нему при необходимости ядерное оружие: сначала демонстративно в виде ограниченных или выборочных ударов, а затем и массированно в виде контрсиловых („разоружающих“ и „обезглавливающих“) и контрценностных („сокрушающего возмездия“ по городам) стратегических ядерных ударов»¹. Очевидно, что при любом из этих сценариев роль ВКО приобретает особое, принципиальное значение. Особенно до начала или на ранних стадиях конфликта.

¹ Маркелл Ф. Б.
Калькулятор
стратегического
сдерживания // *Независимая газета*.
2012. 31 августа.

Понятно, что такое качественное изменение в политике ядерного сдерживания имеет отношение прежде всего к ситуации в отношениях между Россией и США. Но не только. Очевидно, что в этот процесс втягиваются и другие страны. По сути дела на карту поставлена стратегическая стабильность и процесс ограничения и сокращения вооружений, более того, суть военно-политического равновесия, за которое боролся СССР всю вторую половину XX века.

Так, очевидно, что новой сферой противоборства становится космическое пространство (которое Россия и Китай предложили определить начиная с высот в 100 км)¹, в котором можно размещать уже не только военную технику, но и оружие. Если не удастся этого предотвратить, то высоты свыше 100 км будут также являться полем боя, где будет размещено ударное вооружение. В том числе новые системы ВТО, обладающие повышенной дальностью и скоростью, что делает проблему защиты от них еще более трудной, чем используемые технологии «Стелс». Вот почему в 2007 г. Россия заявила о подготовке совместно с Китаем проекта полномасштабного договора по предотвращению размещения оружия в космосе (ПРОК). В 2008 г. в рамках Конференции по разоружению этот проект был официально внесен на рассмотрение международного сообщества. Такой договор должен закреплять юридические обязательства на паритетной основе — без разделения стран на тех, кто «может иметь» оружие в космосе, и тех, кто «не может».

¹ Ранее использовался еще более строгий рубеж в 60 км.

Основные обязательства по этому проекту договора сводятся к следующему:

- Не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом.
- Не прибегать к применению силы или угрозе силой в отношении космических объектов.

¹ Антонов А. И.
Международно-
правовое регулирова-
ние военно-космиче-
ской деятельности // *Вестник МГИМО(У)*.
2012. № 4(25).

— Не оказывать содействия и не побуждать другие государства и международные организации к участию в деятельности, запрещаемой договором¹.

По мере девальвации военно-стратегического равновесия все большую роль начинают играть уже не только великие ядерные державы, но и государства, способные обеспечить себе определенные позиции с точки зрения возможностей коалиционной и даже национальной военной стратегии, в которой используются высокоточные неядерные вооружения и военная техника (В и ВТ). Так, проблемы с безопасностью России возникают не только с западного, южного и восточного, но и северного направлений. В сентябре 2012 года в Норвегии прошла встреча представителей военных ведомств североевропейских государств — Норвегии, Финляндии Дании, Швеции и Исландии, — на которой обсуждались вопросы военной интеграции, совместной военной политики и оценки потенциальных угроз.

При этом, как оказывается, у всех этих стран есть «проблемы» в отношениях с Россией. В 2011 году, например, по оценке экспертов, «после принятия Россией проекта по освоению архипелага Шпицберген и начала его реализации, из Осло слышались слова протеста. Именно тогда впервые тема аркти-

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

ческой безопасности приобрела резкие черты. Очевидно, что норвежские власти решили просто окончательно прибрать Шпицберген к рукам, а потому российский проект явно в их планы не вписывался. Более того, использовать его в военных целях.

«Запад принялся за милитаризацию Арктики в попытке установить контроль над ценными ресурсами региона, а НАТО усиливает экспансию в этом регионе. Такое мнение в интервью „Голосу России“ высказала вице-председатель Шведского совета мира и член наблюдательного совета Глобальной сети против оружия и ядерных испытаний в космосе Агнета Норберг. Она, в частности, заявила, что „правительство Норвегии разрешило США разместить там радарные установки: в сочетании со спутниками они используются для ведения войны. Это совершенно новые способы ведения современных войн“»¹.

С другой стороны, все остальные радарные установки используются для навигации военных самолетов и информирования пилотов о цели бомбардировок. Если посмотреть на карту, то она вся покрыта американскими радиолокационными установками. Получается, с одной стороны,

¹ Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

у тебя есть система ПРО, которая может быть использована в оборонительных целях, а с другой стороны, может быть использована в качестве наступательного вооружения. И один из радаров этой системы ПРО установлен вблизи границ России в норвежском Вардё.

«Я была удивлена, — продолжает известный общественный деятель, — когда русские эксперты, приехавшие на семинар по Арктике, который мы устраивали в Стокгольме в октябре, не согласились, что ситуация в регионе довольно опасная. Единственный, кто со мной согласился, был Борд Вормдал, журналист, который написал книгу „Спутниковая война“. Мне кажется, что это все из-за неосведомленности об установках вблизи границ России. А это достаточно опасно»¹.

¹ Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

Самостоятельно Норвегия на антироссийские действия вряд ли решится, поэтому сегодня для нее важно собрать своеобразную команду «единомышленников», которые под лозунгами арктической безопасности могут продавить инициативу об отмене положения о равноправной экономической деятельности на Шпицбергене¹. Особенно актуальными в этой связи становятся проблемы, связанные с Арктикой.

«Финляндия, — отмечают эксперты, — несмотря на достаточно внешнее политическое спокойствие, устами правых сил заявляет, что пора бы поднять вопрос о статусе Карелии. И хотя здесь до Арктики далековато, но так кто же, в конце концов, будет измерять расстояние от Петрозаводска до арктических льдов с помощью линейки на географической карте. Главное — создать прецедент, а там уже погромче обозначить свою обеспокоенность»².

Казалось бы, что у других стран северной пятерки к России нет больших претензий, но это на самом деле не так. Если рассматривать Швецию, то оказывается, что после российско-грузинского военного конфликта шведские власти очень активно заявляли о российской «агрессии в Грузии» и о том, что эта агрессия угрожает Западу, косвенно призывая к активным действиям по нейтрализации российской «угрозы». Мало того, нейтральная Швеция все активнее заявляет о том, что видит свое дальнейшее развитие при активном сотрудничестве с НАТО.

К Дании у официальных российских властей тоже есть свои вопросы. Взять хотя бы проведение в этой стране так называемого Мирового чеченского конгресса, на котором собралась вся террористическая «малина», представители которой были в свое время объявлены в международный розыск. Даже Исландия не является страной, нахождение которой в этом своеобразном списке союзников по борьбе с фантазмагоричной арктической опасностью вызывает много вопросов»³.

¹ На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / <http://topwar.ru>

² На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». Август 2012 г. / <http://topwar.ru>

³ На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / <http://topwar.ru>

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

Создание Соединенными Штатами региональных систем ПРО в Европе, Северной Америке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии неизбежно приводит к выводу, что в конечном счете создается глобальная система ПРО, способная гарантировать защиту не только собственной территории страны и их союзников, но и вооруженных сил НАТО и других стран, размещенных на различных ТВД по всему миру. В случае использования Соединенными Штатами военной силы в любой ее форме такая возможность, безусловно, гарантирует им безопасность и способность понизить «ядерный порог» до приемлемого уровня.

5.

**ВКО как альтернатива
созданию стратегического
наступательно-
оборонительного
комплекса**

... за 20 лет своего существования
ОДКБ нигде и ни в чем себя не проявила.
По-прежнему неясен механизм
реализации ее потенциала¹

*Р. Сайфулин,
политолог*

Спасение нашего государства — в создании
современной ВКО, где должны быть
задействованы и СЯС, и ударная авиация,
и другие компоненты Вооруженных Сил²

*М. Гареев,
президент Академии военных наук,
генерал армии*

Для объективных наблюдателей очевидно, что развитие стратегических сил и вооружений США перешло к началу второго десятилетия в стадию формирования единого стратегического наступательно-оборонительного-информационного комплекса. Эта тенденция проявилась еще в начале 80-х годов XX века, когда развитие СЯС США и систем боевого управления, связи и разведки было «запараллелено» с программой СОИ. Во всяком случае я писал об этом еще в своей докторской диссертации в 1989 году³.

Как отмечают сегодня российские исследователи, «...наступательный ударный компонент включает: стратегическое и нестратегическое ядерное оружие; обычные средства поражения, высокоточное и некинетическое оружие, в том числе на новых физических принципах; средства радиоэлектронной борьбы и воздействия на информационные сети. В министерстве обороны США подчеркивают, что неядерные ударные силы существенно снижают зависимость от боевого состава ядерных сил и обеспечивают военно-политическому руководству США максимальную гибкость в принятии решений при реагировании на возникающие кризисные ситуации. Отмечается, что часть задач по поражению критически важных

¹ Сайфулин Р.
Как рождаются мифы // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 83.

² Гареев М. А.
Задачи надо решать сообща // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 15.

³ Подберезкин А. И.
Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. ДА МИД СССР / www.viperson.ru

Евразийская воздушно-космическая оборона

и стратегических объектов вероятного противника, в условиях выполнения договорных обязательств по сокращению СНВ, будет возложена на МБР и БРПЛ в неядерном оснащении и высокоточное оружие большой дальности»¹.

¹ Вильданов М.,
Русанов И.
Ключевое средство
устрашения // *Национальная
оборона*. 2012.
№ 9 (78). С. 50.

Единственной альтернативой созданию наступательно-оборонительного потенциала США может быть развертывание эффективной системы ВКО, способной уничтожать широкий спектр средств нападения — от высокоточных стратегических неядерных вооружений (прежде всего КРМБ, ГЗЛА, ударные беспилотники и др.) до «классических» СЯС. Полагаться на то, что уцелевших сил ответного удара России будет достаточно — беспрецедентная наивность. И не потому, что их мало и все они находятся в зоне поражения, но и потому, что немногие уцелевшие МБР и БРПЛ могут быть эффективно перехвачены создающейся глобальной системой ПРО США, которая очевидно будет не только создаваться и дальше, но и совершенствоваться, а ее компоненты размещаться по периметру границ России.

Наконец, полагаться на силы ответного удара смогут в будущем только Россия и отчасти Китай. Что же касается других евразийских государств, в т.ч. союзников России, то им придется либо полагаться на ядерные гарантии нашей страны (что,

как и в случае с гарантиями США своим союзникам, выглядит не очень убедительно), либо создавать совместную объединенную систему ВКО.

Реальность такова: объединенные системы ПРО–ПВО–ВКО, в сочетании с ВТО неядерным оружием, могут создаваться либо военно-политическими коалициями (что и делают уже США), либо в сотрудничестве с другими странами. При том понимании, что оперативное управление этими объединенными системами в конечном счете будет происходить из единого центра, в котором концентрируется вся информация от сенсоров. Что, собственно, подтверждается решением Совета НАТО в мае 2012 года в Чикаго, в котором неоднократно (пункты 8, 20, 32) говорилось о «сочетании ядерных вооружений с обычными вооружениями и системами ПРО»¹.

В этой связи становится понятно, что защита России и ее союзников в Евразии возможна только в том случае, если наравне с созданием современной системы боевого управления и развитием СНВ должное (я бы сказал, приоритетное) внимание будет уделено созданию эффективной системы ВКО.

Следует также заметить, что такой вывод предполагает отказ от широко рекламируемого до сих пор решения, в соответствии с которым стратегические вооружения способны гарантированно нанести ответный удар, а, значит, подобный «асимметричный» ответ делает создание ВКО затратным и бессмысленным. К сожалению, еще с 1980-х годов такой подход наносит серьезный ущерб, фактически ведя к свертыванию НИОКР в области ВКО, разрушению научных и конструкторских школ, растаскиванию материальной базы и техническому отставанию. Его ошибочность должна быть признана, а тем, кто его пропагандирует — предложена достойная аргументация.

Важно, чтобы как и в США, в российской элите сложился консенсус в понимании и подходе к проблемам ВКО, который не допускал бы прежних ошибок.

¹ Козин В.
Точка невозврата /
Алмаз-Антей. 2012.
№ 2. С. 57.

Два подхода к американской ПРО в России: история и современность

... современная администрация США продолжает разворачивать систему противоракетной обороны, способную в перспективе защитить США от угрозы ракетного удара любого возможного противника, в том числе российских МБР¹

*О. Матвеев,
профессор, полковник*

¹ Матвеев О. В. Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 123.

Следует понимать, что общая тенденция создания наступательно-оборонительно-информационного комплекса в США диктует свои принципы, один из которых — противостояние наступательных и оборонительных вооружений — существовал всю историю вооружений, включая ее ядерную фазу.

Надо сказать, что как в США, так и в СССР (а потом и в России) программы создания систем ПРО никогда не прекращались. Так, вспоминая об этом периоде, авторы работы «Ядерный щит» пишут: «Прогресс в создании межконтинентальных баллистических ракет инициировал в СССР работы в области отечественной противоракетной обороны. Работы эти велись поэтапно, соответственно техническому уровню средств ракетного нападения. Первый период характеризуется созданием противоракет и их оснащения, обладающих возможностью надежного поражения моноблочных головных частей. Важнейшей компонентой совершенствования ПРО являлось создание специализированных зарядов для этой системы. Вначале работы концентрировались в основном на создании зарядов, которые поражали бы моноблочные головные части рентгеновским излучением.

Во ВНИИЭФ работы по зарядам для ПРО были инициированы Е. М. Рабиновичем при активной поддержке Ю. Б. Харитона. Необходимо отметить, что эта деятельность велась в весьма жесткой конкурентной борьбе с коллективом ВНИИТФ, где значительных успехов добились Ю. А. Романов, В. Розанов, Ю. Диков...

Оснащение Военно-морских ядерных сил США разделяющими головными частями, способными соединяться в многоэлементные баллистические цели, состоящие из боеголовок и ложных целей для прорыва системы противоракетной обороны, поставило перед разработчиками отечественной ПРО новые задачи: наша система должна была с высокой вероятностью нейтрализовать боеголовки в составе сложной баллистической цели, включающей до 10 боеголовок; прикрытых дипольными отражателями, легкими и тяжелыми ложными целями. Важнейшей компонентой совершенствования системы ПРО являлось создание для нее специализированных зарядов.

По мере усложнения задач (главным образом с появлением разделяющихся головных частей) от разработчиков потребовалось при обеспечении радиусов поражения цели в несколько сотен метров кардинально уменьшить мощность взрыва для наведения противоракеты на цель в условиях множественных взрывов ядерных зарядов других противоракет. Этим задачам в наибольшей степени отвечали заряды, специализированные по поражению боеголовок нейтронами, а также рентгеновским излучением. Решению этих задач в значительной степени способствовало оснащение вычислительного комплекса ВНИИЭФ ЭВМ нового поколения, позволяющими проводить более сложные теоретические расчеты»¹.

Надо сказать, что в СССР, а затем (до сих пор) и в России политико-идеологический подход, игнорирующий стремление США создать наступательно-оборонительный комплекс, в котором дальнейшая роль принадлежала бы глобальной

¹ Грешилов А. А.,
Егунов Н. Д.,
Матушенко А. М.
Ядерный щит России.
М.: Логос, 2008.
С. 189–191.

системе ВКО США, прослеживается еще со времен выдвижения в 1983 году Р. Рейганом так называемой программы «звездных войн». Он основывался, если коротко, на пяти основных и достаточно спорных идеях:

- во-первых, технической невозможности осуществления перехвата межконтинентальных ракет;
- во-вторых, на установке правящей элиты США на «экономическое изматывание» СССР в гонке противоракетных вооружений;
- в-третьих, на способности СССР достаточно просто «асимметричными» мерами (т.е. совершенствованием способности СНВ СССР преодолеть ПРО) нейтрализовать все усилия США;
- в-четвертых, создании глобальной ПРО — как спорной идеи, по которой в американском истеблишменте пока нет консенсуса;
- в-пятых, возможные меры по ПРО СССР идут вразрез с идеями «разрядки» и «нового мышления».

После прихода к власти М. Горбачева эти идеи получили не просто свое развитие, но и оказались востребованы политической элитой в качестве очередного обоснования политики разрядки, компромиссов и часто неоправданных уступок со стороны СССР. Рационально-прагматический подход, который в 1972 году привел к подписанию Договора по ПРО между СССР и США, постепенно уступил место опасной политике бесконечных (и часто даже не ожидаемых) уступок. Апофеозом такой политики стал фактический отказ М. Горбачева в 1990 году от взаимосвязи процессов ограничения СНВ и ПРО. Надо понимать, что подобный пересмотр принципиального подхода взаимосвязи СНВ и ПРО был продиктован экономическими причинами, которые уже поставили СССР в зависимость от США, а не объективными обстоятельствами военно-стратегического характера.

Все эти годы США успешно и эффективно развивали передовые военные технологии, которые в разное время и по-разному были обеспечены политически и финансово идеей глобальной ПРО, от которой никто и никогда в руководстве США и не думал отказываться. Просто до определенного времени программы НИОКР находились в стадии, когда шли споры о том, нарушают они Договор по ПРО или нет, но когда Договор стал уже абсолютно не совместим с реальной военно-технической политикой, от него в Вашингтоне просто отказались.

Станным образом, но этот подход части российской элиты к созданию систем ПРО, оказавшейся абсолютно провальным, вновь реанимирован во втором десятилетии XXI века. По сути дела с теми же аргументами, которые практически не модифицируются теми же авторами.

Говоря о возникновении нового феномена в военной политике США, — формировании единого стратегического наступательно-оборонительного (иногда добавляют и информационного) комплекса, — критики этого подхода сразу же сталкиваются с замечаниями, которые приобрели определенную популярность у части политиков и экспертов вроде «А кто собирается нападать на Россию?» Или «Зачем оружие?»¹

Самый простой ответ на эти вопросы — попытаться спроецировать эти вопросы на США. Кто собирается нападать на США, у которых две безопасные границы и окружены двумя океанами, но тратят в последние десятилетия ежегодно уже не 300, а 700 млрд долл. на военные расходы? Неужели КНДР и Иран, против которых планируют развернуть сотни и даже тысячи систем перехвата? Кстати, критикуемая сегодня как «излишне амбициозная» программа перевооружения России до 2020 года (23 трлн руб. или 750 млрд долл.) примерно равна одному финансовому году расходов на оборону США.

Анализ военных программ США, таким образом, зависит не от реалий — планов и финансирования, — а от отношения,

¹ Караганов С. А. Зачем оружие? // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 8–23.

оценок, нередко идеологически и политически предвзятых и непрофессиональных. Хотя авторы, исследующие их, нередко и критикуют своих оппонентов за «непрофессионализм». Так, в докладе РСМД, в частности, с самого начала говорится: «К сожалению, обсуждение проблемы противоракетной обороны у нас зачастую ведется крайне некомпетентно, на уровне пропагандистских мифов и стереотипов. При этом доминируют алармистские оценки, многократное преувеличение военно-технических возможностей американской ПРО. У общественности создается ложное представление о ненадежности нашего потенциала ядерного сдерживания. Полностью игнорируются уже имеющиеся и новейшие российские средства преодоления ПРО. Складывается впечатление, что и у нас возобладали оценки, основанные на наихудшем сценарии развития противоракетной обороны США»¹.

Это утверждение уважаемых экспертов выглядит странно по меньшей мере, по нескольким причинам.

Во-первых, Министерство обороны России не раз публично заявляло о том, что при реализации третьего и четвертого этапов ЕПАП (к 2018–2020 гг.) появится реальная возможность поражения российских МБР и БРПЛ на различных этапах траектории их полета. Конечно, представителей МО и ГШ можно назвать «некомпетентными» людьми и «алармистами», но представляется, что публичные заявления такого рода, даже в атмосфере царящей безответственности, даром пройти не могут.

Но не это главное, а то, что создание новых систем ПРО США в комплексе с увеличенными возможностями по точности и дальности стратегического ВТО в неядерном оснащении, а также новые возможности управления и связи, сетецентрические и кибернетические потенциалы в совокупности могут позволить США в среднесрочной перспективе рассчитывать

¹ Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 62.

на создание потенциала «обезглавливающего» и «разоружающего» удара.

Тем более вряд ли можно согласиться с выводом доклада РСМД, в котором оптимистично утверждается, что, «как показывает объективный анализ (!) фактической ситуации, через 10 лет после выхода из Договора по ПРО у США нет и в обозримом будущем не будет стратегической противоракетной обороны, способной отразить ответно-встречный и даже ответный удар российских стратегических ядерных сил»¹.

Странно, но многие эксперты, в т.ч. и в США, вполне уверены, что такая глобальная система ПРО создается. И создается успешно. Более того, по мнению НГШ ВС РФ В. Герасимова, такая конфигурация ПРО (США) представляет угрозу для российских стратегических сил, размещенных в любом регионе страны. «Развернутые средства американской ПРО уже сегодня имеют потенциал перехвата российских ракет, а информационная подсистема ПРО США в настоящее время обеспечивает охват всей территории России»².

При таком идеологизированно-политическом подходе остается одно: изначально согласиться, что угрозы создания глобальной ПРО США нет, что американское правительство (тратя сотни миллиардов долларов) изначально выбрасывает их на ветер.

Как-то трудно верится, что детальные планы, рассчитанные на десятилетия (и выполняемые довольно успешно), — блеф, за которым стоит авантюра. Тем более не верится, что достаточно успешно проводимые НИОКР через 10 лет не дадут искомого стратегического результата.

Между тем по информации Агентства по противоракетной обороне США (MDA) 25 октября 2012 года успешно прошли одни из крупнейших тестовых учений по отражению ракетной угрозы состоящей одновременно из пяти целей и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются

¹ Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С.М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 62.

² Козин В. Точка невозврата / Алмаз-Антей. 2012. № 2. С. 57.

Евразийская воздушно-космическая оборона

во второй раунд создания глобальной системы ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться в начале в Европе и Юго-Восточной Азии.

Одновременное выявление, слежение и уничтожение пяти целей реализовано благодаря отладке интегрированной системы управления, контролирующей составные части комплекса региональной ПРО, расположенные на земле, воздухе и воде. Впервые установки типа THAAD отразили угрозу удара ракетами средней дальности, а комплекс Patriot Advanced Capability-3 (PAC-3) уничтожил крылатую ракету малой дальности (SRBM), двигавшуюся на предельно малой высоте вдоль водной поверхности.

Аэробаллистическая ракета большого радиуса действия (E-LRALT) была сброшена с самолета ВМС США C-17 над океаном к северу от атолла Уэйк, после чего радар AN/TPY-2, расположенный вместе с системой THAAD на острове Мек, отследил ее, а перехватчик THAAD успешно уничтожил (системой перехвата управляли подразделения 32 AAMDC).

РЛС AN/TPY-2 комплекса THAAD,
развернутая на атолле Кваджалейн в ходе учений

Другую ракету малого радиуса действия запустили с мобильной морской платформы, расположенной к северо-востоку от атолла Кваджалейн, после чего комплекс PATRIOT, укомплектованный солдатами 94 ААМДС, обнаружил и отследил ее, а перехватчик РАС-3 успешно ее уничтожил.

Главной задачей испытаний, как заявлялось, была отладка взаимодействия всех составных звеньев региональной системы ПРО, координированное выполнение задач различных родов войск (ВМС, ВМФ, СВ, ПРО) с использованием новейшей системы управления и контроля боевыми операциями (С2ВМС), которая **в глобальном варианте будет реализована к 2020 году**. Боевые испытания дали отличную возможность исследователям на основе полевых данных доработать существующие системы¹.

Сегодня можно уже говорить о том, что формирование единого наступательно-оборонительного комплекса США выходит за рамки одного государства и даже НАТО. Его элементы складываются в глобальном геополитическом пространстве — от Австралии и Аляски до Европы. Нельзя не признать, что это уже та геополитическая реальность, о которой публично говорят политические и военные руководители России².

Она объективно противостоит другой, уже исторической реальности, которую ректор МГИМО(У) А. Торкунов описал следующим образом: «Отсутствие природных границ на территории Евразии — естественная причина, исторически провоцировавшая населяющие ее народы к объединению всех ее территорий, инициировавшего как с Востока, так и с Запада. Во взаимодействии евразийских народов на протяжении всей их истории прослеживается одна и та же закономерность: пульсирующее чередование двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства — единой государственности и системы государств»³.

¹ План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

² Козин В. Точка невозврата / Алмаз-Антей. 2012. № 2. С. 57.

³ Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 48.

В этом смысле создание объединенной евразийской системы ВКО можно рассматривать как единственную военно-политическую и военно-техническую возможность не только нейтрализации новой угрозы, но и стимула для евразийской интеграции. Этому аспекту пока что уделяется мало внимания, хотя именно общность военно-политических интересов перед угрозой создания наступательно-оборонительного комплекса США и его союзников в Евразии становится той базой, на которой может проходить успешно интеграционный процесс. Не случайно и то, что позиции противников евразийской интеграции и создания эффективной ВКО в Евразии практически совпадают.

Наверное, это общая тенденция: так или иначе, формирование региональных военно-политических и идеологических союзов — закономерность XXI века, которая, к сожалению, медленнее всего реализуется пока что в Евразии. В полной мере это замечание относится к стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям (ядерным и обычным) в Евразии.

В целом процесс развития как СНВ и системы ПРО в США и России, так и неядерных вооружений говорит о том, что в этих, да и ряде других государств складывается единый наступательно-оборонительный комплекс¹, когда возникает возможность применения первого «разоружающего» удара с уверенностью, что ослабленный ответный ядерный удар будет нейтрализован будущей глобальной системой ПРО. Пример войны Израиля с ХАМАС в ноябре 2012 года — очень показателен. Он «в миниатюре» демонстрирует военную эффективность идеи, ее технологическую реализуемость. То, что после этого конфликта в Израиле активизировались усилия в этом направлении, более того, резко увеличились масштабы и были внесены коррективы в планы использования ВТО и ПРО, — лишний раз подтверждает устойчивость этой тенденции.

¹ Еще в конце 1980-х годов это достаточно хорошо просматривалось. В частности, это был один из выводов докторской диссертации А. И. Подберезкина. См.: Эл. ресурс «Рейтинг персональных страниц» / <http://www.viperson.ru>

Дестабилизирующая роль глобальной системы ПРО США разница в оценках

... учитывая неразрывную взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, могут возникнуть основания для выхода нашей страны из договора об СНВ¹

*Д. Медведев,
Президент России*

Поручение В. Путина о разработке долгосрочного прогноза и стратегическом планировании применительно к евразийской интеграции и ВКО становится следствием точных оценок действительности, реалистичности подходов.

Дестабилизирующая роль формирующейся глобальной системы ПРО США очевидна не только в политико-дипломатической и военно-политической области, но и в таких, казалось бы, далеких областях как гуманитарное сотрудничество. Более 80% тематики российско-американских отношений так или иначе связано с контролем над вооружениями, из которого США упорно избегают договоренностей по ограничению военно-космической и противоракетной тематики.

С точки зрения процессов евразийской интеграции политика США по созданию глобальной ПРО является крайне дестабилизирующей и опасной. Что подчеркивается российскими экспертами: «Особое место занимает тема ПРО. Нерешенность проблемы тормозит формирование нового уровня безопасности на континенте. Развертывание ПРО в ущерб российским интересам становится существенным дестабилизирующим фактором»², — считает, например, заместитель министра обороны России А. И. Антонов.

¹ Медведев Д. А. Заявление Президента РФ Дмитрия Медведева в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе / Цит. по: ЕвроПРО: сотрудничество или конфронтация / Алмаз-Антей. 2012. № 1. С. 7.

Стратегические оборонительные силы, включающие в себя силы и средства системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе, противокосмической обороны и контроля космического пространства, противоракетной обороны и противовоздушной обороны Северо-Американского континента, по существу в настоящее время представляют единую систему воздушно-космической обороны (ВКО) США. Если в России и других евразийских государствах еще только начался этот процесс, то в США он идет несколько десятилетий и достиг достаточно продвинутой стадии. Это стало логическим продолжением последовательной политики США на протяжении более трех десятилетий. Еще в середине 1980х гг. в связи с принятием программы СОИ американское военно-политическое руководство провозгласило концепцию, в которой определялось, что «развитию вооруженных сил США должно быть присуще стремление не к соревнованию с Советским Союзом в числе мотострелковых и танковых соединений для ведения наземных сражений, а к использованию преимуществ американского промышленного и технологического потенциала для создания высокоточного оружия морского и воздушно-космического базирования в виде космических боевых средств, пилотируемых и бесплотных авиационных средств, роботизированных разведывательно-ударных комплексов¹.

¹ Матвеев О. В. Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 121.

В СССР и России на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до самых последних лет, политика в этом вопросе была не логична и не последовательна. И сегодня, недооценка дестабилизирующей роли глобальной ПРО США лежит как в основе оценок действий США в этой области, так и критики программ создания и развертывания ВКО России и Евразии у части российского экспертного сообщества и правящей элиты. Эта недооценка, как уже говорилось, стала своего рода традицией, укрепившейся со времен М. Горбачева. Несмотря на огромный вред, который такой подход нанес отечественно-

му ОПК и перспективным НИОКР, этот подход остается, более того, актуализируется и сегодня.

Особое значение имеют оценки перспектив создания глобальной системы ПРО США, которые сегодня в российской элите достаточно конкретны. Речь идет даже не о том потенциале ПРО, которым США будут обладать в 2020–2022 годах, а о военно-политической и военно-технической тенденции, которая свидетельствует о стремлении создать такую систему «абсолютной неуязвимости», во-первых, и стимулирование развития научно-технических направлений, реализуемых в США сегодня, во-вторых. Это важно учитывать потому, что сегодня анализ основывается на уже устаревших оценках. Так, в среднесрочной перспективе (до 10 лет) ситуация, по мнению экспертов РСМД, может выглядеть следующим образом¹.

¹ Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 21–22.

Противоракетная оборона США и России

США 2012 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+6 в резерве)
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	791
	SM-3 Block IA & IB	104
	THAAD	50
Россия 2012 г.		
Стратегическая ПРО	А-135 ((противоракеты 53Т6М)	68
Нестратегическая ПРО	С-300 (48Н6)	несколько сотен
	С-400 (40Н6)	несколько десятков
США 2015 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+17 в резерве)
	Двухступенчатые GBI	?
	SM-3 Block IIA Эшор	15 (в Румынии)?
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	~900
	SM-3 Block I A & IB	236
	THAAD	226

Евразийская воздушно-космическая оборона

Россия 2015 г.		
Стратегическая ПРО	A-135	68
Нестратегическая ПРО	C-300	?
	C-400	?
США 2018 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+27 в резерве)
	Двухступенчатые GBI	несколько штук?
	SM-3 Block IIA Эшор	48 (в Польше, Румынии)?
	SM-3 Block IIB	0
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	> 900
	SM-3 Block I A & IB	356
	THAAD	330
Россия 2018 г.		
Стратегическая ПРО	A-135	84 (68+16 дополнительно)?
Нестратегическая ПРО	C-300 ПМУ-2	несколько сотен
	C-400	?
	C-500	?
США 2020 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+27 в резерве)?
	Двухступенчатые GBI	несколько штук?
	SM-3 Block IIB Эшор	48 (в Польше, Румынии)?
	SM-3 Block IIB	несколько десятков?
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	> 900
	SM-3 Block I A & IB	472
	THAAD	330
Россия 2020 г.		
Стратегическая ПРО	A-135	84
Нестратегическая ПРО	C-300 ПМУ-2	1280?
	C-400	1856?
	C-500	320?

К сожалению, стратегический прогноз, сделанный экспертами РСМД, основывается на оценках современных планов и уровня НИОКР в США, известных в официальных документах. О начальных и даже продвинутых стадиях НИОКР, которые не известны научной общественности, по понятным причинам трудно говорить, хотя очевидно, что такие научно-технические заделы существуют. Что признают сами эксперты. Так, авторы доклада РСМД отмечают, что «в целом же, пока окончательные параметры американской противоракетной обороны, прежде всего стратегические компоненты, не определены. Более или менее сформулированы планы на период до 2018 г. (первые три этапа ЕПАП), но четвертый этап и последующие шаги пока не ясны»¹.

Противоракета шахтного базирования GBI устанавливается на пусковой позиции позиционного района ПРО на Аляске

Сегодня очевидно, что США стремятся создать глобальную систему ВКО прежде всего посредством создания региональных поэтапных планов (РАА) в Европе и Юго-Восточной Азии.

Российские исследователи отмечают слабые места программы: «В настоящее время американская стратегическая

¹ Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С.М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 21.

¹ Учебный перехват мишени FTG-06, проведенный 15 декабря 2010 года был неудачным. В этом испытании предпринята первая попытка перехвата цели на дистанции свыше 7000 км, что несколько ниже характеристик дальности современных МБР, но вплотную приближается к максимальной дальности БРПЛ.

² Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 20–21.

³ Там же.

ПРО включает 26 перехватчиков GBI на Аляске (Форт-Грили) и четыре перехватчика в Калифорнии (авиабаза Ванденберг). Следует отметить, что Пентагон ни разу не проводил испытаний перехвата МБР¹, а также группового запуска противоракет GBI. Кроме того, как подчеркивается в докладе Главного управления отчетности, «способность CE-1 и CE-2 поражать цели в условиях применения противником средств преодоления ПРО не установлена». Первое испытание противоракеты GBI по перехвату МБР намечено на 2015 г., второе — лишь на 2021 год»².

Представляется, что не очень-то скрываемый пессимизм российских экспертов не обоснован. С точки зрения развития современных вооружений и НИОКР, срок в 2–3 года и даже 8–10 лет не является каким-то заоблачным. Он вполне укладывается в среднесрочные программы планирования.

Совершенно другое дело, если придется догонять. Очевидно, что такие научно-технические заделы США, которые быстро превратятся в превосходство, нейтрализовать будет невозможно. Поэтому современные оценки имеют мало общего с будущей реальностью. Так, авторы доклада РСМД пишут: «Модифицированный вариант перехватчика SM-3, якобы способный перехватывать МБР, должен поступить на вооружение лишь к началу следующего десятилетия. Количество закупаемых противоракет SM-3 Block 2B и их технические параметры пока не известны»³.

Сомнительность перспектив создания глобальной ПРО США для российских авторов доклада очевидна, хотя, исходя из опыта последних 30–40 лет, можно говорить, что в целенаправленности и последовательности Вашингтону отказать нельзя. Более того, количество «неизвестных противоракет» не является проблемой. Тот же опыт Израиля показывает, что развертывание пяти батарей системы «железный купол» заняло полтора года, а сами сроки развертывания были даже сокра-

ВКО как альтернатива...

щены. Поэтому при оценках и прогнозах на долгосрочную перспективу необходимо исходить из долгосрочных тенденций. Прежде всего анализа интересов и ценностей, продвигаемых США в мире, планов НИОКР и военного строительства, а не из намерений той или иной части республиканской или демократической элиты США, которые по большому счету в долгосрочной перспективе совпадают. О чем свидетельствует, в том числе, и реализация идеи глобальной ПРО США.

Политическая «позиция силы» и ВКО

... в Чикаго Североатлантический альянс..
создал специфическую новую «триаду»,
состоящую как из ядерных, так и обычных
вооружений, как из оборонительных
противоракетных систем, так и
наступательных ракетно-ядерных
потенциалов США¹

*В. Козин,
эксперт РИСИ*

¹ Козин В.
Точка невозврата /
Алмаз-Антей. 2012.
№ 2. С. 57.

Даже создание простого впечатления о возможном безнаказанном воздушно-космическом нападении радикально усиливает внешнеполитические возможности США и их союзников. Даже, если предположить, что дело до прямого применения военной силы и не дойдет. В политике косвенное использование военной силы — шантаж, либо «создание впечатления» о такой возможности — во многом не только предопределяет политический результат, но и делает достижение такой цели возможным более эффективным, политическим способом. Важно, правда, оговориться: чтобы шантаж или блеф были эффективными, они должны выглядеть абсолютно реальными, т. е. обеспечены военно-техническими возможностями.

Во всяком случае, получение политико-психологической «позиции силы» расширяет спектр возможных угроз и форм использования военной силы. В том числе и в Евразии, к границам которой легко можно передислоцировать компоненты, оснащенные «Иджисами», создав в короткие сроки очевидное военное превосходство. Как отмечают эксперты, «при условии реализации планов и, главное, создания надежной ПРО, США

к 2019–2020 гг. может игнорировать внешний уровень стратегических угроз и закрепить за собой реальную роль мирового гегемона, а Россия полностью утратит фактор ядерного сдерживания»¹. Что, естественно, немедленно отразится не только на ее внешнеполитических позициях, но и на внутривнутриполитической ситуации в стране.

Эволюцию взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений США наглядно описал 1-й зампред КМД Госдумы РФ Л. Калашников: «Проектируемая сегодня архитектура американской ПРО характеризуется высокой мобильностью большей части носителей. Это позволяет оперативно перенацеливать эту систему против практически любой страны, ракетный потенциал которой США захотят блокировать. Судите сами: к 2015 году около половины американских ракет-перехватчиков составят системы «ти-эйч-эй-эй-ди» (THAAD), которые могут быть быстро переброшены с континента на континент военно-транспортной авиацией. Почти всю другую половину составят перехватчики «Иджис» эс-эм-три морского базирования. Корабли — носители этих перехватчиков также могут быть достаточно оперативно переброшены к берегам любой страны. Что касается наземных позиционных районов размещения перехватчиков, то пока все районы за пределами территории самих США проектируются вблизи российских границ — в Румынии и Польше»².

Возможности зенитных ракет, как и противоракет, значительно шире, чем кажется неспециалистам. Американцы изначально, еще для самых ранних своих зенитных ракет, предусматривали возможность применения их не только по воздушным, но и наземным целям. Ракета SM-3 (Standard Missile-3) — говорят, — вещь сугубо оборонительная. Но в США есть и план развития семейства ракет SM-3 для корабельной системы боевого управления «Иджис», которая обеспечивает поражение целей на суше и воде, под водой

¹ Щит России: системы противоракетной обороны. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. С. 3.

² Калашников Л. Повестка дня саммита НАТО в Чикаго: место России в планах альянса / В сб.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: Кучково поле. 2012. С. 37.

Евразийская воздушно-космическая оборона

и в воздухе. И этот план чудесным образом является продолжением работ по созданию и принятию на вооружение ракеты LASM (Land Attack Standard Missile) для высокоточного поражения наземных целей¹.

Ракета SM-3 Block IV уже может перехватывать цели на космических орбитах — на высоте до 320 км и на дальности до 770 км. Таким образом с передовых позиций у границ России американские противоракеты могут выполнять стратегические задачи даже лучше межконтинентальных ракет.

¹ Справедливости ради следует сказать, что техническая возможность применения ЗУР по наземным целям обеспечивается и российскими комплексами ПВО. Однако эта возможность считается нештатным случаем применения, и разработки специализированных платформ не ведутся.

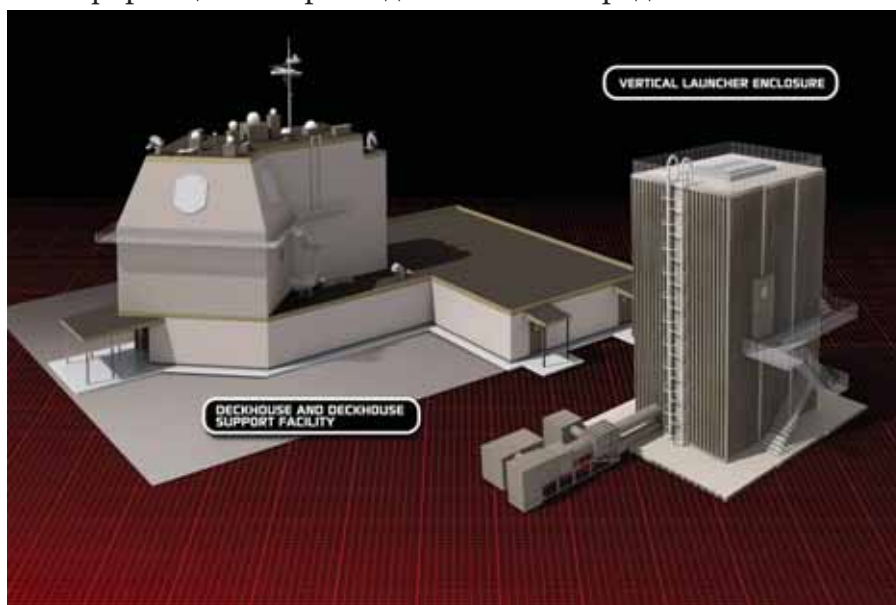

В целом, как отмечал бывший исполнительный директор НИИРП (ГСКБ) С. Курушкин, «Декларируемой целью американских работ по программе ПРО остается поэтапное развертывание в течение ближайших 10–15 лет многоэшелонной глобальной системы противоракетной обороны с многочисленными элементами различных видов базирования (наземного, воздушного, морского и космического) для защиты территории США, их союзников и значительных по размерам зон ТВД от ударов БР всех типов.

ВКО как альтернатива...

Принцип эшелонирования, заложенный в основу системы ПРО, предусматривает разработку и развертывание:

- средств перехвата баллистических целей на конечном участке траектории;
- средств перехвата баллистических целей на среднем участке траектории;
- средств перехвата баллистических целей на активном участке траектории;
- системы боевого управления и связи;
- информационно-разведывательных средств»¹.

Проект системы ПРО берегового базирования Aegis Ashore, создаваемой на базе компонентов ПРО морского базирования и использующей противоракеты Standard SM-3

¹ Курушкин С.
Противоракетный щит
США / Эл. ресурс
«Армейский вестник» /
<http://army-news.ru/2011/12/protivoraketnyj-shhit-ssha/>

При этом особое внимание уделяется разработке и развертыванию систем раннего обнаружения (не более 10–15 сек), что является основным принципом многоэшелонной ПРО, в частности системы SBARS (высокоорбитальными — SBIRS-high и низкоорбитальными — SRIRS-low) компонентами,

модернизации РЛС дальнего обнаружения «Бимьюс» и РЛС X-диапазона, завершению развертывания противоракет дальнего перехвата в Форте-Грили и завершению комплектования двух батарей ТХААД.

Кроме того, предполагается глубокая модернизация многофункциональной системы управления оружием «Иджис» в интересах ПРО и противоракет «Стандарт-3» для обеспечения возможности поражения баллистических ракет, в том числе межконтинентальных баллистических ракет не только на активном и восходящем участках, но также на конечном участке траектории. Важная роль принадлежит и модернизации системы боевого управления и связи, способной выполнять задачи ПРО.

На этом фоне часто остается незамеченной роль поддерживающих систем, не входящих непосредственно в СПРН США и не причисляемой к средствам ПРО. В то же время, комплексная программа модернизации систем связи и навигации США вовсе не остается в стороне от решения задач ВКО. Так, например, начиная с блока ПА, спутники глобальной навигационной системы NAVSTAR (известные также как GPS) оснащаются комплексом оптических, ИК, ЭМ и гамма-датчиков, которые, согласно заявлениям производителя, предназначены для обнаружения ядерных испытаний. Этот же комплекс датчиков может быть использован в решении задач СПРН, контроля поражения целей противника с использованием ядерного оружия (вероятно, это их главное назначение, поскольку наземные ядерные испытания повсеместно запрещены), а также сопровождения траекторий баллистических целей, дополняя существующую инфраструктуру ВКО. Глобальное покрытие системы NAVSTAR позволяет без дополнительных усилий реализовать эффективную систему слежения, дополняющую специализированные средства. В дальнейшем спектр устанавливаемых датчиков может быть расширен.

Возможность и необходимость создания ВКО России и Евразии

Достижения постсоветской интеграции последних лет, вероятно, связаны с двумя обстоятельствами — ростом реальной интеграции «снизу» в 2000-е гг. и глобальным экономическим кризисом¹

Е Винокуров, А. Либман

Такой же прорыв, который произошел в экономической интеграции, можно и нужно ожидать и в интеграции военно-политической. И в том числе по тем же причинам: осознанием общности интересов, включая интересы безопасности, в элитах и углублением конфликтности как следствия продолжающегося мирового кризиса.

В силу целого ряда причин, таким образом, складывается потенциальная основа для военно-политической интеграции, в том числе и в области ВКО, что, в частности, проявилось в решении Ашхабадского (декабрь 2012 г.) саммита. Немаловажное значение имеет и то, что только у России существует материальная основа для создания единой системы ВКО ОДКБ–СНГ–Евразии.

У СССР есть опыт создания ракет-перехватчиков баллистических ракет, в частности, у НИИРП ГСКБ, которая 4 марта 1961 года впервые в мире осуществила перехват и поражение на высоте 25 км ГЧ БР Р-12, летевшей со скоростью более 3 км/с. Достигнутые к 1961 году результаты в реализации принципов построения системы ПРО и большое количество натурных экспериментов в радиолокации баллистических целей, наведения противоракет (ПР) и поражения ГЧ осколочно-фугасными боевыми частями до сих пор остаются

¹ Винокуров Е., Либман А. Постсоветский интеграционный прорыв // Россия в глобальной политике. 2012. Март–апрель. Т. 10. № 2. С. 35.

существенной частью фундамента созданных в России уникальных боевых систем ПРО.

Вся совокупность этих экспериментальных работ заложила фундамент создания первой системы ПРО г. Москвы — А-35 (генеральный конструктор Г. Кисунько). Основными отличиями технических требований к системе А-35 от требований к системе «А» было существенное увеличение дальности и высоты действия ПР. Институт решил эту задачу. Государственная комиссия в своем акте констатировала, что система «А-35» отвечает предъявляемым к ней требованиям. Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР она была принята на вооружение Советской Армии. Противоракеты и средства наведения размещались на четырех объектах на расстоянии 70–80 км от Москвы: в районах Клина, Загорска, Наро-Фоминска, Нудоли.

В дальнейшем система А-35 была модернизирована (система А-35М, главный конструктор И.Д. Омельченко) для перехвата БР, оснащенных комплексом средств преодоления ПРО и была принята на вооружение в 1977 году¹.

Важно понимать, что создание наступательно-оборонительного комплекса будет тем эффективнее, чем меньше способность ответного удара у оппонента. Существует немало оценок потенциала СЯС России, которые зависят в конечном счете не столько от возможностей ОПК, сколько от политической воли руководства страны. Хроническое недофинансирование последних десятилетий сыграло с ним злую шутку: не только промышленные возможности, но и НИОКР деградировали практически до уровня конца 80-х годов XX века. Так, Л. Калашников оценивает перспективы следующим образом: «Посмотрим теперь, какой ракетный потенциал может иметь Россия через четыре года, когда США развернут почти тысячу ракет-перехватчиков. Сегодня Россия имеет менее 80 новых межконтинентальных баллистических ракет с пример-

¹ Научно-исследовательский институт радиоприборостроения (НИИ РП). Эл. ресурс: <http://www.raspletin.ru>

но 90 боеголовками. Когда я говорю о новых ракетах, я имею в виду ракеты постсоветского производства. Обновление парка российских МБР ведется с 1998 года средним темпом всего по 5–6 МБР в год. Таким образом, к 2015 году можно ожидать наличия у России всего 100–105 новых МБР. Если будет сохранена ставка на моноблочные МБР „Тополь-М“, как основу российских РВСН, то эти МБР будут нести в общей сложности всего порядка 110–115 боеголовок»¹.

Очевидно, что новых межконтинентальных ракет будет недостаточно: если по ним будет нанесен упреждающий удар, вероятность их применения будет близка к нулю.

Остается советский потенциал, который Л. Калашников описывает следующим образом: «Что касается МБР советского производства, состоящих сегодня на вооружении российских РВСН (это ракеты Р-36, УР-100 и мобильные „Тополь“ — прошу не путать с „Тополь-М“), то этим ракетам к 2015 году будет от 25 до 35 лет. В результате многократных продлений срока службы этих МБР часть из них в 2015 году, вероятно, ещё будет стоять на боевом дежурстве. Однако, по оценке некоторых экспертов-ракетчиков, реальной возможности применить эти ракеты может уже не быть. Боеспособности ракет Р-36 угрожает старение зарядов и растрескивание горючей смеси стартовых газогенераторов, ракетам „Тополь“ — старение горючей смеси блоков твердотопливных двигателей, всем без исключения ракетам — старение металла корпуса. Может получиться, что формально стоять на дежурстве ракеты ещё смогут, но попытка их запуска приведёт лишь к разрушению ракет.

Для сравнения отмечу: американцы заменили на своих МБР „Минитмэн-3“ и топливные заряды, и системы наведения, то есть, это, фактически, новые ракеты»².

Фактически это означает, что советские ракеты окажутся малоэффективны, если вообще боеспособны. Таким образом, — продолжает Л. Калашников, — примерно ста российским МБР

¹ Калашников Л.
Повестка дня саммита
НАТО в Чикаго: место
России в планах
альянса / В сб.: НАТО:
мифы и реальность.
Уроки для России
и мира. М.: Кучково
поле. 2012. С. 38.

² Там же.

Евразийская воздушно-космическая оборона

со 110–115 боеголовками к 2015 году могут противостоять 400 американских ракет-перехватчиков дальнего действия. Не забудем при этом об огромном американском потенциале первого обезоруживающего удара, который заключается, прежде всего, в нескольких тысячах крылатых ракет морского базирования, способных скрытно приблизиться к целям в глубине атакуемой страны. Число этих крылатых ракет не ограничено никакими международными договорами. При подготовке Договора СНВ-3 американцы снова вывели эти ракеты из-под действия соглашения. Хотя в условиях господства флота НАТО в Мировом океане эти крылатые ракеты являются по отношению к России не тактическим, а именно стратегическим оружием, и, как таковые, должны подпадать под соглашения об ограничении стратегических вооружений. Но наши дипломаты уже в который раз приняли позицию, угодную США, сколько бы абсурдной эта позиция не была. Так вот, с учётом американского потенциала первого обезоруживающего удара, надо констатировать, что в случае войны, большая часть российских МБР может вообще не взлететь»¹.

¹ Калашников Л.
Повестка дня саммита
НАТО в Чикаго: место
России в планах альян-
са / В сб.: НАТО: мифы
и реальность. Уроки
для России и мира. М.:
Кучково поле. 2012.
С. 38.

МБР мобильного базирования Тополь-М

В этой связи развитие потенциала ВКО России — совершенно естественный и объективный процесс, который, однако, осложнен рядом не выясненных до конца военно-политических проблем. Как справедливо заметил академик А. Арбатов, «...радикальное повышение акцента на оборонительные системы в дополнение к наступательному потенциалу — это в принципе совершенно правильный поворот российской военной политики и военного строительства. Другое дело, что конкретные организационные и технические решения и планы представляются весьма спорными. Недостатком является и то, что система и программа ВКО не встроены в общую российскую концепцию безопасности и стратегической стабильности. На встрече с военно-политическими экспертами в Сарове в конце марта 2011 года тогда еще кандидат в президенты РФ Владимир Путин подчеркнул: „...Нам нужно такое серьезное базовое обоснование всего того, что мы планируем. Это должна быть определенная философия нашей работы...“¹.

Пока эта работа компетентными ведомствами не выполнена, что может быть и объяснением спорных аспектов ВКО. В частности, нет никаких официальных формулировок относительно того, как ВКО вписывается в ту модель стратегической стабильности, которой, по мнению Москвы, будет угрожать американская программа ПРО»².

Но стратегической стабильности, безусловно, будет угрожать не только ЕвроПРО, но и другие региональные, территориальные и мобильные (морские) системы ПРО США, которые ускоренно создаются в последние годы и станут реальным стратегическим компонентом вооруженных сил США уже в ближайшем будущем. О том, что такие конкретные планы существуют, свидетельствуют детально проработанные документы Агентства по противоракетной обороне США, в частности, его руководителя генерал-лейтенанта Патрика О`Рейли³.

¹ Цит. по: Арбатов А.Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 21.

² Там же. С. 24.

³ US DOD, MDA, Unclassified Statement of Lieutenant General Patrick J. O'Reilly Director, Missile Defense Agency before the Senate Armed Services Committee... Wednesday, April 25, 2012 / http://www.mda.mil/global/documents/pdf/PS-SASC_oreilly_042512.pdf

Параллельно с наращиванием высокоточного потенциала неядерных вооружений, прежде всего КР и создаваемых гиперзвуковых ракет и других ЛА, подобное развитие стратегического наступательно-оборонительного потенциала США определенно и недвусмысленно создает угрозу стратегической стабильности в мире, но, прежде всего, в Евразии, где, собственно говоря, и разворачивается такой потенциал. Особенную остроту и актуальность этой проблеме придает концепция сетецентрических войн, которая уже радикально повлияла на военное искусство. Как отмечают эксперты, «Известны четыре основные фазы ведения сетецентрических боевых действий:

- достижение информационного превосходства;
- завоевание превосходства в воздушно-космической сфере;
- последовательное уничтожение противника, оставшегося без информации и управления;
- окончательное подавление или уничтожение очагов сопротивления противника.

Элементы такого подхода просматривались в войнах последнего десятилетия XX века (1991 г. — Ирак, 1999 г. — Югославия). Однако в полной мере указанная концепция была опробована в ходе второй войны США и их сателлитов против Ирака в 2003 г., завершившейся взятием Багдада и свержением Саддама Хусейна. О полной победе в этой войне было объявлено уже через два месяца после ее начала. В этот же период считалось, что и практическая реализация концепции сетецентрической войны себя полностью оправдала¹.

В настоящее время развитие средств воздушно-космического нападения идет стремительными темпами, что позволяет говорить о том, что всё интегрированное воздушно-космическое пространство становится потенциальным театром военных действий. Совершенствуются на качественно новой основе все без исключения средства воздушно-космического нападения (СВКН)².

¹ Сиников А.
Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 41.

² Барвиненко В., Аношко Ю.
Основные проблемы воздушно-космической обороны // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66). С. 17.

ВКО как альтернатива...

Из этого логично вытекает, что чем сильнее будет потенциал СНВ, эффективнее системы боевого управления и качественнее система ВКО, тем выше ядерный порог и меньше возможности использовать ядерное и неядерное оружие в политико-психологических и прямых военных целях. Это означает, что возможности использования военной силы — в политической (косвенной) и военной (прямой) форме — сужаются, мир становится прочнее, правовые и иные международные институты — устойчивее. Причем, только совершенствование потенциала СНВ (игнорируя развитие ВКО на всем евразийском континенте) не обеспечит в будущем ядерного и обычного сдерживания. Широкому спектру создаваемых средств воздушно-космического нападения должна противостоять система обороны, которая также будет ориентироваться на нейтрализацию самых различных угроз — от кибер и информационных средств, СКР, ударных беспилотников, БР и т. д.

В этой связи важно отметить, что позиция ряда известных экспертов советского и российского руководства, которые с 80-х годов XX века полагали, что «асимметричные» меры противодействия развитию американской ПРО способны компенсировать этот процесс, представляется ошибочной. С точки зрения научно-технической, как уже говорилось, она привела к замораживанию, даже развалу НИОКР по проблематике ПРО, что отразилось на возможностях создания ракет-перехватчиков БР, систем боевого управления, связи и разведки. Современные российские системы ПРО — С-300 и С-400 — не способны к перехвату стратегических баллистических ракет, а создание других систем, способных выполнять эти функции, в ближайшие годы еще только ожидается.

Потеряно не только время, но многие научно-конструкторские школы, значительный научно-технический потенциал, а, главное, кадры, воссоздать которые необходимо в кратчайшие сроки совместными усилиями. (Хотя есть, безусловно, и достижения, например создание С-400). И не только России и ее союзников по ОДКБ, но и с помощью инвестиций других евразийских государств, включая, может быть, даже европейских. Можно напомнить, что еще со второй половины нулевых, представителям России не раз говорили о **политическом значении** региональных ПРО, в частности, в Европе. Так, в то время, К. Косачев, например, обратил внимание на готовность США распространить ПРО на Украину и Грузию и так далее по периметру России¹.

Политическое значение евразийской ВКО — огромно. Предполагается, что предложить участие в этой суперпрограмме можно всем евразийским государствам, а не только странам-членам ОДКБ. Включая страны Евросоюза, Иран, Индию и КНДР. Таким образом «зонтик» ВКО, созданный в Евразии объективно снизит возможности использования новых военных технологий и станет ясным мотивом для ограничения программ развития стратегических и оперативно-тактических вооружений.

¹ Косачев К.
Щит или меч? /
Эл. ресурс «ИноСМИ».
2007. 9 апреля /
<http://www.inosmi.ru>

Эта инициатива должна получить правовое оформление. Такое, которого сегодня пытаются избежать США при создании европейской системы ПРО в отношениях с Россией. Пока что этот тупик трудно преодолим. Как сказал министр иностранных дел России С. Лавров, «...Москва не видит возможностей для совместных с Вашингтоном действий в сфере ПРО, пока не получит юридически обязывающих гарантий не направленности этой системы против нее». Комментируя российское видение задач и конфигурации системы противоракетной обороны Евразийского континента, Лавров отметил: «Было бы гораздо лучше, если бы проблематика ПРО была перенесена в сферу стратегического партнерства и союзничества. Если бы страны-партнеры объединили свои потенциалы и создали систему, подверженную проверке и направленную на преодоление угроз извне, — это был бы колоссальный переворот в умах». Пока же, констатировал министр иностранных дел, по вопросам ПРО, к сожалению, нет движения «ни на треке РФ — США, ни в рамках отношений РФ — НАТО»¹.

Политико-правовое оформление «Евразийской ПРО» может также иметь колоссальное значение. По сути дела будет создан фундамент для новой системы евразийской безопасности, имеющий конкретное политическое, экономическое и военно-техническое наполнение.

Необходимо, кроме того, политическое, военное, административное и научно-техническое восстановление взаимосвязи между СНВ, ПРО и системами боевого управления, связи, разведки, обнаружения. Может быть, даже их интеграция в единую систему на базе командования ВКО, созданного в декабре 2011 года в России, но с привлечением широкого круга евразийских государств — от КНР и КНДР до Ирана и Белоруссии.

Понимание подобной взаимосвязи имеет огромное значение, которое можно проиллюстрировать на следующем примере. Сегодня потенциал СНВ России существенно ослаблен

¹ США стремятся к более конкретному диалогу с РФ по ПРО / Эл. ресурс «Северный Кавказ». 2012. Октябрь / <http://www.sknews.ru/>

Запуск противоракеты 53Т6 шахтного базирования комплекса ПРО А-135М.
ЗРК С-500 должны дополнить и частично заменить эти средства ПРО,
обладая при этом повышенной мобильностью

¹ Владыкин О.
Ракетчики запутались
в своем потенциале // *Независимая газета*.
2012. 27 сентября. С. 2.

(по некоторым оценкам, современные системы составляют 25–30%)¹ и несмотря на попытки, предпринимаемые в последние годы по его переоснащению (МБР РС-24, «Тополь-М») требуется определенное время. Как, впрочем, и на создание новой МБР и БРПЛ. В этих условиях развертывание систем ПРО Соединенными Штатами по периметру России означает увеличение их возможностей для сдерживания ответного удара (или формирования такой политики) в случае, например, массового использования неядерных высокоточных средств.

Остается одно: ускоренная модернизация СНВ и параллельное укрепление, и развитие ВКО. Тем более, что, по оценке Д. Рогозина, в этой области мы «впереди планеты всей: «например, по системам перехвата в воздушно-космическом пространстве. У нас самые лучшие по совокупности своих ха-

ВКО как альтернатива...

рактеристик системы ПВО типа С-300П и С-300В, сейчас поступают на вооружение еще более мощные комплексы С-400, идут работы над С-500. Все это системно включается в Воздушно-космическую оборону. Стоит добавить, что там же, в ВКО, стоят на постоянном дежурстве РЛС дальнего обнаружения, которые видят за тысячи километров и обрабатывают самые малоразмерные цели, летящие с космическими скоростями. Аналогичных примеров можно привести много»¹.

Если идея ВКО окажется в среднесрочной перспективе нереализуемой то это будет означать, что политико-экономическое превосходство США в Евразии будет дополнено стратегическим превосходством, которое позволит не только активно использовать американское преимущество в неядерных вооружениях, но и угрожать применением ядерного оружия.

¹ Птичкин С.
Не упрощай оружие //
Российская газета.
2012. 26 сентября.
С. 1, 3.

6.

**Основные проблемы
создания российской
и евразийской ВКО**

... первые десятилетия
XXI века будут периодом
тяжелого кризиса, конечный
итог которого непредсказуем¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Расширение НАТО на восток продолжалось
непреклонно и сопровождалось жестким насилием:
государствам, которые не поддаются подрыву
и дестабилизации посредством «цветных революций»,
приходится иметь дело с терроризмом
и полномасштабным военным вторжением²

*А. Росс, президент Института исследований
демократии (Нью-Йорк, США)*

Создание объединенной, а тем более единой системы евразийской ВКО встретит неизбежно сопротивление как внешне-го, так и внутреннего порядка. Основная проблема, как всегда, заключается в России, ее политическом руководстве, в нас, нашем четком военно-политическом целеполагании и воле, необходимой для достижения поставленной цели. Именно этого не хватало в предыдущие десятилетия и только в последнее время, хочется верить, удастся преодолеть. Четкое целеполагание и последовательность — главные условия создания эффективной ВКО. В этой связи в определенной степени для нашей страны может послужить примером Казахстан, который последовательно реализует стратегические цели, добиваясь внушительных результатов. Для Евразии и России его стабильность, развитие и политическая направленность имеет огромное значение. За 15 лет объем национальной экономики вырос с 1,7 трлн тенге до 28 трлн в 2011 году, т. е. ВВП возрос более чем в 16 раз, его ежегодный прирост составил 7,6%, ВВП на душу населения увеличился с 1500 долл. до 12 тыс., а объем привлеченных прямых иностранных инвестиций на душу

¹ Торкунов А. В. Внешнеполитическое измерение военной безопасности / В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: МГИМО(У). 2010. С. 86.

² Росс А. От Ялтинских соглашений до Ливии: история агрессии НАТО и преемственность миссии НАТО // В сб.: НАТО: мифы и реально. Уроки для России и мира. М.: Кучково поле, 2012. С. 25.

¹ Тавровский Ю.

У Казахстана — новый горизонт планирования // Независимая газета. 2013. 4 февраля. С. 11.

населения достиг 9200 долл. Кстати, число «душ» тоже заметно выросло и недавно достигло 17 млн человек¹.

Сегодня Казахстан планирует к 2050 году войти в число 50 экономик мира, что позволяет ему, в свою очередь, не только планировать «не ущемленный» суверенитет, но и сотрудничество со всеми международными организациями — от ООН, ОДКБ, ШОС и СВДМА до «сближения» со странами АТР. В этой связи, очевидно, что России будет необходимо искать с ним свой формат сотрудничества по ЕвразВКО.

И здесь, возвращаясь к России, необходимо прежде всего вновь говорить о стратегическом прогнозе, планировании и воле реализовать намеченные планы. Это очень ясно подметил В. Путин: «Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации»². В полной мере эту мысль можно отнести к идее ВКО. Прежде чем предложить создание объединенной системы ЕвразПРО (даже в границах стран-участниц ОДКБ), а тем более единой системы ВКО, необходимо иметь полную ясность относительно собственно российской ВКО, о ее функциях, вытекающих из военной доктрины, материально-техническом обеспечении, системе управления, нормативных документах и многом другом. Но, прежде всего, нужна ясная цель и воля. Иначе говоря, необходимо завершить процесс, который был начат решением о создании ВКО, в декабре 2011 года, но который за это время продвигался медленно и непоследовательно.

Основные решения — политические, экономические, военные, — направленные на военно-политическую интеграцию в Евразии, должны быть приняты уже в 2013 году. Понятно, что во многом их реализация будет зависеть от партнеров, но Россия должна сформулировать публично масштабную политическую инициативу. При этом неизбежно придется признать, что отдельно находится комплекс вопросов, связанных

² Путин В. В.
Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / <http://президент.рф/news.17118>

с военной политикой и военной доктриной России применительно к Евразии.

Хотим мы того или нет, начинать надо с решения общих доктринальных вопросов, ликвидации «доктринальной неопределенности», нерешенных вопросов будущей военной стратегии в новых реалиях развития ОПК на долгосрочную перспективу, точкой оценки международных угроз и реалий, а также перспективных тенденций военно-технического развития. «В конце концов, речь идет о том, чтобы дать внятные ответы на конечное число понятных вопросов: Поручение Президента РФ В. Путина, данное Минобороны и Генштабу в конце 2012 года, выражает вполне конкретную озабоченность руководства страны развитием военно-политической ситуации в мире „Раздвинуть горизонты“ прогноза и планирования на 30–50 лет означает прежде всего адекватную, возможно более точную оценку, тенденций, определяющих будущую военно-политическую ситуацию в мире. От постановки и ответа на эти вопросы зависит будет ли создаваться ВКО (или ее в очередной раз свернут под различными предложениями), какая ВКО будет (континентальная, территориальная или объектовая), с кем из потенциальных союзников и партнеров она будет создаваться, в какие сроки, сколько потребуется ресурсов и т.д.

- Каковы основные военные угрозы сейчас и в долгосрочной перспективе?
- Какой у нас стратегический прогноз развития военно-политической ситуации в мире, вытекающая из этого военная доктрина и военная политика и долгосрочное стратегическое планирование?
- Нужна ли России ВКО и почему (именно оборона, а не только система предупреждения об ударе)?
- Должна ли это быть ВКО всей страны или отдельных объектов по всей стране?
- Должны ли в число защищенных объектов обязательно (или в первую очередь) входить базы СЯС?

¹ Стукалин А.
Войска воздушно-
космической
обороны России // *Экспорт вооружений*.
2012. № 3. С. 48.

- Возможно ли создать такую ВКО и сколько это будет стоить?
- А если нет, то имеет ли смысл ВКО только Москвы с окружающим ее Центральным районом?»¹

Сегодня различные эксперты и начальники по-разному оценивают проблемы российской ВКО. Так, В. Барвиненко и Ю. Аношко, например, выделяют следующие, подчеркивая, что «при формировании войск ВКО не прислушались к рекомендациям ученых, которые многие годы» предлагали создать стратегический орган управления, имеющий соответствующие обязанности и права по управлению всеми войсками и силами ВКО и объединенной системой ПВО ОДКБ. Более того, тесные связи задач и действий войск (сил) ВКО и авиации требуют создавать общее Воздушно-космическое командование.

В ближайшей перспективе совместные действия сил ПВО и РКО реально возможны лишь в районе города Москвы и Центрального промышленного района при условии создания соответствующей системы управления и поступлении на вооружение средств борьбы с гиперзвуковыми летательными аппаратами (ГЗЛА). Это район так называемого Головного участка системы ВКО, на котором предполагалось создать общее оперативное командование (ОК), а реально созданы Войска ВКО².

Иными словами, параллельно с развитием евразийской интеграции в экономической области, предстоит решить два комплекса проблем:

- военно-доктринального характера собственно России и ее ВКО;
- военно-политической интеграции в Евразии.

От их оперативного решения прежде всего зависит как направленность интеграционных процессов в Евразии и их конкретное содержание, так и планы военного строительства России на долгосрочную перспективу. Учитывая особую приоритетность ВКО, можно констатировать, что ее будущее будет зависеть от решений, принятых в 2013 году.

² Барвиненко В.,
Аношко Ю.
Основные проблемы
воздушно-космиче-
ской обороны // *Воздушно-
космическая оборона*.
2012. № 5(67). С. 11.

Ликвидация «доктринальной пустоты»

Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация¹

*В. Путин,
Президент России*

Казахстан начал жить по новой, рассчитанной до 2050 года стратегии, доложил ранее в Послании Национальному собранию президент Нурсултан Назарбаев. Принятая в 1997 году стратегия «Казахстан-2030» оказалась досрочно выполненной²

*Ю. Тавровский,
востоковед*

Ликвидация «доктринальной пустоты» начинается с ликвидации «идеологической пустоты», существующей в российском обществе с конца 1980-х годов, когда КПСС взяла курс на «деидеологизацию» и борьбу с «идеологическими дефинициями». «Идеологическая пустота», в свою очередь, не позволяет решить две важнейшие проблемы, стоящие вот уже более 20 лет перед Россией.

Во-первых, без нее невозможно разработать долгосрочную национальную стратегию, в основе которой лежал бы долгосрочный стратегический прогноз и стратегическое планирование. Заменить национальную стратегию развития социально-экономической стратегией невозможно, что лишний раз подтверждает провал «Стратегии-2020».

Во-вторых, без идеологии и стратегии национально-го развития невозможно создать эффективный механизм управления, в который была бы вовлечена вся нация. А значит и реализовать такую стратегию. Провал политики «прагматизма» и «ручного управления» — подтверждение правоты этого вывода.

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / <http://президент.рф/news.17118>

² Тавровский Ю. У Казахстана — новый горизонт планирования // Независимая газета. 2013. 4 февраля. С. 11.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Военная доктрина не может не быть следствием национальной доктрины и идеи, потребность в существовании которых упорно отрицалась правящей либеральной элитой страны. На самом деле «идеологическая пустота» немедленно заполняется чужой системой ценностей и чужими национальными интересами, вслед за которыми неизбежно следует подлинный ущерб национальной самоидентификации, национальным интересам и суверенитету. Эта простая истина прекрасно понималась З. Бжезинским, который в своей книге «Великая шахматная доска» откровенно изобразил ее на следующем рисунке¹.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 114.

«Прагматизм», который до сих пор еще проповедуется в правящей российской элите, отнюдь не исключает политико-идеологическую составляющую. Наоборот, прагматизм, — та же самая идеология, которая не обличена в партийные нормы. С этой точки зрения выступления В. Путина 2011–2013 годов вполне соответствуют избранной им идеологии, которую он по ряду причин, как мне кажется, пока не хочет формализовать. Но, безусловно, понимание и строгая логика, последовательность в его действиях существует.

Эта идеология, однако, требует определенной формализации и уточнения для того, чтобы превратиться из «идеологии Путина» в идеологию правящей элиты и нации. В том числе и в военно-политической области, в частности, в Военной доктри-

Шахтные пусковые установки ЗРК С-300Ф
на атомном ракетном крейсере «Маршал Устинов»

не и Концепции ВКО. И прежде всего для того, чтобы консолидировать нацию для решения стратегических задач.

Сегодня мы наблюдаем очередную дискуссию по военной доктрине, которая, благодаря либеральному крылу КПСС, в свое время привела к серьезным ошибкам в военной политике и планах военного строительства. В том числе в ОПК, ПРО и ПВО. К сожалению, до конца эти ошибки не преодолены и ясность, вытекающая из четкой оценки и стратегического комплексного прогноза, в военной доктрине еще отсутствует. Так, например, намеченная модернизация четырех атомных ракетных крейсеров, построенных еще в СССР, не отвечает, на мой взгляд, на вопрос об их целевом предназначении. Создававшаяся в свое время для борьбы с авианосными соединениями, эта программа не была закончена и сегодня, как утверждают некоторые, потеряла смысл.

Вместе с тем можно согласиться с экспертами, полагающими, что мощь этих судов может быть использована в политических целях — «оказания легального политического давления»¹,

¹ Канцов О. Воспоминания о будущем. Модернизация атомных «Орланов» / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 1 февраля / <http://topwar.ru>

что, однако, не находит своего подтверждения в основных нормативных документах — Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, Концепции внешней политики, Военной и Морской доктринах.

На мой взгляд, если модернизацию вести в этих целях, то необходимо усилить и без того мощный потенциал ПВО–ПРО этих крейсеров. Для этого потребуется создать морской вариант С-400 (а, может быть, и С-500), которых пока не существует.

В этом случае такие крейсера, обладающие абсолютной автономностью, могут не только время от времени «показывать флаг», но и нести боевое дежурство. Для этого решение необходимо принимать уже сегодня.

На фоне роста конфликтности в мире, появления новых угроз и очагов противостояния объективно усиливается вероятность использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. В этом смысле первые десятилетия XXI века принципиально отличаются от последней четверти XX века, когда, как тогда многим казалось, военная сила потеряла свое значение во внешней политике государств, уступив место расширяющемуся международному сотрудничеству и формированию институтов обеспечения международной безопасности. Этот фон начала нового столетия имел, как минимум, два крупных последствия для военной политики большинства государств.

Во-первых, стремительно развивались все виды вооружений и военной техники (ВВТ) на новой технологической и информационной основе. Их боевая эффективность выросла в разы, но, главное, военно-техническая революция привела к тому, что в первом десятилетии XXI века сложилась основа (прежде всего в НИОКР) для революционных, качественных изменений в ВВТ, которые могут произойти уже в среднесрочной перспективе. Эти изменения ведут к появлению не только новых возможностей у неядерных ВВТ, но и уязвимых мест в обороне, получивших название в официальных документах

«критически важные элементы инфраструктуры и ключевые ресурсы» (critical infrastructure and/or Key resource) — CI/KR¹.

Россия существенно, качественно отстала в эти годы от развития этой тенденции не только в ВВТ, но и в управлении войсками (где фактически возникла ситуация потери эффективности управления). Что, собственно говоря, продемонстрировали учения, проведенные Генштабом в феврале 2013 года. На начало второго десятилетия, по оценке бывшего заместителя НГШ А. Рукшина, современные ВВТ составляли 3–5%², а планируемое обновление современными ВВТ — до 30% к 2015 и 70% — к 2020 году — вызывает серьезные сомнения из-за проблем в реализации ГОЗ-2020. По сути дела все основные направления военной реформы провалены, но особенно плачевна ситуация в области управления, военной науки, профессиональной подготовки и переоснащения новыми образцами ВВТ. Это привело к радикальному изменению в соотношении сил не в пользу России прежде всего на западном и восточном ТВД, где превосходство уже измеряется «не в разгах, а в порядках»³. В полной мере эта ситуация отразилась и на возможностях российских ВВКО, где создание этого рода войск в декабре 2011 года вылилось в простое арифметическое сложение Космических войск и бывшего Московского ПВО МО.

Очевидно, что нужно в короткие сроки завершить создание командования ВКО и интеграцию всех сил и средств ПРО и ПВО под единым руководством Генштаба. В перспективе предстоит и решить вопрос о взаимодействии органов управления ВКО и СЯС, а также стратегическими неядерными вооружениями, который находится в исключительной компетенции высшего политического руководства страны. Более того, если говорить об объединенной, а тем более единой ВКО (СНГ, ОДКБ, а тем более Евразии), то неизбежно предстоит решение этого вопроса на высшем международном политическом уровне.

Развитие средств воздушно-космического нападения фактически ведет к их интеграции в единый потенциал, противостоять

¹ Department of Defense Directive Number 3020.40 January 14, 2010 / DOD US/

² Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил. ВПК-новости. 2012. 14 ноября. № 45(462) / <http://vpk-news.ru/articles/13125>

³ Там же.

которому должен также единый потенциал обороны и нападения. Ощущается необходимость принятия радикальных решений, которые, видимо, затронут интересы всех округов, видов и родов Вооруженных Сил России, но, прежде всего, потребуют решений на высшем политическом уровне.

Во-вторых, изменяющаяся международная ситуация, с одной стороны, и революция в ВВТ, с другой, неизбежно ведут к таким же радикальным изменениям в способах, концепциях и доктринах использования ВС, т.е. во всех областях военного искусства — от тактики и оперативных концепций до стратегических концепций и военных доктрин.

Эта проблема сегодня в России не решена. По существу нет ни адекватной Военной доктрины, ни стратегии, не проведения и переработка основополагающих доктринальных и нормативных документов, регламентирующих деятельность ВС, с учетом изменения характера и перспектив вооруженной борьбы. Нужна, как справедливо заметил бывший заместитель НГШ А. Рукшин, «...четкая государственная стратегия, которая позволила бы определиться с вариантами военного строительства. Сегодня такой стратегии, к сожалению, нет»¹.

Пока нет такой государственной стратегии, не может быть и обоснованного ГОЗ на длительную перспективу. Но такая стратегия, в свою очередь, должна исходить из стратегического прогноза развития международной военно-политической ситуации, основных тенденций в развитии ВВТ и эволюции военного искусства. Не имея стратегического прогноза и стратегии, бесполезно говорить и о стратегическом планировании, которое является по сути детализацией стратегии. Неэффективны будут и долгосрочные планы военного строительства, которые должны быть положены в основу ГОЗ. Мало выделить средства, надо четко знать, куда и в какие сроки их направить.

Пока что военная «реформа» привела к деинтеллектуализации Вооруженных Сил: ликвидируются целые академии (на-

¹ Рукшин А.
Некоторые итоги
реформы Вооружен-
ных Сил. ВПК-ново-
сти. 2012. 14 ноября.
№ 45(462) /
[http://vpk-news.ru/
articles/13125](http://vpk-news.ru/articles/13125)

бор в ВАГШ ВС в последние годы насчитывал 11–12 человек), научные школы, управления и отделы в штабах, включая ГШ. Но решение этой проблемы неотложно, сверхсрочно, ведь без стратегии и понимания целей и задач военного строительства никакой ОПК в принципе не нужен.

Простой пример: появление высокоточных КР, их стремительное удешевление и массовое производство (по некоторым оценкам, до 100 000 к 2020 году) уже привело к тому, что они превратились в элемент стратегического наступательного потенциала, к которому прежде относилась классическая ядерная «триада» — МБР, БРПЛ и ТБ, а боевой Устав ВВС США подчеркивал их универсальность¹. Уже сегодня, например, можно говорить о том, что по сути дела привычная стратегия ядерного сдерживания уступает место новым доктринам и стратегиям. К сожалению, у России нет пока что ясности в этом вопросе, что вытекает прежде всего из нерешенности идеологических проблем. Говоря о ВКО, эксперт М. Ходарёнок отмечает, что «если нет единой идеологии, то нет и эффективного оружия, а есть колоссальные затраты денег...»².

Таким образом, первая и самая главная проблема российского ВКО — идеологическая, — без которой невозможно пока что внести коррективы в политическую стратегию, — главную составляющую военной доктрины страны, ее Стратегию национальной безопасности и другие документы. Нерешенность этой проблемы не позволяет создать единой системы управления ВКО (которая формально подчинена Генштабу), объединить все ресурсы ВО и родов войск и наладить систему их взаимодействия.

Нерешенность этой проблемы непосредственно сказывается на качестве решений по новым вооружениям и военной технике, финансированию ГОЗа и эффективности его выполнения. Такие решения должны приниматься не только совместно военными, учеными и представителями промышленности³, — справедливо заметил осенью 2012 года председатель

¹ Цит. по: Ходарёнок М. Нужна ли России воздушно-космическая оборона? / Эл. СМИ «Наследие» / <http://old.nasledie.ru/voenpol/>

² MDA Funding & Buy / Delivery Schedule: FY2013 Appropriation Summary. P. 6.

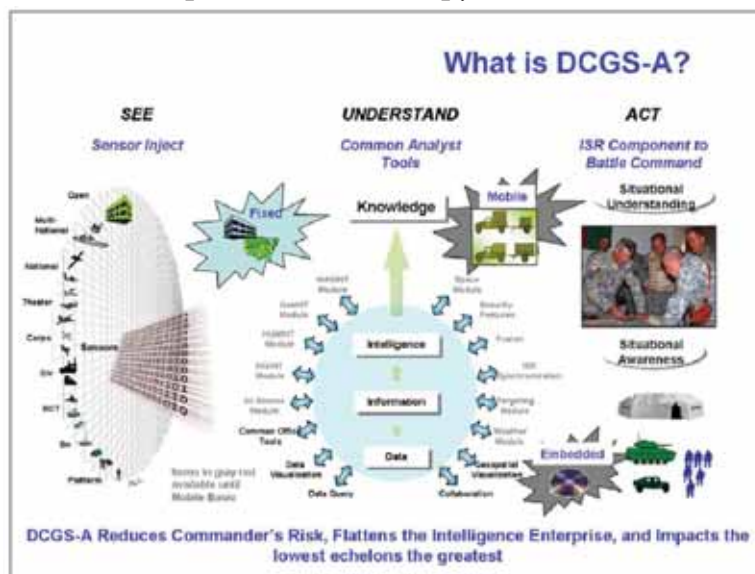
³ Ходарёнок М. Нужна ли России воздушно-космическая оборона? / Эл. СМИ «Наследие» / <http://old.nasledie.ru/voenpol/>

Совета по научной и технической политике при Минобороны А. Кокошин, но и, добавим, в **рамках одной идеологии**. Причем, как политической, так и идеологии ВКО, которых пока что, к сожалению, нет. Так, А. Кокошин обратил, например, особое внимание на оружие на новых физических принципах, которое, кстати, определено в планах финансирования Агентства по ПРО США до 2017 года¹.

¹ Совет по научной и технической политике при Минобороны РФ рекомендует обратить особое внимание на оружие на новых физических принципах / Эл. СМИ Евразийская оборона. 2012. 16 ноября / <http://eurasian-oborona.ru/>

Можно привести пример того, как реализуется процесс принятия решений в военной области — от получения информации, ее оценки, «осознания», до принятия решения о том как, сколько и где использовать военную силу — в США и НАТО. Этот процесс информатизации и управления дает очевидные преимущества стороне, которая создала такую систему. Особенно, если речь идет (как в случае с США и НАТО) о заведомо слабом в технологическом отношении противнике. К сожалению, к такой категории стремительно движутся и ВС России. Как пишет бывший заместитель НГШ А. Рукшин, «...разве можно сравнивать военные потенциалы США, коалиции государств НАТО и стран, подвергшихся их агрессии **в конце XX — начале XXI века?** Обладая большим количеством дальнобойного высокоточного оружия (ВТО), абсолютным превосходством в воздухе, на море, в космосе, в управлении (связь, навигация, разведка, РЭБ, АСУ), войска НАТО, воюя с армиями, имеющими устаревшие образцы вооружения и военной техники, легко могли реализовать на практике сетцентрические методы управления войсками (силами), наносить удары из зон вне досягаемости средств поражения, обороняющихся почти без потерь своих войск (сил), наносить решающее поражение противнику, в короткие сроки резко снижать его моральный дух, поражать системы государственного и военного управления, объекты жизнедеятельности государств еще в мирное время и в короткие сроки завершать военную кампанию, приступая затем к постконфликтному урегулированию.

Российская военная наука, анализируя опыт указанных войн, считала такие способы действий перспективными и делала выводы и предложения о том, в каком направлении должны развиваться средства вооруженной борьбы и системы управления войсками (силами) в ВС РФ. Вопрос состоит только в том, сколько это стоит для государства и обеспечит ли наш военно-промышленный комплекс разработку и создание современных и перспективных вооружений»¹.

¹ Рукшин А.
Некоторые итоги
реформы Вооруженных
Сил. ВПК-новости. 2012.
14 ноября. № 45(462) /
[http://vpk-news.ru/
articles/13125](http://vpk-news.ru/articles/13125)

Как видно из рисунка, процесс получения, оценки и анализа информации, наконец, принятия решения практически автоматизирован и сводит ошибки к минимуму, поручая многие функции алгоритму, который минимизирует риски, а оперативность принятия решения делает максимально быстрой.

«В этой связи опять необходимо говорить о быстрых изменениях во всех областях военного искусства, оперативно-му внедрению в управления (в т.ч. подготовке соответствующих документов) новых концепций, уставов и др. документов. Одной из таких доктрин, разработанной в конце 1990-х гг.,

¹ Каберник В.
Революция в военном
деле: возможные
контуры конфликтов
будущего 2012.
3 октября /
[http://eurasian-
defence.ru](http://eurasian-defence.ru)

например, стала известная доктрина сетецентричной войны (network-centric warfare)», — отмечает исследователь МГИМО(У) В. Каберник¹. Эта доктрина основана в первую очередь на максимально возможной эксплуатации созданного технологического превосходства. Соответственно, чем больше дистанция в таком превосходстве (США — Афганистан, например), тем эффективнее эта концепция. При этом важно отметить два обстоятельства, имеющее непосредственное отношение к России и Евразии. Во-первых, к сожалению, приходится констатировать, что такое военно-техническое превосходство по отношению к России уже существует и труднопреодолимо в ближайшие годы. Особенно в области связи, информатики, боевого управления.

Во-вторых, это превосходство США, также безусловно, относится к остальным государствам Евразии, которые неизбежно становятся в позицию слабой стороны. Доктрина сетецентричной войны напомним, построена на следующих допущениях:

1. Наличие эффективных систем связи позволяет организовать надежную и постоянно действующую информационную сеть, которая существенно улучшает возможности по взаимному обмену тактической информацией;
2. Обмен тактической информацией в реальном времени качественно повышает уровень владения ситуацией и уровень принятия решений;
3. Владение единой информационной картиной поля боя делает возможным самоорганизацию и синхронизацию действий отдельных боевых единиц в отсутствие классических иерархических цепочек командования;
4. Самоорганизация отдельных боевых единиц по сетевому принципу повышает боевую эффективность всех без исключения сил, занятых в операции»².

² Там же.

Не трудно применить эти принципы к организации ВКО России.

Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО

Ликвидация «доктринальной пустоты» если и не позволит мгновенно разработать научно обоснованные и практически апробированные концепции использования военной силы сразу же, то, как минимум, сформулирует проблемы и задачи, необходимые решить в короткие сроки. Судя по всему, президент В.В. Путин, как Главнокомандующий, это понимает, поручив МО и ГШ в 2012 году в короткие сроки подготовить соответствующий стратегический прогноз, оценку угроз и вызовов, которые должны стать основой стратегического планирования. Остается надеяться, что это поручение будет выполнено неформально уже в 2013 году, позволив хотя бы в военной области вернуться к обоснованной политике.

Современное состояние российской ВКО: политические аспекты

В то время как в минувшую среду президент Казахстана Нурсултан Назарбаев встречался с министром обороны России Сергеем Шойгу (были подписаны важные для Астаны документы о создании Единой системы ПВО), глава МИД Казахстана Ерлан Идрисов в Брюсселе встречался с генеральным секретарем НАТО Андерсом Фогом Расмуссеном. Стороны уточняли в Брюсселе «разветвленную и содержательную индивидуальную программу партнерства Казахстана с НАТО»¹

В. Мухин

¹ Мухин В.
Казахстан меняет
военный вектор:
Астана удаляется от
Москвы в сторону
Брюсселя // Незави-
симая газета. 2013.
1 февраля /
[http://eurasian-
defence.ru](http://eurasian-defence.ru)

Современное состояние российской ВКО можно коротко охарактеризовать как очень противоречивое. С одной стороны, существуют созданные (но до конца не сформированные) в декабре 2011 года ВВКО, происходит модернизация старых и создание новых ВВТ, строятся заводы, выделяются новые ресурсы. Это свидетельствует о безусловном внимании высшего политического руководства к проблеме ВКО.

С другой стороны, существует масса нерешенных политических, в т.ч. международных проблем, которые предстоит решить в самое короткое время для того, чтобы эти программы развивались более быстрыми темпами.

К сожалению, в российской правящей элите не сложилось еще консенсуса в понимании особой приоритетности программ ВКО, даже их жизненно важного значения для России и Евразии, хотя движение в этом направлении (особенно после подписания соглашений с Белоруссией и Казахстаном) в последние два года, безусловно заметно.

Современное положение российской ВКО характеризуется экспертами следующим образом: «... В настоящее время боевые возможности группировок войск и сил, решающих задачи ВКО, ограничены и не в полной мере соответствуют современным требованиям. Космический эшелон системы ПРН осуществляет только ограниченный контроль ракетоопасных районов со значительными временными перерывами. А наземный эшелон обеспечивает такой контроль с разрывом сплошного радиолокационного поля на северо-восточном направлении.

Система ПРО боеготова, однако сроки эксплуатации огневых средств постоянно продлеваются и уже находятся за рамками гарантийного срока эксплуатации»¹.

Подобная характеристика нуждается в комментариях. Прежде всего бросается в глаза противоречие: боевые возможности «ограничены» и «не соответствуют современным требованиям», — утверждает автор одновременно признавая, что «система ПРО боеготова». Это противоречие, возможно, снимается оговоркой, что система ПРО соответствует «современным требованиям».

На самом деле даже «соответствие современным требованиям» весьма условно. И далее эксперт подтверждает эту мысль: «Построение зенитной ракетной обороны не эшелонировано, носит очаговый, объектовый характер. При этом группировки зенитных ракетных войск мирного времени способны обеспечить непосредственное прикрытие не более 59 процентов объектов Вооруженных Сил, экономики и инфраструктуры из перечня, утвержденного Президентом Российской Федерации, подлежащих прикрытию Войсками и силами ПВО от ударов с воздуха.

Контроль воздушного пространства Российской Федерации на малых высотах осуществляется только на 33 процентах территории страны. На больших высотах — на 51 проценте территории (т. е. на половине территории страны. — А. П.).

¹ Демин А. Серьезной угрозе адекватный ответ // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 9.

Протяженность радиолокационно-контролируемых участков госграницы России составляет: на малых высотах — 23 процента ее протяженности, на средних и больших — 59 процентов»¹.

¹ Демин А.

Серьезной угрозе
адекватный ответ // *Воздушно-космическая
оборона*. 2012. № 4(65).
С. 9.

Таким образом, в реальности никакого «соответствия современным требованиям» нет. Тем более не ясно, какие требования будут в будущем. Хотя бы в среднесрочной перспективе. Эти требования должно сформулировать прежде всего политическое руководство, учитывая будущие потенциальные возможности вероятных противников как в области СНВ и ПРО, так и стратегических неядерных вооружений.

Причем такая оценка должна изначально исходить не из посыла «Кто вам угрожает?» и «У России нет противников», а из анализа военно-технических возможностей ВВТ и информационных систем. Это политическое противоречие, которое существует с конца 80-х годов XX века, неизменно ведет к неадекватным решениям. Без его преодоления говорить о современной военной доктрине бессмысленно.

В этой связи принципиально важным для России и ее союзников становится совместная разработка новой редакции Концепции ВКО (старая была ориентирована на 2010 год), способной адекватно реагировать на складывающуюся угрозу в рамках новой стратегии. Представляется, что на евразийском континенте возникает принципиально новая стратегическая ситуация, которая потребует совместной переоценки и пересмотра не только ряда положений Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины, но и планов военного строительства, принятия, как уже говорилось, целой серии новых документов. Понятно, что это — публичный, а не кулуарный (как при прежнем военном руководстве России) процесс, к которому необходимо привлечь политическое и военное руководство союзников и партнеров России. Эта ситуация характеризуется следующими особенностями:

1. Создание по сути единого стратегического наступательно-оборонительного комплекса Соединенными Штатами с военно-политической точки зрения делает крайне актуальным возвращение в повестку дня переговоров об ограничении СНВ темы взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений, которая была успешно «похоронена» США и М. Горбачевым в начале 90-х годов XX века.

С тех пор произошло много изменений как в развитии наступательных, так и оборонительных возможностей, которые дают основания для того, чтобы вернуться к проблеме взаимосвязи наступательных и оборонительных потенциалов. Причем уже не на двустороннем, а на многостороннем уровне. Дальнейшее игнорирование этой взаимосвязи невозможно, ибо ведет к тому, что уже в ближайшей перспективе стратегическая стабильность в мире будет поставлена под сомнение.

2. Сокращение потенциала СНВ только России и США в дальнейшем (а тем более его ликвидация) значительно упрощает задачу создания региональных и эффективной глобальной системы ПРО и неизбежно переводит соотношение военных сил США и России в область сравнения ядерных потенциалов, где позиции России несопоставимы с позициями и потенциалом США и их союзников.

Фактически, продолжение процесса ограничения стратегических вооружений в этих условиях равносильно признанию Россией американского военного превосходства и возможности одностороннего использования военной силы в международных отношениях без риска ответных действий по территории агрессора.

Сказанное в полной мере относится не только к России и ее союзникам по ОДКБ, но и другим евразийским государствам, а потому они могут и должны быть участниками таких переговоров. Так, создание региональной ПРО в Ю.-В. Азии

или на Ближнем Востоке неизбежно затронет их интересы в неменьшей степени, чем интересы Белоруссии при создании ЕвроПРО.

3. В военном, техническом, информационном и в политическом отношении потенциал наступательных и оборонительных вооружений становится единым, комплексным. Как, впрочем, и пока что существующие отдельно системы боевого управления этими потенциалами. Одним из проявлений этого является появление ГЗЛА, способных действовать на высотах 30–120 км, что «окончательно интегрирует воздушное и космическое оружие в единый комплекс вооруженной борьбы», — отмечают эксперты¹. Соответственно и рассматривать их надо комплексно, как отдельный род вооруженных сил, управляемый непосредственно высшим политическим руководством.

Этот подход неизбежно ставит перед высшим политическим руководством страны проблему управления ВКО не только России, но и ее союзников и партнеров в Евразии. Создание объединенной, а тем более единой ВКО, — политическая проблема, которая может быть решена только на высшем политическом уровне. Очевидно, что без решения этой проблемы вряд ли возможно вообще говорить о планах военного строительства, стратегии ВТС и создании эффективной ВКО в интересах России и ее союзников. Также понятно, что невозможно без соответствующих политических договоренностей приступить к решению организационно-управленческих проблем ВКО, вытекающих непосредственно из задач, сформулированных политическим руководством.

¹ Барвиненко В.,
Аношко Ю.
Основные проблемы
воздушно-космической
обороны // Воздушно-
космическая оборона.
2012. № 5 (66). С. 9.

Организационно-управленческие проблемы ВКО

Всем очевидны и главные проблемы... — это низкая эффективность государственной власти и коррупция¹

*В. Путин,
Президент России*

Решение организационно-управленческих проблем ВКО является, как уже говорилось, следствием политических решений. Кроме того, организационно-управленческие проблемы ВКО неразрывно связаны с задачами, которые формулирует высшее военно-политическое руководство перед оборонно-промышленным комплексом (ОПК). Другими словами организационно-управленческие проблемы ВВКО зависят от способности решить проблемы, находящиеся вне компетенции руководства ВВКО и даже МО и ГШ России. Эти проблемы можно структурировать следующим образом:

- проблемы международного политического сотрудничества (создание условий для военно-политической коалиции, единого управления, ВТС, переговоров по ограничению ВВТ и военной деятельности и т.д.);
- проблемы управления высшим военно-политическим руководством страны СНВ, ВВКО, а в целом — Вооруженными Силами России;
- проблемы долгосрочной стратегии и военного строительства, ГОЗ, условий, в т.ч. финансовых, развития ОПК;
- собственно проблемы управления ВВКО, лежащие за пределами компетенции МО и ГШ.

Уже кажется всем ясно, что результаты возможных будущих войн и военных конфликтов будут предопределяться

¹ Путин В. В.
Послание Президента
Федеральному
Собранию. 2012.
12 декабря / Сайт
Президента России /
[http://президент.рф/
news.17118](http://президент.рф/news.17118)

качеством военно-политического руководства и существующими системами управления. Старое правило, гласившее, что если соединение потеряло больше половины своей численности личного состава, но сохранило управление, — боеспособно, не просто действует. Оно стало абсолютным.

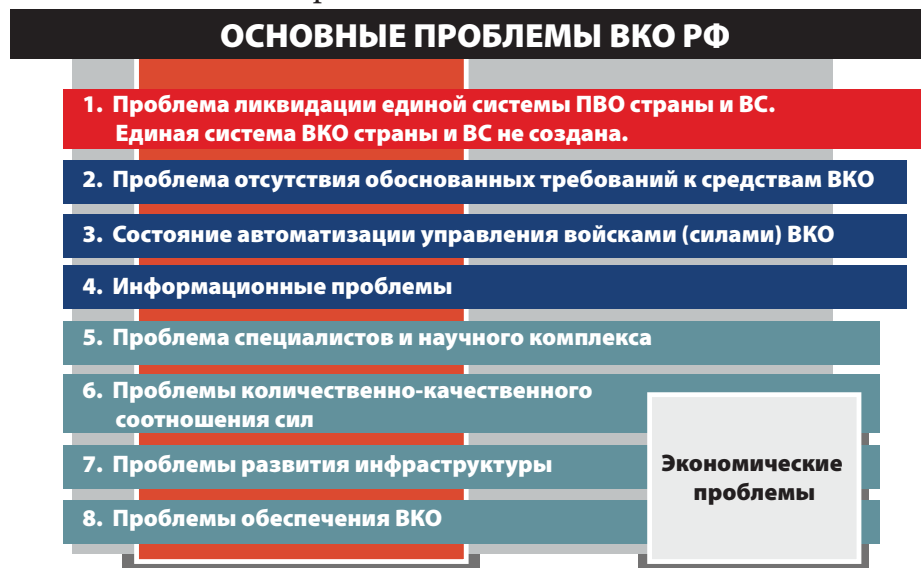
Создание в перспективе ЕвразВКО изначально требует решения «чисто» российских проблем на высшем политическом уровне. В этой связи особое значение приобретает решение о создании ВКО России, принятое в декабре 2011 года. Вместе с тем взаимосвязь СЯС, систем ПРО–ПВО и ВТО и информационных систем, расширение военных операций на всю воздушно-космическую область, — превратилось в доминирующую тенденцию, которую нельзя игнорировать. Эта взаимосвязь настолько очевидна, что на сессии Совета НАТО в мае 2012 года она была формально зафиксирована. В России на концептуальном, политическом и административно-организационном уровне вопрос об объединении их в единый род вооруженных сил с единым командованием не решен, хотя споры об этом велись в России все последние годы. Думается, однако, что в перспективе этого не избежать. Развитие В и ВТ, концепций их использования, диктует логику объединения РВСН, ВКО и ВТО в единый род стратегических наступательно-оборонительных вооруженных сил.

Более того, эксперты отмечают, что «первые полученные результаты организации системы ВКО в РФ выявили целый ряд проблем, основными из которых являются:

- проблема отсутствия стратегии, стратегического прогноза и планирования;
- проблема ликвидации единой системы ПВО страны и ВС;
- проблема отсутствия обоснованных требований к средствам ВКО;
- состояние автоматизации управления войсками (силами) ВКО;

Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО

- информационные проблемы;
- проблема специалистов и научного комплекса;
- экономические проблемы»¹.

¹ Барвиненко В., Аношко Ю. Основные проблемы воздушно-космической обороны // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66).

Такая ситуация сложилась не только вследствие объективных причин — развития ВВТ и концепций их использования, технологического превосходства США и НАТО и др. — но и как результат непродуманных и непоследовательных «реформ» военной политики России. Так, «до 1997 г. в СССР и РФ существовала единая система ПВО страны и ВС с элементами системы ВКО по отражению ударов аэробаллистических ракет. Права и обязанности по формированию этой системы были делегированы главному командованию Войск ПВО. Однако годы реформ ВС, проводимых не на вполне научной основе, привели к тому, что эта единая система была дезорганизована»², — считают эксперты.

Сегодня очень актуальна задача создания единого стратегического органа, способного управлять не только всеми войсками и силами ВКО России (включая авиацию), но и ОДКБ,

² Там же.

Евразийская воздушно-космическая оборона

а в перспективе — ВС государств Евразии, пожелавшими присоединиться к общеевразийской ВКО. Пока что нет ни такого командования, ни единых требований к создаваемым и модернизируемым средствам ВКО и СВКН.

Учитывая, что средства нападения и обороны фактически интегрируются в единый наступательно-оборонительный комплекс, вся ядерная «триада» должна быть интегрирована с ВКО. Пока что нет единого органа управления, способного координировать действия в режиме on-line между стратегическими наступательными, оборонительными и обычными ВВТ. Сегодня структура российской ВКО, мягко говоря, несовершенна и, значит, неэффективна. Вот как описывают ее состояние и потребности российские эксперты¹.

¹ Барвиненко В.,
Аношко Ю.
Основные проблемы
воздушно-космиче-
ской обороны //
Воздушно-космиче-
ская оборона. 2012.
№ 5 (67). С. 13.

При интеграции систем СЯС и ВКО будет реализована идея сдерживания как главная цель Военной доктрины России. Причем уже не только ядерного сдерживания, но сдерживания вообще. Подобная логика подтверждается и тем, что оборонительные вооружения становятся функционально едины: они способны дублировать и взаимно дополнять функции друг друга, а, главное, решить проблему ядерного сдерживания, при решении которой очевидно придется считаться с фактом появления в массовом порядке (сотни тысяч) неядерных стратегических средств. И не только СКР и ГЗЛА, но и ударных беспилотников, космических вооружений и оружия, основанного на новых физических принципах. Создание стратегического наступательно-оборонительного комплекса в Евразии делает все государства континента, включая участников этого проекта на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, а также Европе, заложниками решений США, ибо расположенные там компоненты ПРО и вооруженных сил становятся приоритетными объектами для нанесения ответного удара.

Поэтому евразийские государства (включая страны Евросоюза) объективно заинтересованы в развитии евразийской системы ВКО, учитывающей интересы безопасности всех государств. Признаки такой готовности уже присутствуют сегодня. Есть и положительный опыт международного сотрудничества в области военного использования космоса.

Другая сторона проблемы — эффективность российского ОПК вообще и исследовательско-промышленного комплекса, в частности. Без их решения говорить о системе управления ВВКО бессмысленно, ибо именно там создаются как системы оружия, так и системы управления ими.

Со времен знаменитой «девятки» (девять министерств ВПК СССР) прошло более 20 лет, в течение которых отечественная военная промышленность была сначала приватизирована и разошлась среди множества частных собственников, а потом

Евразийская воздушно-космическая оборона

снова была собрана в рамках нескольких государственных корпораций: «Ростехнологии» («Ростех»), ОАК, ОСК, ОДК, «Вертолеты России» и др. Воссоздана и влиятельная Военно-промышленная комиссия.

После лихих девяностых стремление консолидировать остатки ОПК на балансе нескольких госкорпораций вполне резонно. Это желание сохранить хоть что-то дееспособное, связанное с высокими технологиями (в СССР на ВПК приходилось более 80% НИОКР). И в этом смысле очень символичен новый (с 2012 года) логотип «Ростех» — квадрат, «матрица» с прерывистым контуром. То есть «Ростех» берет под защиту высокотехнологичные компании, но это не резервация, где мирно погибают остатки советского ВПК, а скорее питомник, бизнес-инкубатор, где вызревают компании российской оборонки. До какого же момента они должны вызреть, чтобы, выйдя из «матрицы», уже самостоятельно конкурировать на мировых рынках, соперничая с ведущими компаниями США и стран ЕС?

Стоит отметить, что планка здесь чрезвычайно высока. Согласно рейтингу топ-100 крупнейших оборонных предприятий

мира (ежегодник за 2012 год Стокгольмского института исследования проблем мира, СИПРИ) у грандов ежегодная выручка (по результатам 2010 года) составляет более 30 млрд долл.

Представляется, что где-то здесь и находятся «границы конкурентоспособности», начальные позиции, стартовав с которых российские предприятия ВПК вполне могут стать мировыми грандами. Конечно, многое только предстоит сделать. Но вопрос опять упирается в политическое решение, условия — административные, правовые и финансовые, — которые формулируются на высшем политическом уровне.

Чтобы выиграть на мировых рынках, не нужно стесняться «быть большим», пора пережить постсоветский синдром дробления. Большой по масштабам РФ — это значит средний или малый в мировой табели о рангах. Ведь за последние годы, например, в ВПК США произошла значительная консолидация. Из более чем 30 компаний выделилась «большая пятерка» — Lockheed Martin, Boeing, Northrop Grumman, General Dynamics, Raytheon. Все эти компании (а также британская BAE) имеют выручку более 20 млрд долл. и являются основными генеральными подрядчиками Пентагона. Чтобы достичь таких высот, только за последние 20 лет «большая пятерка» поглотила более 30 компаний ВПК. Не менее активно развиваются процессы консолидации и в ВПК ЕС, локомотивом которых является созданное в 2004 году Европейское оборонное агентство, а ярким примером — панъевропейский концерн EADS (основной акционер Airbus).

Большую роль в процессе укрупнения зарубежного ВПК играет нормативно-правовая база, благодаря которой консолидационные процессы продвигаются вниз по производственной цепочке. Например, Министерство обороны США по согласованию с Административно-бюджетным управлением США реализуют так называемую концепцию стратегических закупок, что требует «рационализации» работы с субподряд-

чиками. Это приводит к консолидации субподрядчиков, концентрации на некоторых, лучших из них, долгосрочным партнерским отношениям с поставщиками, что, в свою очередь, приводит к улучшению ряда показателей, в том числе сокращению общих расходов, улучшению качества, ответственности и надежности как для покупателя, так и для поставщика.

Представляется, что концепция стратегических закупок заслуживает особого внимания в рамках совершенствования механизмов гособоронзаказа РФ в контексте активизации работы Военно-промышленной комиссии, дальнейшего развития положений Федерального закона от 29.12.12 № 275 «О государственном оборонном заказе» (вступил в силу с 1 января 2013 г.). Включение дополнительных требований к поставщикам вооружений, военной и специальной технике позволит перейти от «ручного», административного режима размещения гособоронзаказа с участием высшего руководства страны (участие Владимира Путина в совещании по согласованию цены строительства пяти ракетноносцев типа «Борей» Объединенной судостроительной корпорацией для нужд Минобороны РФ в мае 2012 года) к формализованному режиму на основе нормативно-правовой базы.

В случае нескольких циклов размещения гособоронзаказа контроль за целевым использованием головным исполнителем бюджетных ассигнований, выделенных на оплату поставок продукции по государственному оборонному заказу, будет осуществляться автоматически. Компании, которые не вложатся в НИОКР и развитие своей производственной базы, просто не смогут получить госзаказ по формальным критериям. Наиболее же «сознательные», напротив, станут достаточно крупными и конкурентными по мировым меркам холдингами.

Таким образом, можно констатировать, что:

- во-первых, решение организационно-управленческих проблем ВКО лежит за пределами компетенции руковод-

Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО

- ства ВВКО и даже МО и полностью зависит от понимания и воли высшего политического руководства страны;
- во-вторых, решение этих проблем возможно только как следствие решения более общих политических и экономических проблем развития ОПК государства;
 - в-третьих, отставание в решении этих проблем, наблюдаемое сегодня, ведет в конечном счете к отставанию в ключевой области военно-стратегического управления — управлению комплексом СНВ, ВВК и ВТО.

Проблемы международного сотрудничества

Россия должна не просто
сохранить свою геополитическую
востребованность —
она должна ее умножить¹

*В. Путин,
Президент России*

... происходит девальвация
стратегического диалога.
Ключевой проблемой стала неудача
переговоров по проблеме «ЕвроПРО»²

А. Фененко

¹ Путин В. В.
Послание Президента
Федеральному
Собранию. 2012.
12 декабря / Сайт
Президента России /
[http://президент.рф/
news.17118](http://президент.рф/news.17118)

² Фененко А.
Русские сани
на американских
горках //
Независимая газета.
2013. 4 февраля. С. 1.

³ Там же.

Неудачи по ограничению систем ПРО становятся серьезной проблемой в российско-американских, а нередко и российско-европейских отношениях, ставя под сомнение весь процесс ограничения вооружений. По оценкам некоторых экспертов, этот процесс составляет до 80% всей повестки дня двухсторонних отношений, ставя под угрозу договора по РСМД (1987), ДВЗЯИ (1996) и ДСНВ-3 (2010)³.

Таким образом из-за программ создания глобальной ПРО США под вопрос встает как результат политики разрядки последних десятилетий и весь процесс ограничения вооружений, так и, в более широком плане, будущее военно-политических отношений, когда они не будут ограничены перспективой сдерживания роста военных потенциалов.

В этих вероятных условиях России остается только надеяться на себя и своих союзников. Объективно ситуация в области противодействия стремительному росту наступательно-оборонительного потенциала США и возможному использованию ими военной силы в Евразии в форме воздушно-космического нападения может развиваться по следующим сценариям:

1. Создание эффективной ВКО России, которая будет обеспечивать защиту не только объектов и территории страны, но и (в соответствии с заключенными договоренностями) воздушно-космическое пространство стран-участниц ОДКБ, СНГ и других стран. Для этого требуется, чтобы в процессе евразийской интеграции ускорилась и усилилась тенденция военно-политической интеграции, прежде всего в ВКО. Пока что есть определенные политические решения стран-участниц СНГ, в том числе принятые в декабре 2012 года, однако главное интеграционное направление избрано в области экономики. Как констатирует В. Липидус, фиксируя реальную ситуацию, «2012 год закрепил основные тенденции интеграционного сотрудничества, которые развивались на протяжении 2000-х годов — на постсоветском пространстве активно развивалась разноуровневая модель интеграции. В этих условиях российское руководство сделало основной акцент на деятельность в рамках интеграционных проектов, созданных при участии России: ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП и ОДКБ»¹.
2. Создание объединенной ВКО ОДКБ и СНГ, которая в перспективе неизбежно должна превратиться в единую систему ВКО. При этом следует понимать, что управление такой системой потребует делегирование полномочий наднациональному органу управления.
Кроме того, создание объединенной системы ВКО ОДКБ потребует серьезных организационных изменений в работе Объединенного Штаба (ОШ), координации военно-технической политики, совместной подготовки кадров, решение вопросов сервисного обслуживания и многого другого. Судя по всему, это не просто решаемые вопросы, но они уже и решаются. Так, по информации ОШ ОДКБ, там создается информационно-аналитическая структура, которая будет выполнять и разведывательно-прогностические функции².

¹ Липидус В.
В 2012 году на постсоветском пространстве активно развивалась разноуровневая модель интеграции / Эл. СМИ «Рейтинг персональных страниц». 2013. 20 января / <http://viperson.ru>

² Мухин В.
Специальные операции Николая Бордюжи / Независимая газета. 2013. 4 февраля. С. 1, 2.

3. Создание объединенной системы ВКО СНГ и ряда евразийских государств, которое потребует делегирование части политических полномочий и суверенных прав государств-участников, что невозможно при сохранении «разновекторной» и «равноудаленной» внешней политики.
4. Создание ВКО Евразии, включающей системы ПРО и ПВО стран Евросоюза и Китая, которое можно рассматривать как стратегическую цель, но пока что как малореалистичную политику.
5. Резкое расширение масштабов ВТС России с евразийскими государствами. Причем не только на коммерческой, но и политической основе. Учитывая, что рынок новейших вооружений находится фактически под контролем США и их союзников, которые стремительно увеличивают объемы поставок за рубеж в последнее десятилетие, России можно и, наверное, необходимо резко расширять сотрудничество в области систем ПРО–ПВО с евразийскими странами на льготных экономических условиях.

США и их союзники, безусловно, доминируют на мировом рынке оружия. Причем официальные данные — существенно занижены. Надо понимать также, что объемы экспорта ВВТ США — «это данные, собранные в рамках программы Foreign Military Sales (FMS), которые учитывают только межправительственные соглашения и не принимают в расчет собственные экспортные контракты оборонных компаний США (то есть программу Direct Commercial Sales — DCS). Последние практически не поддаются адекватной оценке в силу отсутствия официальной статистики. Кроме того, не учтены передачи американцами ВВТ и военного имущества по программам военной помощи (MAP, Military Assistance Program и Excess Defense Article), а также услуги в рамках программ военного обучения (IMET — International Military Education and Training). Таким образом, объемы американского военного экспорта занижены»¹.

¹ Мировой рынок вооружений: взгляд из Вашингтона // Военно-промышленный курьер. 2013. 15 января / <http://eurasian-defence.ru>

Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО

В 2011 году стоимость контрактов на поставку ВВТ всем странам (как развивающимся, так и развитым) составила 85,3 млрд долларов (все стоимостные показатели в докладе приведены в постоянных ценах 2011 г.) по сравнению с 44,5 млрд долларов годом ранее. Это самый высокий показатель с 2004 года. За год объем контрактов вырос почти в два раза (на 91,7%). США подписали военных соглашений на 66,3 млрд долларов (или 77,7% мирового стоимостного объема), заняв в этом отношении, как обычно, первое место в мире, затем идет Россия с 4,8 млрд долларов (5,6%) и Франция с 4,4 млрд долларов. Напомним, что в 2010 году третье место занимала Италия (1,8 млрд долл.), однако в этот раз она оказалась лишь на пятой позиции (1,2 млрд долл.), пропустив вперед также Китай (2,1 млрд долл.). По итогам восьмилетнего периода порядок стран сохраняется: первые два места уже несколько лет подряд занимают США и Россия (в 2004–2011 годах подписали контрактов на 145,7 и 33,5 млрд долл. соответственно), третье — Франция (19,6 млрд долл.), четвертое — Германия (9,3 млрд долл.). Первую пятерку впервые покинула Великобритания (3,6 млрд долл.), до этого стабильно боровшаяся за третье место с Францией. Она пропустила вперед Италию (8,8 млрд долл.) и Китай (8,3 млрд долл.)¹.

¹ Мировой рынок вооружений: взгляд из Вашингтона // Военно-промышленный курьер. 2013. 15 января / <http://eurasian-defence.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

Важно подчеркнуть, что в структуре американского экспорта ВВТ в Евразию и страны АТР резко выделяется такая категория, как «зенитные ракеты». Эта же тенденция характерна и для КНР, которая становится конкурентом России не только в Евразии, но и в мире.

Региональная структура поставок Соединенными Штатами вооружений в 2008–2011 годах (единиц)

	Азия и АТР	Ближний Восток	Латинская Америка	Африка	Всего
Танки и самоходные орудия					348
Артиллерия					150
Бронетехника					234
Крупные боевые корабли	5	0	0	0	5
Малые боевые корабли	0	0	0	0	0
Ракетные катера	0	0	0	0	0
Подводные лодки	0	0	0	0	0
Сверхзвуковые боевые самолеты	18	35	0	0	53
Дозвуковые боевые самолеты	0	0	0	0	0
Другие самолеты	14	7	31	0	52
Вертолеты	2	36	19	0	57
Зенитные ракеты	297	647	0	0	944
Ракеты класса «поверхность–поверхность»	0	0	0	0	0
Противокорабельные ракеты	176	0	0	0	176

Если вычесть поставки бронетехники в Африку, то экспорт Китаем средств ПРО–ПВО становится абсолютно доминирующим. Причем настораживают две тенденции: во-первых, приобретение ВВТ и технологий Китаем не только у России, но и у Украины, ОПК которой был глубоко интегрирован с российским и находится сегодня в катастрофическом состоянии.

Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО

Во-вторых, рост удельного веса средств ПВО и ПРО в объемах продаж в Азию, который ведет к очевидной экспансии Китая на континенте.

Региональная структура поставок Китаем вооружений в 2008–2011 годах (единиц)

	Азия	Ближний Восток	Латинская Америка	Африка	Всего
Танки и самоходные орудия	260	60	0	190	510
Артиллерия	130	230	0	410	770
Бронетехника	100	160	20	310	590
Крупные боевые корабли	3	0	0	0	3
Малые боевые корабли	2	0	2	104	108
Ракетные катера	0	0	0	0	0
Подводные лодки	0	0	0	0	0
Сверхзвуковые боевые самолеты	10	0	0	20	30
Дозвуковые боевые самолеты	10	0	0	10	20
Другие самолеты	60	20	30	20	130
Вертолеты	10	0	0	0	10
Зенитные ракеты	760	0	20	0	780
Ракеты класса «поверхность-поверхность»	0	0	0	0	0
Противокорабельные ракеты	60	0	0	0	60

Создание Соединенными Штатами наступательно-оборонительного комплекса в Евразии превращает доминирование США на континенте в диктат, когда не только Россия, Белоруссия, Казахстан и другие участники ОДКБ, но и остальные страны становятся фактически беззащитным объектом для воздушно-космического нападения. Ситуации в Югославии, Иране, Ливии, военная операция Израиля против ХАМАС

в ноябре 2012 г. наглядно демонстрируют возможные сценарии и военно-политические последствия таких действий. Причем не только в Центральной Азии, но уже и в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, а также акваториях Тихого и Индийского океанов. Более того, использование США беспилотников уже сегодня демонстрирует, что они фактически применяют военную силу бесконтрольно по отношению к любым государствам. В том числе и к своим союзникам (Пакистан). С июля 2004 года по сентябрь 2012 года США 344 раза отдавали приказ об обстреле целей беспилотными устройствами¹. По мере увеличения дальности и точности КР и появления ГЗЛА и др. ударных беспилотников эта тенденция будет только усиливаться. Причем эта нарастающая тенденция открыто противоречит нормам международного права, более того, создает опасный прецедент.

Это означает, что необходим широкий политический диалог и активизация политики со всеми евразийскими государствами не только в области ВТС, но и в самом широком спектре:

- военно-политического сотрудничества;
- разработки совместных институтов обеспечения военной безопасности в Евразии;
- координации деятельности в области ПРО и ПВО, а в перспективе — ВКО;
- создание объединенных органов и систем предупреждения о космическом и воздушном нападении и т.д.

Очевидно, что в перспективе возникает понимание о целесообразности создания уже не только российской, но и евразийской системы ВКО, способной нейтрализовать возможную угрозу извне. Аналогия с ЕвроПРО очевидна, как, впрочем, очевидна пока что малореалистичность этого проекта. Политически, однако, этот «открытый» проект для всех стран, расположенных на евразийском континенте, — от Ирландии до КНДР — объективно целесообразен. Тем более для тех стран,

¹ Эбигхаузен Р., Варкентин А. Применение беспилотников — убийство без суда и следствия. Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 21 января / <http://eurasian-defence.ru>

которые могут ощущать дискомфорт от доминирования США и угрозы военно-воздушного (космического) нападения.

Особое значение для реализации идеи евразийской ВКО приобретает развитие в России эффективной системы воздушно-космической обороны (ВКО), охватывающей все возможные области противостояния — от стратегической ПРО до ПВО–НПРО в отдельных воинских частях. Пока что эта ситуация характеризуется следующим образом: на тактическом и оперативно-тактическом уровне существуют, модернизируются старые и создаются новые системы ВКО, способные обеспечить оборону отдельных объектов страны, но на уровне стратегическом — вопрос остается открытым, хотя работы, ведущиеся над системой стратегического перехвата С-500, внушают оптимизм. Эту ситуацию в воздушно-космической сфере хорошо иллюстрирует рисунок «Наблюдение. Обнаружение. Поражение» (С. 263).

Как видно из этого рисунка, у России уже есть военно-технические возможности для решения практически всех задач, стоящих перед ВКО, за исключением перехвата межконтинентальных баллистических ракет (которые могут быть решены с развертыванием С-500 практически одновременно с США).

Таким образом, предложение России о создании единой ВКО вполне реально, технологически достижимо и экономически обоснованно. Но, главное, это единственное возможное для евразийских стран (за исключением стран НАТО) предложение, которое, будучи реализованным, гарантирует им защиту от воздушно-космического нападения.

Конечно в недалеком будущем аналогичное предложение может сделать Китай, а в более далеком будущем — Индия. Однако в ближнесрочной перспективе реальной возможностью предложить защиту обладает только Россия.

По всей видимости, Китай не будет интегрироваться в объединенную систему ВКО, однако его геополитические интере-

Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО

сы потребуют сотрудничества с Россией в этой области, как минимум, в среднесрочной перспективе. Уже сегодня ВТС в области ВКО с Китаем развивается достаточно успешно, но, можно предположить, что оно будет усиливаться по мере роста противоречий КНР с США, Японией, Южной Кореей и другими странами. По мере усиления Китая эти противоречия будут нарастать, а экспансия приобретать новые направления. Еще в 1990-х годах З. Бжезинский попытался изобразить сферу геополитических интересов и возможной экспансии Китая следующим образом¹:

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 201.

Последующие годы показали, что он опять оказался прав. С точки зрения создания ВКО Евразии, данное представление исключает полноценное участие Китая, но предполагает, что усиление конфликтности на востоке и в акваториях Тихого и Индийского океана будет приоритетным, а значит, интерес к ВТС в области ВКО будет нарастать. Последние визиты

политического и военного руководства России в Китай это полностью подтверждают.

Есть все основания прогнозировать, что расширение сотрудничества в области ПРО–ПВО, включая ВТС, станет долгоиграющей тенденцией в отношениях между государствами Евразии, что неизбежно повлияет и на корректировку их внешнеполитических стратегий. Особенно, если учитывать новые аспекты, которые проявятся в ближайшем будущем. Как отмечают эксперты, «в последние десятилетия обозначились новые тактико-технические тенденции в вооруженной борьбе — считает например, Ю. Криницкий.

Во-первых, пилотируемые СВН (средства воздушного нападения) постепенно уступают место средствам воздушного нападения, управляемым дистанционно (или управляемым по заблаговременно введенным программам). Характерный и наиболее многочисленный пример — крылатые ракеты (КР). Применение таких средств нивелирует психологический фактор воздействия на лицо, управляющее летательным аппаратом»¹.

Особую роль уже играют высокоточные системы оружия (ВТО), которые включают в себя не только КР, но и «планирующие» бомбы, ракеты класса «воздух–земля» и др. Как отмечает А. Лузан, «Бурное развитие в последние годы средств информационно-коммуникационных технологий позволило апологетам СВН перейти к принципиально новой концепции их боевого применения: теперь сами СВН, как правило, не входят в зоны поражения средств ПВО, но запускают („выстреливают“) высокоточное оружие (ВТО), поражающее наземные цели с высокой эффективностью. Само ВТО стало основным поражающим элементом СВН и по своей эффективности соизмеримо с тактическим ядерным оружием. Возросли масштабы его применения. Если в ходе операции „Буря в пустыне“ доля ВТО составляла 7–9%, то в ходе агрессии против Югославии все 100% ударов СВН были нанесены ВТО»².

¹ Криницкий Ю. В. Нужны средства ВКО на новых физических принципах // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66). С. 31.

² Лузан А. Г. Есть отнюдь не мифический «Антей» в нашем Отечестве // Независимое военное обозрение. 2012. 23 марта.

Соответственно стремительно растет их численность, которая сопровождается их удешевлением. По информации некоторых источников, число КР в вооруженных силах США к 2020 году может достичь 100 тысяч единиц, а способность уничтожать хорошо защищенные объекты может приблизиться к абсолютной, если допустить не только возможность нескольких ударов по цели, но и использование других поражающих факторов, которые прежде не принимались во внимание — кумулятивность заряда, повышенную кинетическую энергию и др.

«Во-вторых, — продолжает Ю. Криницкий, — космическое и воздушное пространство сливается в единую воздушно-космическую сферу вооруженной борьбы. Космос осваивается в военных целях. А значит, и объем задач, возлагаемых на силы ПВО (теперь уже ВКО), расширяется. Увеличивается высотный диапазон объектов, подлежащих обнаружению, подавлению и уничтожению в войне. Ожидаемое появление гиперзвуковых воздушных целей (воздушно-космических самолетов) будет означать очередной научно-технический прорыв в развитии СВКН»¹.

Все эти аспекты пока что находятся за пределами обсуждения в процессе ограничения ВВТ и военной деятельности, с одной стороны, а также не являются предметом договоренностей по военно-политическому сотрудничеству в Евразии, с другой. И первое, и второе обстоятельство должны стать предметом переговоров и решений, принимаемых в рамках процесса евразийской интеграции, более того, стать приоритетом этого процесса.

¹ Криницкий Ю. В. Нужны средства ВКО на новых физических принципах // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66). С. 31.

7.

**Взаимосвязь
модернизации России,
развития национального
человеческого капитала (НЧК)
и воздушно-космической
обороны (ВКО) Евразии**

Без серьезного развития военных исследований не может быть ни эффективной военной, ни военнотехнической доктрины, не могут эффективно работать структуры Генерального штаба. Мы должны восстановить потерянные компетенции военных институтов, интегрировать их с развивающейся системой военного образования — так же, как в гражданском секторе экономики¹

*В. Путин,
Президент России*

Именно с опорой на православно-христианские ориентиры Россия консолидирует свое восточноевропейское зарубежье, осуществляет продвижение на Кавказ, на Балканы, укрепляет влияние среди коренного населения Прибалтики²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Создание эффективной ВКО зависит от качества и темпов развития человеческого капитала в ОПК. Существует устойчивая и сильная взаимосвязь между политикой модернизации, развитием НЧК и развитием ОПК, которая формулируется следующим образом: модернизация возможна только через опережающее развитие НЧК и отечественных (а не заимствованных) технологий. В свою очередь НЧК и современные технологии концентрируются в ОПК. По оценке прежнего куратора ОПК С. Б. Иванова, порядка 75% национального научно-технического потенциала сосредоточены в ОПК, что, как представляется, очень близко к действительности, несмотря на все усилия, которые сознательно прилагались не одно десятилетие для его развала. На рисунке эту взаимосвязь можно изобразить следующим образом:

¹ Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

² Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 70.

Как видно из рисунка, в развитых странах основной прирост ВВП обеспечивается за счет увеличения НЧК и лишь незначительная часть за счет новых активов и природных ресурсов. Этим объясняется особое внимание, которое уделяется развитыми странами человеческому капиталу, который с начала 1990-х годов признан ведущим фактором экономического и социального развития.

Для современной России эта картинка будет выглядеть иначе:

Структура национального богатства России и его доля в приросте ВВП

Как видно из рисунка, Россия:

- существенно отличается от развитых стран по структуре национального богатства и доли прироста ВВП;
- доля ОПК, концентрируясь в НЧК, становится меньше как в относительном, так и в абсолютном значении. Этот феномен проявляется, например, в том, что в числе развитых стран Россия единственная страна, где в последние два десятилетия сокращается численность исследователей и лиц, занятых в НИОКР;
- такая ситуация неизбежно ведет к упадку ОПК, главным компонентом которого является НЧК. Причем не только в научном и промышленном сегментах экономики, но и собственно в Вооруженных Силах. «Реформы А. Сердюкова» в этой области можно охарактеризовать как действия, нанесшие наибольший ущерб обороноспособности страны. Если сшить новую форму, вернуть собственность и пр. ошибки исправить можно в короткие сроки, потеряв, конечно, деньги, то научные школы — ликвидированные,

разваленные или ослабленные — потребуют уже не просто денег, а многих и многих лет.

Соответственно для того, чтобы обеспечить, во-первых, быстрый, а во-вторых, качественный рост ВВП России, необходимо:

1. Увеличить долю НЧК с 50% до 75–80% за счет сокращения в приросте ВВП страны доли ресурсов и активов в пользу НЧК.
2. Обеспечить опережающие темпы роста НЧК, что возможно, прежде всего, за счет ОПК. Именно там уже созданы соответствующие структуры, концентрирующие НЧК страны и являющиеся институтом его развития. Опыт деятельности этих структур показывает, что время, необходимое на НИОКР, производство, испытания и внедрение новейших образцов техники и технологии, в таких уже действующих структурах требуется значительно меньше, чем во вновь создаваемых институтах развития.

Это также означает, что в интересах национальной модернизации необходимо прежде всего развивать НЧК ОПК, который неизбежно стимулирует развитие высокотехнологичной продукции двойного назначения и других гражданских отраслей обрабатывающей промышленности. Так, по целому

набору показателей эта продукция даже сегодня не просто конкурентоспособна, но и превосходит мировые аналоги — от грузовых автомобилей и тягачей до авиационной и космической техники, а также продукции гражданского назначения, которая занимает значительный удельный вес в производстве предприятий отечественного ОПК.

По мере развития ОПК можно рассчитывать на то, что создание и внедрение новых отечественных технологий и техники, а также реализация уже готовых видов продукции в короткие сроки может приобрести совершенно иные масштабы. При этом результат будет ощущаться практически на всех группах отраслей обрабатывающей промышленности и, соответственно, структуре национальной экономики.

Следует также подчеркнуть, что отечественный ОПК не может успешно развиваться автономно от других отраслей обрабатывающей промышленности, как это было во многом во времена СССР. В конечном счете он, после импульса гражданским отраслям, должен занять соответствующее назначению место в национальной экономике.

В этой связи необходимо высказать еще три соображения, подчеркивающие приоритетное значение развития национального человеческого капитала для экономики страны, ОПК и, как следствие, ВКО.

Доля России в мировом ВВП составляет порядка 3%, а наукоемкой продукции 0,3%. Очевидно, что увеличить долю российского ВВП в мире, используя прежнюю ресурсную модель развития, не удастся. А вот перспективы развития НЧК — неограниченны. Можно не только привести в соответствие с долей российского ВВП долю наукоемкой продукции, но и сделать качественный рывок¹.

Это, в конечном счете, зависит от двух обстоятельств.

Во-первых, необходимо категорически отказаться от политики модернизации, основанной на внешних технологических

¹ Об этом я писал не один раз, в т. ч. в соответствующих разделах самого первого послания Президента РФ 1994 года, посвященного приоритетам развития наукоемких отраслей и образования. К сожалению, эти предложения оказались невостребованными, а положения Послания — не реализованными.

заимствованиях, используя таковые только в тех случаях, когда они способствуют развитию НЧК и отечественных технологий. Тем более, такая политика неприемлема в области обороны, науки и образования. По сути дела такая модернизационная стратегия основывается на развитии одного, причем не самого главного, компонента национального богатства — производственных активов, — т. е. приоритет в модернизации изначально выбран неверно.

Во-вторых, экспорт наукоемкой продукции, в т.ч. оборонной, предполагает, что на мировые рынки можно будет выходить только с отечественной (а не заимствованной продукцией), и, что такие образцы будут обладать мировой конкурентоспособностью.

Мировой опыт показывает, что страна, претендующая на звание лидера в области технологий, должна ежегодно предлагать на мировом рынке не менее 3–4 оригинальных (т. е. национальных) продуктов или услуг, которые могут быть созданы только на базе национального человеческого капитала. Конкурентоспособность невозможно создать на базе заимствованных идей и технологий, что абсолютно справедливо прежде всего для ВКО.

Военно-политические аспекты НЧК

Ужесточается конкуренция за ресурсы.
Причем ... прежде всего за человеческие ресурсы,
за интеллект¹

*В. Путин,
Президент России*

¹ Путин В.В.
Послание Президента
Федеральному
Собранию. 2012.
12 декабря / Сайт
Президента России /
[http://президент.рф/
news.17118](http://президент.рф/news.17118)

Прежде чем говорить о значении НЧК в ОПК и ВКО необходимо рассмотреть вопрос шире, а именно о роли НЧК в обеспечении военно-политических интересов нации, общества и государства. Без решения этой приоритетной задачи сегодня невозможно говорить ни об эффективном развитии ОПК, ни ВКО. Если говорить конкретно, то от уровня развития НЧК в конечном счете зависит:

- способность государства и нации противодействовать невоенному (политическому, информационному, культурному) насилию, т.е. невоенным факторам воздействия. Прежде всего речь идет о возможностях противодействия «мягкой силе», которая зависит от качества нации и развития институтов НЧК;
- темпы и качество экономического развития, уровень науки и технологий, структура экспорта и импорта, качество финансовой системы;
- качество государственного и общественно-политического управления, эффективность государственных институтов, включая точность, своевременность принятия и выполнения решений (в т.ч. в военно-политической и военно-технической областях), уровень доверия в обществе и масштабы коррупции;
- конкурентоспособность промышленности, прежде всего обрабатывающей, качество ВВТ и способность своевременно

и в соответствии с требованиями руководства проводить НИОКР и внедрять их в промышленное производство;

- качество руководства и личного состава Вооруженных Сил РФ, его боеспособность и эффективность. Так, например, неудачи начального периода ВОВ я связываю прежде всего именно с качеством НЧК СССР, который был объективно ниже, чем в Германии.

Проводимая в стране модернизация, как уже говорилось прежде всего зависит от того, как будет развиваться НЧК. Что уже отчасти признается правящей элитой, но пока не стало приоритетом финансовой, бюджетной и экономической политики.

Ключевая роль в процессе национальной модернизации должна принадлежать двум важнейшим факторам:

- опережающему развитию НЧК, измеряемому как количественно (демографически), так и качественно (Индекс развития человеческого капитала — ИРЧК)¹;
- созданию и развитию институтов — государственных и общественных — НЧК, которые способны эффективно реализовывать национальный человеческий капитал².

Надо отчетливо понимать, что от результатов модернизационного рывка будет зависеть не только экономическое будущее страны, но и ее положение в мире, суверенитет, безопасность, а, в конечном счете, способность сохранить себя как нацию. Это, вроде бы, признается, но понимание того, что модернизация будет зависеть от темпов и качества развития НЧК происходит медленно. Пока что по-прежнему доминируют макроэкономические соображения.

Следует также видеть зависимость, которая существует, от главной политической цели современного развитого государства, — защиты национальных интересов и продвижения (в том числе насильственного) системы ценностей, от качества НЧК. Развернувшаяся в XXI веке острая борьба за продвижение национальных систем ценностей будет в конечном счете

¹ Подберезкин А. И. Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества. Т. 1. Кн. 2. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2012.

² Подберезкин А. И. Креативный класс и идеология русского социализма. Т. 3. Кн. 3. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011.

определять и основные направления мировой политики. В том числе и военной. В том числе в области стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

По сути дела началась схватка между цивилизациями, отражающими ту или иную систему ценностей. Сегодня доминирует либеральная, но набирает силу исламская, китайская, индийская, бразильская. Так или иначе, но России неизбежно предстоит определиться, присоединяться ли к одной из доминирующих систем, в том числе и с военно-политической точки зрения (выражаемой в блоково-коалиционном подходе), либо отстаивать свою национально-цивилизационную, историческую, духовную и геополитическую роль в мире. Собственно говоря, «присоединение» к одной из существующих ценностных систем будет означать простое поглощение национально-ценностной российской системы. Такая угроза постоянно существовала в истории России, начиная с IX века, но особенно острой стала в XIII–XVI веках, когда Россия оказалась «зажатой» между католической Литвой и Польшей на западе и кочевниками на юге и юго-востоке. Позже, в XIX–XX веках, эта угроза вновь возникла, превратившись в конце XX века в практическую угрозу уже не только суверенитету, но и национальной целостности и даже национальной идентичности. «Холодная война», как форма борьбы, уступила место «холодному миру», который в переходный период 1990–2010 годов оказался не менее угрожающим для нации, чем прямое противостояние. Именно в эти годы был нанесен самый мощный удар по НЧК — прежде всего его демографическому, научному, образовательному, нравственному компоненту. Развал ОПК и ВС — лишь одно из многих, и может быть даже не самое главное наследство такого «холодного мира».

На самом деле «холодный мир» с точки зрения безопасности России мало чем отличается от «холодной войны». Главное, пожалуй, тем, что, для России он оказался более опасен.

Прежде всего тем, что возможностей противодействия стало на порядки, в десятки раз, меньше, а также тем, что «холодная война» из области международных отношений распространилась на все постсоветское пространство — во взаимоотношения различных элит постсоветских государств и различных слоев общества.

Эта «холодная война» ведется в том числе и в России, где определенная часть либеральной элиты не только сама определилась с выбором цивилизационно-ценностной системы, в пользу западной системы, но и хочет того же от всей нации и государства. Не случайно этот выбор проявляется особенно выпукло в самом широком спектре противоречий — от отношения к государству, социуму, экономике, выражаемому часто в «случайных» проявлениях отношения к РПЦ, силовым структурам и т.д., — до споров в отношении оборонной политики, ГОЗ–2020. Вопросы развития ОПК и ВКО становятся следствием такой борьбы, ее заложниками, предопределяются в основном господствующей в то или иное время точкой зрения той или иной части правящей элиты. Так, развитие ОПК и ВКО во многом предопределяется не столько решением президента и правительства, сколько существующей финансовой и экономической политикой.

В частности, если речь идет о финансовой политике, то решение Минфина, принятое в январе 2013 года, перечислить в Резервный фонд 900 млрд рублей нефтегазовых доходов, как минимум, странное. Зачем размещать сегодня средства за рубежом, которые имеют минимальную доходность (на самом деле из-за инфляции доходность просто ниже нулевой), когда иностранные инвестиции привлекаются под доходность в 20%?

И еще один провал, за которым стоят либеральные экономисты, — в России так и не создали одну важнейшую финансовую функцию — промышленное кредитование. Как справедливо говорит М. Леонтьев, «Что у нас происходит сейчас? У нас

ситуация, при которой растут номинальные доходы у людей и очень сильно развивается потребительское кредитование. Но нет кредита для промышленного производства. В России исключен кредит для промышленных предприятий».

Мало того что они изымают все деньги из экономики и занимаются денежной санацией, так они еще и практически прекратили кредитование, потому что эффективная ставка у нас — больше 12%, а то и 15% для промышленных предприятий. Я имею в виду за вычетом инфляции, то есть на рынке предприятия могут получить кредит под 25%. А отдать такой кредит невозможно, и единственная возможность кредитования — это специальные государственные программы... Это — вообще не рынок»¹.

¹ Леонтьев М.
«Никакая „кубышка“
не обеспечит устойчи-
вости экономики
в условиях серьезного
кризиса» / Эл. ресурс
«Военное обозрение».
2013. 25 января /
<http://topwar.ru>

Именно в этом контексте следует рассматривать и дискуссию о модернизации Вооруженных Сил, американской системы ПРО, евразийской интеграции и ВКО России, ОДКБ, СНГ. Так, строительство новых корпусов ОАО «Государственного Обуховского завода» велось

на условиях коммерческого кредита, т.е. на тех же условиях, на которых работают фирмы, занимающиеся «купи-продай». Известный экономист М. Хазин очень точно характеризует ситуацию внутри российской элиты, сложившуюся в начале 2013 года: «Те, кто постарше, хорошо помнят лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Придуман он был еще в XIX веке, когда были надежды на то, что пролетарская идентичность окажется выше, чем, скажем, национальная. Эта надежда оказалась иллюзорной, однако, как выясняется, есть некоторые другие виды идентичности, которые оказались более привлекательными для некоторых особей, чем и пролетарская, и даже национальная. Это идентичность либеральная. И для

того, чтобы подтвердить этот тезис, я, вначале, напомним некоторые факты¹.

Вкратце ситуация выглядит так: сегодня идет острая борьба между российскими либералами и Президентом России Путиным. Путин отчаянно хочет заставить правительство и Центробанк реализовать его предвыборные обещания и обеспечить более или менее приличный экономический рост, либералы демонстративно объясняют ему, что это невозможно и занимаются откровенным вредительством². И далее: «...Особо остро эта ситуация встала в последние недели, поскольку Путин поручил Академии наук разработать концепцию реформирования российской экономики, обеспечивающую „устойчивое развитие“. Она тут же была раскритикована либералами, хотя с их стороны именно сегодня это выглядит смешно, с учетом того, что лозунг нынешнего „Давоса“, одной из „Мекк“ либералов, выглядит как: „Устойчивый динамизм“. Кто хочет, может написать диссертацию о нюансах различия этих терминов»³.

Это обстоятельство является главным ключом к пониманию роли современной военной силы вообще и ВКО, в частности. Что нередко, даже часто, упускается из виду, особенно когда речь идет исключительно о военно-технических аспектах ВКО. Реальность такова: США и ряд других государств поддерживают такой военный потенциал, который должен дать им в любое время по своему усмотрению возможность использовать военную силу против любого государства. Как пишет бывший помощник Президента России Д. Рюриков (которому, безусловно, не откажешь в компетентности суждения), говоря о правящей элите США, «...если лица, принимающие решения, сочтут это необходимым, война может быть начата в любой момент»⁴. Другими словами, основное требование американской правящей элиты к своим вооруженным силам — постоянная боеготовность и способность поддержать немедленно политические решения. Надо сказать, что это качество

¹ Более подробно их можно прочитать в <http://worldcrisis.ru/crisis/>

² Хазин М. Нам нет, нет, нет альтернативы! Либерал-элита против Путина / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 27 января / <http://topwar.ru>

³ Там же.

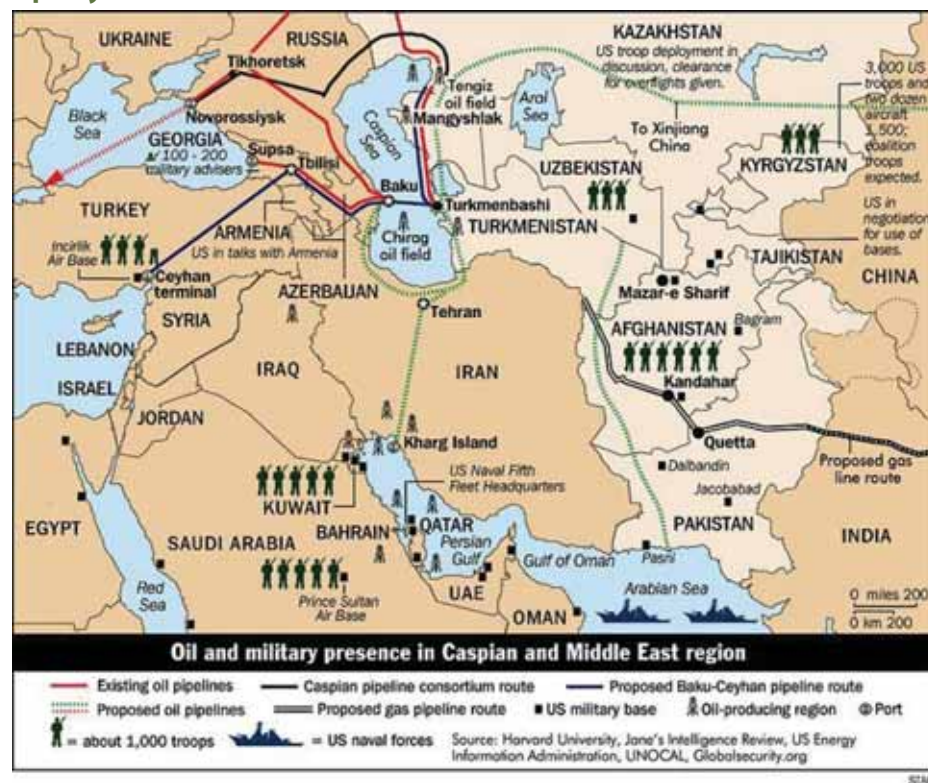
⁴ Кризис миропорядка и угрозы России и миру: Аналитический обзор РИСИ / под ред. П.В. Гребенникова, Д.Б. Рюрикова. — М.: РИСИ, 2012. С. 10.

Евразийская воздушно-космическая оборона

обеспечивается достаточно высоким уровнем НЧК США не только в вооруженных силах, но и науке, и промышленности, которое постоянно повышается. Не случайно, например, что в условиях отсутствия военной угрозы США их военной бюджет вырос почти на 100% за последнее десятилетие.

При этом военно-политическое руководство США исходит прежде всего из геополитических соображений. Необходимости продвижения своих ценностей и интересов в глобальном масштабе. По этому поводу известный французский аналитик Ж.-Б. Пинатель пишет следующее: «...американская политика ставит целью поддерживать постоянную нестабильность на

Взаимосвязь между добычей нефти и военным присутствием США

Ближнем Востоке и в Каспийском бассейне. Цель США — тормозить экономическое развитие наших соседей путем захвата их ресурсов, нанести ущерб развитию Европы и России, лишать их рынков сбыта продукции, и, наконец, всеми возможными способами помешать созданию стратегического союза от Дюнкерка до Урала, который стал бы третьим участником системы международных отношений, способным противостоять амбициям Вашингтона»¹.

Эту взаимосвязь между геополитическими интересами США, энергетическими ресурсами и поддержанием вооруженных сил в постоянной боеготовности хорошо иллюстрирует карта «Взаимосвязь между добычей нефти и военным присутствием США» с. 282 .

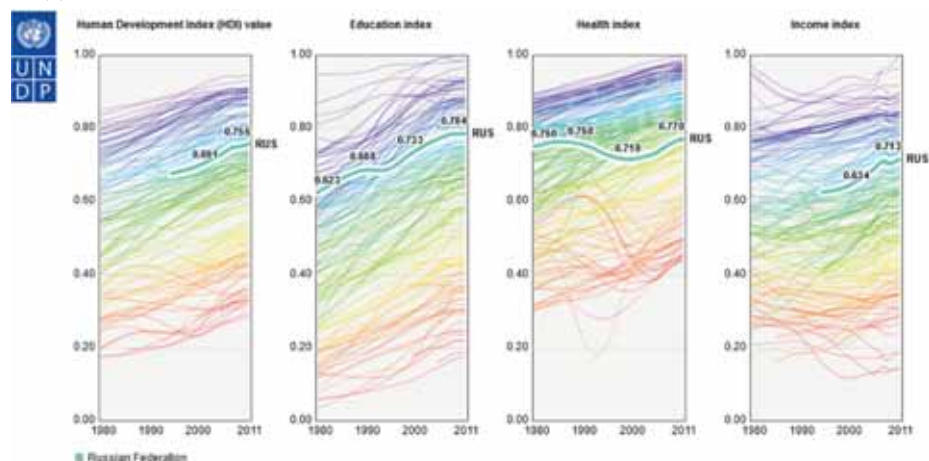
Как видно, пока что в Центральной Азии военное присутствие США не очень велико. Но, во-первых, есть тенденция к ее увеличению, а, во-вторых, сегодня военные возможности определяются уже не столько количеством военнослужащих, а качеством ВВТ, прежде всего ВТО, способного быть примененным в авиационно-космическом нападении. Соответственно и способность того или иного государства защититься от такого нападения предопределяет политические возможности использования «мягкой силы» и создания условий для непосредственного применения военной силы, что, в свою очередь, обеспечивает реальность и эффективность политического давления, даже шантажа. Не случайно огромные усилия тратятся на формирование лояльных США институтов развития НЧК в Евразии. Достаточно сказать, что поддержка одного сайта «Центральная Азия» ежегодно обходится МО США в 4 млн долларов.

Сегодня не существует четкой границы между «мягкой» и «жесткой» силой. Информационное, кибернетическое, культурное воздействие против НЧК и его институтов уже стало обязательной первой фазой военных действий.

¹ Пинатель Ж.-Б.
Россия — Европа:
жизненно важный
союз / перев. с франц.
Д. Х. Халиллуллиной.
М.: Книжный клуб 36.6,
2012. С. 26–27.

Национальный человеческий капитал (НЧК) в этих условиях играет ведущую роль, которая определяется следующими обстоятельствами:

Во-первых, НЧК является главным фактором роста современной экономики любой страны. Это тем более верно для обрабатывающих отраслей промышленности и оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В частности, в российском ОПК занято до 70% квалифицированных научно-технических кадров страны. К сожалению, Россия по этому показателю не входит в число стран-лидеров, стабильно занимая место в седьмом десятке государств. Лишь в последнее десятилетие заметна некоторая позитивная динамика по ряду критериев, определяющих качество НЧК. Как видно из приведенных ниже примеров, качество НЧК улучшается медленно.

Во-вторых, уровень развития НЧК определяет уровень развития политических и социальных институтов, способность влиять на другие государства (в форме «мягкой силы») и противостоять такому влиянию, препятствуя подготовке условий для использования военной силы («hard power» или «жесткой силы»). Граница между этими формами очень условна: переход

- наконец, очередная попытка зарубежного «заимствования» могла бы быть оправдана, если бы такие суда невозможно было бы строить в России. Новый министр обороны был вынужден сделать на этот счет специальное заявление: «Российские заводы должны быть готовы к большим заказам со стороны Министерства обороны, так как техника, необходимая для перевооружения армии, будет закупаться за рубежом, только если иссякнут надежды на российские компании, заявил министр обороны Сергей Шойгу в интервью телеканалу „Россия“»¹. Он подчеркнул, что закупать за границей технику, необходимую для обороны страны, иногда быстрее, но не перспективнее. Шойгу считает, что в будущем необходимо прийти к тому, чтобы сервисное обслуживание всей оборонной техники осуществляли тоже заводы-изготовители: «И тут мы с вами говорим о большой теме, которая называется „контракт жизненного цикла“ — от постановки на вооружение и передачи нам, до утилизации. Это большая работа, потому что мы должны часть заводов Минобороны передать компаниям и крупным промышленным объединениям, которые занимаются и наукой, и опытно-конструкторскими работами, и производством техники»².

¹ Техника для Минобороны должна производиться в России, считает Шойгу / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 25 января / <http://topwar.ru>

² Там же.

В-четвертых, качество НЧК во многом оказывает решающее воздействие на качество вооруженных сил, темпы и качество развития ВВТ, является решающим в фундаментальной науке и НИОКР. Это, безусловно, надо иметь в виду, так как сегодня именно человеческий потенциал в области фундаментальных наук и НИОКР предопределяет не только современное состояние экономики и военной мощи, но, главное, его будущее. В этом смысле инвестиции в науку и образование, в том числе военную, это самые выгодные для нации инвестиции.

К сожалению, это далеко не всегда осознается российской правящей элитой, которая недооценивает значение этих факторов в гражданской и военной областях. Так, относительная

доля финансирования военных НИОКР, запланированная еще в первом десятилетии при прежнем руководстве МО, будет падать (с 22% до 16%), что совершенно неоправданно. Как, впрочем, и проведенная «реорганизация» военной науки¹, которая привела к ее деградации.

¹ Вооруженные Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 279.

Сводная таблица по военным расходам России и структуре ГОЗ в 2010–2013 гг.

Годы	2010	2011	2012	2013
Бюджет МО, млрд руб.	1277	1521	1661	2102
Общие расходы на развитие ВС РФ (ГОЗ), млрд руб.	487	574	726	1165
% на развитие в бюджете МО	38,1%	37,7%	43,7%	55,4%
Расходы на закупку ВиВТ и модернизацию, млрд руб. (% в расходах на развитие)	380 (78%)	460 (80%)	596 (82%)	980 (84%)
Расходы на закупку новых ВиВТ (% в расходах на развитие)	316,5 (65%)	374 (65%)	487 (67%)	816 (70%)
Расходы на модернизацию ВиВТ (% в расходах на развитие)	63,5 (13%)	86 (15%)	109 (15%)	164 (14%)
Расходы на НИОКР (% в расходах на развитие)	107 (22%)	114 (20%)	130(18%)	185 (16%)

Есть и другие факторы влияния НЧК на эффективность общества, экономики, ВС и ОПК, что в конечном счете проявляется на возможностях ВКО. Если посмотреть, как это влияние проявлялось в России в последние годы, то нетрудно обнаружить, что отставание в темпах развития НЧК прямо и негативно отразилось как на возможностях Вооруженных Сил России и на качестве ВВТ, так и на эффективности ВКО. Примеров можно привести множество — от дезорганизации и псевдореформ в МО и ГШ до развала целых отраслей ОПК и, как следствие, значительном снижении эффективности ВКО.

Роль НЧК в развитии ОПК и ВКО

Огромным недостатком нашего исторического создания ...
является то, что мы анализируем ключевые процессы и события ...
в отрыве от ... тех процессов, которые проходили в это время в мире¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

¹ Торкунов А. В.
Современная история
России в международ-
ном контексте // *Вестник МГИМО(У)*.
2012. № 6 (27). С. 7.

С точки зрения приоритетности развития НЧК, Россия в последние десятилетия «выпала» из логики развития ведущих государств планеты. Прав академик А. Торкунов, в частности, в том, что все последние три десятилетия практически вся правящая элита России игнорировала ведущую мировую тенденцию — приоритет развития национального человеческого капитала (НЧК), тогда как в большинстве развитых стран именно этот приоритет лег в основу экономической и социальной политики. Советская и российская элиты умудрились как-то не заметить не только основные тенденции и значение нового этапа НТР, но и новую роль НЧК. Даже тогда, когда общепринятым стало измерение качества развития индексами ЧК (ИРЧК) и была создана (в 1990 г.) специальная программа ООН (ПРООН).

² См. подробнее:
Подберезкин А. И.
Национальный челове-
ческий капитал.
М.: МГИМО(У), 2011,
2012. Т. I, Т. II, Т. III.

Не концентрируя внимания на этой теме², важно подчеркнуть что взаимосвязь между НЧК и обеспечением безопасности страны, ее суверенитета и способностью к обороне — не только прямая, но и самая важная для понимания характера развития ОПК и ВКО.

Военная сила, военное превосходство — не самоцель, а политический инструмент. Причем этот инструмент используется в крайнем случае и, как правило, в последнюю очередь, когда другие инструменты оказываются неэффективными.

Но чтобы этот политический инструмент был эффективным до его прямого применения, военная сила должна быть очевидно превосходящей и готовой к использованию. Шантаж, как крайняя форма косвенного использования военной силы, должен быть абсолютно убедительным. В противном случае он превращается в блеф. Логика взаимосвязи НЧК–ОПК–ВКО такова: ставка на военную силу в политике в любой ее форме неизбежно означает ставку на военное превосходство, которое в XXI веке определяется не столько количеством ВВТ и личного состава, сколько качеством ВВТ и военнослужащих, а также лиц, принимающих военно-политические решения. Таким образом, в конечном счете именно качество национального человеческого капитала в науке, промышленности и в вооруженных силах становится главным условием реализации силовой политики.

Соотношение сил, измеряемое сегодня прежде всего соотношением потенциалов НЧК в мире и, в частности, в вооруженных силах государств и их военно-промышленных комплексах, таким образом предопределяет аналогичные требования не только к агрессору, но и потенциальной жертве агрессии. Если обороняющаяся сторона не будет обладать сопоставимым НЧК, то она неизбежно будет вынуждена уступить политическому давлению, либо угрозе применения военной силы.

Сегодня соотношение военных сил в основном предопределяется соотношением (количественным, но, прежде всего, качественным) сил в области наступательных авиационно-космических и оборонительных ВВТ. Но если это так, то прежде всего такое соотношение будет зависеть от НЧК, сосредото-

точных в соответствующих вооружениях и людях, управляющих ими. Отсюда — исключительная важность роли НЧК в создании и развитии ВКО.

Основной политической целью не только для великих, но и большинства других держав является защита национальных интересов, выражаемая в укреплении национальной идентификации и продвижение своей системы ценностей (а, соответственно, правил поведения) в мире. Конечно, с теми или иными нюансами. Так, для США, например, такими нюансами являются цель превратить Китай в «партнёра-противника», не допустить союза Европы и России, внести дестабилизацию в ряд важных для них регионов и т. д.¹ Причем, во многом эта политика оказывается предопределенной результатами развития НЧК в той или иной стране. Не случайно в этой связи примечательное признание З. Бжезинского, сделанное им уже в январе 2013 года, а не в предыдущих работах, которые некоторые авторы считают не актуальными. Отвечая журналу «Евроньюс», З. Бжезинский заметил: «Вы назвали Китай, Индию и Россию развивающимися странами. Если взглянуть повнимательнее, только одна из них развивается, две других — нет. Одна борется с ностальгией по прошлому, у другой несколько преувеличенное мнение на свой счёт, с учётом общей социально-экономической ситуации при большом потенциале и многообещающих перспективах. Страна, которая развивается — это Китай. И, конечно же, мы должны к нему внимательно присматриваться»².

Для Китая (во внешней политике) — пока что такой целью является использование права преимущественной покупки сырья,

¹ См., например: Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 10–11.

² Бжезинский З. Россия не развивается, Путин неэффективен. 2013. 21 января / <https://mail.google.com/mail/u/0/?shva=1#inbox>

необходимого для высоких темпов роста и ускоренного социально-экономического развития. В том числе НЧК, который увеличивается при помощи опережающих темпов роста ВВП: численность, например, получивших высшее образование за последние 20 лет, превысила 300 млн человек, а покупаемые прежде технологии быстро превратились в китайские. Как следствие — изменение структуры экономики и внешней торговли Китая: если 20 лет назад структура российского экспорта в КНР на 90% состояла из машин и оборудования и на 10% из энергоносителей, то сегодня — ровно наоборот. Китай практически уже не покупает в России продукцию обрабатывающих отраслей.

Решающим условием для реализации поставленных целей во внешней и внутренней политике является опережающий рост НЧК, который позволяет в свою очередь США обеспечить технологическое лидерство, а Китаю — быстрые темпы роста. «Именно переработка сырья, — отмечает известный французский эксперт, — конечных продуктов, которые осуществляются умной, квалифицированной и дешевой рабочей силой, создают „рентабельность“ китайской системы...»¹. Не случайно, рост НЧК расценивается КПК в качестве важнейшего достижения реформ.

В этом смысле развитие НЧК по большому счету решает две задачи — обеспечение сохранения национальной системы ценностей и суверенитета, а также развитие, модернизация экономики и общества. Но от решения этих задач прямо зависит и способность обеспечения ОПК и ВКО страны. Логика такова: без сохранения национальной идентичности и системы ценностей невозможно сохранить независимость и государственный суверенитет. Высокое качество НЧК является важнейшим условием для этого.

Но, как оказывается, опережающее развитие НЧП без этого также невозможно. Вне национальной системы ценностей

¹ См., например: Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 57.

человеческий потенциал становится абстрактной наднациональной, слишком универсальной категорией, не способной обеспечить защиту и суверенитет.

С другой стороны, НЧК является главным ресурсом развития ОПК, без которого не только технологии, но и сами ВВТ становятся бесполезными: заимствовать технологии можно, как можно и покупать вооружения, но развивать ОПК можно только на основе НЧК. Что, кажется, уже стали понимать в российском военно-политическом руководстве. Не случайно, после смены руководства МО и ГШ России Д. Рогозин подчеркнул, что «...заимствовать должны не Вооруженные Силы, а прежде всего оборонно-промышленный комплекс, сама промышленность, для того чтобы производить на основе приобретенных знаний современную продукцию»¹. Я бы сказал, — на основе национальных знаний и привнесенных технологий.

Далее: создание эффективной системы ВКО без опоры на национальный человеческий капитал также невозможно — внешние заимствования технологий практически исключены, так как в вопросах безопасности идеи «рынка» не работают. Или сведены к минимуму: вам никогда не продадут последние достижения, что означает консервацию технологического отставания.

Развитие отечественной ВКО, таким образом, невозможно не только без опережающего развития НЧК оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и всего комплекса отраслей обрабатывающей промышленности. Достаточно сказать, что в 2012 году в российском ОПК насчитывалось порядка 1250 государственных предприятий, на которых было занято около 2 млн человек. Если же говорить о негосударственных предприятиях, КБ и смежниках, то можно констатировать, что ОПК становится производным от уровня НЧК и обрабатывающей промышленности, во многом, в свою очередь, определяя темпы развития последних.

¹ Литовкин В.
Оборонка отбивается
от «Мистралей» // *Независимая газета*.
2012. 5 декабря. С. 2.

К ВКО, например, вполне применима оценка перспектив развития российской космической отрасли (как части ВКО), данная в последнем интервью академика Б. Чертока: «Космонавтику нельзя оторвать от состояния экономики страны, от развития всех направлений: электроники, машиностроения, химии и т.д. По существу, она теснейшим образом связана со всеми отраслями промышленности. Сегодня, к сожалению, во многих наших космических аппаратах, особенно в беспилотных, которые мы выводим на геостационарную орбиту для обеспечения связи, используются зарубежные элементы, поскольку наши промышленные технологии не способны их производить. Поэтому успех российской космонавтики целиком будет зависеть от успехов и темпов развития всех отраслей передовых технологий в основных областях машиностроения и электроники»¹.

Действительно, развитие ОПК зависит не только от уровня развития НЧП (прежде всего фундаментальной науки), культуры, образования, причем именно **национального**, но и от уровня, развития технологий и всей группы отраслей обрабатывающей промышленности.

Очевидно и другое: для создания объединенной евразийской ВКО одного российского потенциала НЧК и ОПК мало — требуется не только мобилизация ресурсов, но и кооперация научно-технических и экономических возможностей ряда государств, высокая степень политического и научно-технического сотрудничества. Так, тяжелые МБР традиционно создавались на Украине, а ряд важнейших компонентов ВКО — в бывших советских республиках.

Политически, экономически и финансово (не говоря уже о военной стороне вопроса) реализовать концепцию евразийской ВКО только усилиями России вряд ли возможно. Как, впрочем, и многих других систем ВВТ. Здесь мы сталкиваемся с известным противоречием, о котором говорилось, например,

¹ Черток Б.
Последнее интервью /
Эл. СМИ: «Военное
обозрение» /
<http://topwar.ru/10096>

на заседании ВПК в декабре 2012 года, когда сегодня ни одно государство (даже США) не делает все системы вооружений, а, с другой, великая держава не может зависеть от поставок ВВТ из-за рубежа¹.

Тем более, что создание потенциала евразийской ВКО зависит не только от ОПК России и других стран, но и от политических, культурных, этнических и иных факторов невоенного характера. Прежде всего от того, насколько быстро России удастся предложить странам Евразии свою собственную, привлекательную модель интеграции, основанную на общей системе ценностей, производными от которой будут евразийская экономическая и военно-политическая интеграция. Так, в КНР после ноябрьского (2012 г.) съезда КПК происходит самая настоящая «идеологическая революция», когда отодвигаются в тень классики марксизм-ленинизма, без которых раньше не обходилось ни одно выступление, а им на смену приходит возрождение ценностей конфуцианства. Более того, эта система ценностей, подкреплённая экономическими ресурсами, активно продвигается КПК за рубеж при помощи самых различных институтов.

В этом смысле алгоритм действий российской политики должен не отличаться от китайской или американской, с той лишь разницей, что США навязывают свою систему ценностей (Китай — «продвигает» пока что мирно), а Россия должна предложить привлекательную для этих стран ценностную систему. В том числе, а, может быть, и прежде всего, в области безопасности². И эта система ценностей может базироваться только на основе НЧК и сотрудничестве с другими странами и их НЧК.

¹ Литовкин В.
Оборонка отбивается
от «Мистралей» //
Независимая газета.
2012. 5 декабря. С. 2.

² См. подробнее:
Подберезкин А. И.
Евразийская воздушно-
космическая оборона
как идея и проект //
Вестник МГИМО(У).
2012. № 6 (27). Декабрь.
С. 61–68.

Можно предположить, что в такой системе ценностей создание системы евразийской безопасности может играть важную, пока что широко не обсуждаемую роль. И прежде всего, учитывая роль и характер возможных военных действий, в области воздушно-космической обороны. При этом целесообразно идти «от общего к конкретному», т.е. от системы нравственных ценностей для стран Евразии, реализуемых в развитии НЧК этих государств, к системе обеспечения безопасности вообще и воздушно-космической — в частности.

Из рисунка «Взаимосвязь НЧК — ОПК — ВКО» видно, что возможности ЕвразВКО зависят, в конечном счете, от двух факторов:

Во-первых, от общего уровня развития НЧК (причем в его широком понимании, включающем культурно-историческую, геополитическую и иную специфику) и, как следствие, темпов роста обрабатывающей промышленности и всего ВВП.

Сегодня видно, что прогноз на ближайшие годы для России темпов роста ВВП и обрабатывающей промышленности пессимистический¹.

Прежде всего это объясняется тем, что не учитывается роль НЧК, который в современных государствах, как уже говорилось,

¹ Башкатова А. Отечественная экономика на автопилоте // Независимая газета. 2013. 30 января. С. 1, 4.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Базовые виды экономической деятельности, прирост за год, в %

Виды деятельности	2011 г.	2012 г.	2013 г.*
Сельское хозяйство	23,0	−4,7	11,8**
Промышленное производство	4,7	2,6	0,2
Добыча полезных ископаемых	1,9	1,1	0,5
Обрабатывающие производства	6,5	4,1	−0,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,1	1,2	2,2
Строительство	5,1	2,4	1,1
Розничная торговля	7,0	5,9	5,6
Оптовая торговля	5,4	6,8	−2,5
Платные услуги населению	3,0	3,5	1,9
Грузооборот	3,4	1,7	1,6
Все базовые отрасли	5,1	3,2	1,4
Базовые отрасли, без с/х	4,2	3,7	0,9
Справочно: инвестиции	8,3	6,7	−0,1

* Прогноз на 2013 год предполагает инерционный рост при сохранении темпов второго полугодия 2012 года.

** Рост выпуска сельского хозяйства предполагается на уровне средних показателей 2007–2010 годов с учетом компенсации эффекта неурожая 2011 года.

Источник: Росстат, «Центр развития» ВШЭ.

обеспечивают до 95% роста ВВП и обрабатывающей промышленности. Соответственно, если НЧК в ОПК в России занимает половину НЧК страны, то это означает, что именно этот фактор не работает.

Во-вторых, обеспечение безопасности на континенте и создание ВКО зависит от уровня сотрудничества — политического,

научно-технического, экономического и военного в рамках евразийского сообщества, объединенного общим интересом обеспечения безопасности. Причем этот приоритет изначально должен уступать место стремлению навязать свою систему ценностей.

Как видно из приведенного выше рисунка, это возможно прежде всего при обязательном условии обладания Россией наиболее высоким уровнем Национального человеческого капитала (НЧК), включающего в том числе его культурную, научно-образовательную и духовную составляющую. Только такой НЧК способен обеспечить России конкурентоспособный внешнеполитический идеологический ресурс, с помощью которого можно обеспечить евразийскую интеграцию в других областях.

Собственно «идеология» экономической выгоды, которая сегодня доминирует в подходе к евразийской интеграции в России, оказывается неконкурентоспособной: далеко не все действия в мире определяются экономической выгодой и интересами национальной безопасности. Евросоюз — очевидный пример этому. Кроме того, соревноваться с США и НАТО на этих экономических условиях изначально невыгодно. Тем более, что есть и другие конкурентоспособные идеологии в Евразии, определенно ориентированные на приоритетное развитие своих этносов — исламская, конфуцианско-социалистическая, буддистская. Такая прагматическая «идеология» нацелена не на достижение сформулированной цели (например, повышения боеспособности и эффективности ВКО в ходе военной реформы), а на «оптимизацию» расходов, нередко в ущерб самой цели. Более того, как показали события в МО, подобная «оптимизация» ведет к коррупции и разворовыванию бюджетов, деградации НЧК и ОПК.

Вместе с тем важность идеологии для приоритетов развития евразийской интеграции и государства становится все более

и более очевидной. Как, например, отмечалось в тезисах конференции Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) в начале декабря 2012 года, «...Идейная борьба обостряется в сфере привлекательности моделей развития, которые в век информационной

открытости во многом предопределяют влияние стран, их мировую „капитализацию“. Растет роль „мягкой силы“, измеряемой готовностью других стран добровольно следовать чьему-то примеру. Она зависит от уровня благосостояния основной массы населения, качества жизни, защищенности человека, его свободы, эффективности юридической и политической системы. Особое значение имеет накопленный культурный слой стран и обществ, способность транслировать свою культуру. Иногда именно потенциал „мягкой силы“ вершит историю. Вспомним бегство восточноевропейских стран, да и значительной части советского общества к западной системе ценностей в конце 1980-х и в 1990-е годы»¹.

Но НЧК является не только основой для «мягкой силы», но и силы вообще, и основой развития современных национальных технологий, включая военные, которые по определению не могут быть заимствованы за рубежом. Конечно, в глобальном мире невозможно развиваться изолированно. Продолжается и будет продолжаться сотрудничество, промышленно-технологический шпионаж, но военно-технологической фундамент ОПК может быть создан только на национальной основе. И у России, есть для этого основания: «...по трем основным рынкам — Америки, Израиля и Германии — наши соотечественники держат абсолютное первенство в сферах ИТ, математики, физики, биологии...»². Выбор, таким образом, предопределен в пользу приоритетности развития НЧК.

¹ Россия в мире силы XXI века — силы денег, оружия, идей, образов // Тезисы к конференции СВОП 1–2 декабря 2012 г. С. 6.

² Аузан А. А. Никто не хотел уезжать // Профиль. 2012. 5 ноября. С. 53.

В этой связи важно подчеркнуть, что сама возможность эффективно использовать военную силу появляется только при определенных условиях: она зависит от военного научно-го и технологического превосходства, а оно, в свою очередь, определяется сегодня прежде всего лидерством в развитии национального человеческого капитала (НЧК). Именно НЧК, а не заимствованными технологиями в ОПК, которые заведомо отстают (особенно в военной области) на 15–20 лет от существующих в развитых странах¹.

Этот вывод имеет принципиальное политическое и практическое значение. Так, отказ СССР и России в свое время от развития национальных фундаментальных исследований и НИОКР привел к тому, что во втором десятилетии XXI века в ВКО страны образовались катастрофические бреши. Так, лидируя в 80-е годы в области гиперзвуковых технологий, беспилотных летательных аппаратов и ракетной техники (в т. ч. высокоскоростных ракет-перехватчиков), сегодня Россия отстала в этих областях на 15–20 лет. По сути она была вынуждена вернуться к их разработке сегодня, на невыгодных условиях, при отставании в элементной базе микроэлектроники, как говорят скептики, — «навсегда».

Эта проблема на сегодня является главной в отечественном ОПК, где разрушению подверглись целые научно-конструкторские школы. В настоящее время отечественный ОПК включает (по оценке Д. Рогозина) порядка 1350 предприятий, значительное число из которых невосвратимо устарело и подлежит ликвидации.

Это огромный человеческий капитал, который, надо подчеркнуть, является производным от Национального

¹ Об этом подробно написано в книге А. Подберезкина и М. Гебекова «Национальный человеческий капитал на перепутье». М.: МГИМО(У), 2012.

Евразийская воздушно-космическая оборона

человеческого капитала России. Его необходимо сознательно развивать опережающими темпами, восстанавливая то, что пока не окончательно потеряно, и создавая новые научные и конструкторские школы. Это проблема №1 не только для ОПК, но и для таких комплексов отраслей, как ВКО.

Строго говоря, система ВКО в России во втором десятилетии XXI века только восстанавливается. Некоторые ее компоненты оказались отброшены на десятилетия назад, что не позволяет нам в полной мере говорить о системе ВКО, а, скорее, ее отдельных элементах. При этом, ключевое значение имеет НЧК ВКО, восстановление которого в полном объеме и на отечественной основе не только возможно, но и неизбежно. Возникает, правда, трудный вопрос, каким образом можно ликвидировать отдельные отставания в научных школах НИОКР и технологиях, например, в области электроники, избегая внешних заимствований. Хотя, как уже говорилось, на рынках IT ведущих государств лидерство в ряде областей остается за российскими учеными и инженерами.

Другая сторона проблемы — долгосрочное военно-политическое и научно-техническое прогнозирование и планирование, к которому неизбежно необходимо возвратиться. Опыт последних десятилетий доказал, что США и Китай, исполь-

зующие долгосрочное стратегическое планирование, оказались в значительно более выгодном положении, чем Россия, которая изначально рассчитывала на «невидимую руку рынка», а затем — на ручное управление.

К сожалению, в последние десятилетия по целому ряду идеологических и политических причин в СССР и России не только отказались от стратегических прогнозов и стратегического планирования, но и вообще признавали их не нужными, «мешающими рыночному развитию». Ситуация медленно и не всегда последовательно стала меняться со второй половины первого десятилетия XXI века. Проявился даже своего рода «бум» отраслевых, региональных и местных, большей частью социально-экономических прогнозов. Как правило, основанных на макроэкономических расчетах и экстраполяции, без учета международных и военно-политических факторов, влияющих на их реализацию, а нередко и просто формальных.

Эти прогнозы и основанные на них программы оказались практически бесполезны именно потому, что положенные в их основу макроэкономические идеи и модели не могут учитывать важнейшие неэкономические факторы.

Сказанное имеет прямое отношение к военно-политической области, где нужен стратегический прогноз на несколько десятилетий и стратегическое планирование, не зависящее принципиально от субъективных, прежде всего личностных факторов. Нужно, как говорил В. Путин, «посмотреть за горизонт», на 30–50 лет вперед.

Для того чтобы разработать такой прогноз, основу для стратегического планирования и заложить фундамент под военную политику и военное строительство, нужно учитывать несколько факторов, имеющих принципиальное значение:

- **во-первых**, необходимо отчетливо понимать, что является национальными приоритетами и ценностями, какова национальная стратегия развития. Для полноценной военной

доктрины и прогноза, признания в качестве приоритетов только государственной безопасности и суверенитета уже недостаточно;

- **во-вторых**, нужна некая общая позиция правящей элиты и общества в отношении такой национальной стратегии развития. Не единообразия, которого быть не может, а принципиального согласия ведущей части элиты и общества. Как это существует, например, в США, где сформировался фактический консенсус в элите относительно необходимости создания глобальной ПРО;
- **в-третьих**, нужны научно-обоснованная и согласованная высшим политическим руководством, руководством ВС России и ОПК, а также экспертным сообществом военная доктрина, военная политика и, соответственно, долгосрочные планы военного строительства. Включая понимание и согласие относительно оценки будущих угроз и необходимости им противодействовать.

При этом нужно совместно — политикам, ученым, военным и производителям — решать эти принципиальные вопросы. По отдельности, как показывает опыт, никто не может принять адекватные решения. Наоборот, как при М. Горбачеве и Б. Ельцине, когда политики не считаясь с мнениями военных и представителей ОПК, принимали такие решения, конечный результат был катастрофичным.

Нельзя отдавать на откуп такие решения и только военным, ибо им неизбежно предстоит трудная оценка политической и экономической целесообразности.

Вместе с тем даже существующий опыт взаимодействия и сотрудничества науки, ОПК и ВС показывает их высокую эффективность. Особенно, когда речь идет о сотрудничестве на уровне родов и видов ВС с отраслями ОПК¹.

Думается, что решение Президента России и соответствующее поручение МО РФ о разработке долгосрочного прогноза

¹ Концерн ПВО «Алмаз-Антей» подписал соглашение о взаимодействии с Войсками ВКО / Центр военно-политических исследований. 2013. 23 января / <http://eurasian-defence.ru>

имеет огромное значение не только для ВС РФ и всей национальной безопасности, но и для ОПК, который должен получить ясную перспективу для своего развития. Важно, чтобы этот прогноз и вытекающее из него долгосрочное стратегическое планирование не остались очередным «забытым» нормативным документом, а стали директивой для военного строительства.

Военное строительство по самой своей сути требует решений, последствия которых рассчитаны, как минимум, на несколько десятилетий. От появления идеи, формулирования задачи и ТЗ до стадии, когда эта реализованная «в металле» идея будет снята с вооружения, может пройти 30 и даже 50 лет¹. Поэтому ошибка может очень дорого стоить. И не только экономически, но и политически. Так, принятые М. Горбачевым и Б. Ельциным политические решения в конце 1980-х и начале 1990-х годов, катастрофически сказались на всем НЧК России (прежде всего его демографической, научной, технологической и образовательной составляющих), а также возможностях ОПК и ВС страны. Политические ошибки невозможно исправить ни военным, ни конструкторам, ни ученым. Такие ошибки в военно-политической области ставят нацию на грань уничтожения, а их исправление требует значительно больше времени и средств. Так, замечено, что ошибка в госуправлении (развал какого-то института, органа государства, научной школы), совершенная в 2–3 года, требует десятилетий для своего исправления. Это общее правило, с которым столкнулась правящая элита страны во втором десятилетии XXI века, вполне применима к ОПК, в частности, ВКО государства.

¹ Легендарный вертолет Ми-8, например, в разных модификациях существует более 50 лет, и как говорят специалисты, ресурс его модернизации не будет исчерпан еще десятки лет.

Кадровый потенциал ВКО

Ужесточается конкуренция
за ресурсы. Причем ... прежде
всего за человеческие ресурсы,
за интеллект¹

*В. Путин,
Президент России*

... наша страна являет собой уникальный
эмпирический случай, позволяющий глубже
понять феномен модернизации, происходящей
эволюционным путем — без войн и революций²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

¹ Путин В. В.
Послание Президента
Федеральному
Собранию. 2012.
12 декабря / Сайт
Президента России /
[http://президент.рф/
news.17118](http://президент.рф/news.17118)

² Торкунов А. В.
Рецензия на книгу
А. А. Яника «История
современной России:
истоки и уроки
последней россий-
ской модернизации
(1985–1999)» /
<http://mhfsu>

Главная проблема национальной модернизации — люди. Именно в силу непонимания приоритетности этой проблемы можно найти объяснение фактическому провалу модернизационных планов к 2013 году. При том, что условия, как справедливо заметил академик А. Торкунов, — «без войн и революций» — были вполне благоприятные. Эта же главная проблема — качество кадров и качество НЧК — стоит перед ВВКО России и ее потенциальных союзников и партнеров в Евразии. Создание ВВКО, в т.ч. для союзников и партнеров, потребует постановки и решения принципиально новых задач, которые не стояли прежде перед руководством этих стран. Так, решение проблемы обеспечения кадрового потенциала ОПК и, в частности, ВКО предполагает параллельное решение, как минимум, четырех задач:

- во-первых, воссоздание кадрового потенциала обрабатывающей промышленности и ОПК, без которого в принципе невозможно развивать национальную промышленность и НИОКР. В свою очередь ОПК и отрасли ВКО являются частью комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, которые не могут развиваться изолированно от них. С такой же проблемой в свое время столкнулся СССР, когда исследовав «ФАУ-2», вдруг обнаружили, что из более

50 используемых сталей и сплавов советская промышленность в то время производила не более 20.

- во-вторых, воссоздание кадрового потенциала специальных отраслей, связанных с собственно ВКО, который затрагивает сотни производств и КБ. К сожалению, за 30 лет игнорирования потребностей этой отрасли, многие школы исчезли. Иногда вместе со своими наработками, а некоторые деградировали.
- в-третьих, подготовку кадров собственно для войск ВКО как отдельного вида Вооруженных сил, учитывая, что взятые по отдельности специальности в области ПРО, ПВО, ВВС, КО не будут удовлетворять полностью потребностям ВВКО. По некоторым оценкам, в ВВКО ежегодно должны поступать до 3 тыс. специалистов.
- наконец, подготовку кадров Генштаба (который был сокращен при А. Сердюкове на 40%)¹ для профессионального оперативного руководства комплексом наступательных и оборонительных вооружений.

Очевидно, что решение двух первых задач лежит во многом за пределами компетенции командования ВКО и даже МО. Это решение президентского и правительственного уровня, возможность которого зависит от многих обстоятельств. В том числе политических, экономических и финансовых. Надо сказать, что в руководстве страны хорошо понимают значение кадрового потенциала для модернизации обрабатывающей промышленности и развития НЧК. В. Путин в послании в декабре 2012 года специально обратил на это внимание, а в Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года обозначены следующие ориентиры:

- увеличение доли предприятий, осуществляющих их технологические инновации, с 9,4% до 40–50%;
- доли инновационной продукции с 4,9 до 20–25%;
- повышение затрат на НИОКР с 1,3 до 2,5–3% ВВП;

¹ Сафронов И. Минобороны рассчиталось на первого-десятого // Коммерсант. 2013. 30 января. С. 1–2.

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. Утверждена распоряжением ПР от 8 декабря 2011 г. № 2227р. С. 4.

- увеличение доли публикаций, количества цитирований, патентов и т. д.¹

Другими словами, сама техническая и технологическая возможность создания ВКО будет зависеть прежде всего от результатов политики модернизации всей страны. Невозможно воссоздать кадровый потенциал в отдельной отрасли, «автономно» от всей обрабатывающей промышленности. Если судить по масштабу задач, сформулированных в Стратегии, то речь идет фактически не о модернизации, а о создании нового потенциала (включая кадровый) обрабатывающей промышленности. Собственно это подтверждается в отдельном разделе, озаглавленном «Основные задачи Стратегии», где говорится, что «основными задачами Стратегии» являются:

- развитие кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций;
- повышение инновационной активности бизнеса и ускорение появления новых инновационных компаний и т. д.²

² Там же.

Но решению этой общенациональной задачи может способствовать в значительной степени именно воссоздание кадрового потенциала ВКО, который не просто охватывает сотни производств и КБ, но и фактически может стать основой для восстановления кадрового потенциала всего ОПК и обрабатывающей промышленности. Если под ВКО понимать комплекс отраслей — от ракетостроения до элементной базы и ПО, то оказывается, что этот костяк может стать организационно-административной структурой, на базе которой могут фактически в новом качестве восстанавливаться целые отрасли обрабатывающей промышленности. Чему в прежней истории СССР было немало примеров. В том числе в наукоемких отраслях. Так, создание первой в мире сотовой системы связи «Алтай» (существующей до настоящего времени) или интернета в свое время опередило зарубежные аналоги.

Логика такова: невозможно одновременно восстанавливать и создавать заново все обрабатывающие отрасли и даже все отрасли ОПК. Необходимо определить приоритетность. Эта приоритетность определяется самим характером современной ВКО, которая объединяет все отрасли — от космической и авиационной до электроники и общего машиностроения. Причем у этого подхода есть несколько преимуществ.

Во-первых, часть отраслей ВКО уже ориентирована на выпуск гражданской продукции. Таким образом, приоритетное развитие ВКО будет означать и «подтягивание» под самые современные разработки и гражданские отрасли обрабатывающей промышленности.

Во-вторых, значительная часть продукции идет на экспорт, т.е. происходит процесс самоокупаемости НИОКР за счет увеличения серийности образцов.

В-третьих, подготовка кадрового потенциала ведется целенаправленно в рамках единой структуры, обеспечивающей не только подготовку, но и трудоустройство кадров, что в рыночной экономике имеет огромное значение.

В-четвертых, изначально производство ориентировано на создание конкурентоспособной, даже лучшей мировой продукции.

В-пятых, предприятия ВКО изначально ориентированы на опережающее развитие собственных НИОКР, даже в условиях, когда по тем или иным причинам общее развитие НИОКР сдерживается.

Таким образом, можно сделать вывод, что решение общенациональной задачи модернизации и воссоздания обрабатывающей промышленности во многом может быть обеспечено посредством опережающего развития наиболее передовых госкорпораций в области ВКО. Прежде всего тех, которые изначально ориентированы на выпуск конкурентоспособной мировой продукции и концентрируют наиболее перспективные технологии.

Другая сторона проблемы — кадры ВВКО.

Известно, что современным ВВКО России требуется ежегодно не менее 2,5 тыс. человек, направляемых в войска. Ещё больше — в фундаментальную науку, НИОКР, образование, производства. Между тем ситуация ежегодно ухудшается. За исключением некоторых предприятий и организаций кадровый потенциал ВКО и ОПК ухудшается. Игнорирование этой проблемы привело к тому, что естественная убыль последних 25 лет не компенсировалась притоком новых кадров и техники. О трагичности ситуации свидетельствует положение в ВВС, где из 70 учебно-тренировочных самолетов 30 уже неспособны к полетам, а оставшиеся изношены на 90%¹.

¹ Михайлов А.,
Бальбуров Д.
ВВС России остались
без учебных
истребителей // *Известия*. 2013. 30
января. С. 5.

Здесь мы сталкиваемся с серьезной политико-концептуальной проблемой отношения правящей элиты страны к кадровому потенциалу ОПК. Суть ее заключается в том, что во второй половине 1980-х годов правящая элита СССР встала перед проблемой конверсии избыточного военно-промышленного производства, которую можно было решить единственным способом — перепрофилировать часть ОПК для гражданских нужд. Мировой опыт (который был обобщен мною и моими коллегами в 1986–1987 годах в специальных записках в ЦК КПСС) показывал, что для этого нужны три обязательных условия:

- **время** (как минимум несколько лет даже для профильного переоснащения производств);
- **кадры** (переподготовка кадров для гражданских нужд);
- **финансирование** (точнее, ресурсы для переоснащения производств и КБ).

При адекватном подходе М. Горбачева и его команды реализация этого сценария могла бы привести к быстрому росту научно-промышленного потенциала страны без разрушения ОПК. Но был выбран другой путь, точнее, — полное отсутствие всякого пути, который свелся к развалу ОПК и обрабатывающей промышленности. Поэтому сегодня необходимы меры, которые по сути носят экстренный, мобилизационный характер по воссозданию кадрового потенциала обрабатывающей промышленности, ОПК и, соответственно ВКО.

Очевидно, что силами только специальных учебных заведений МО России эту проблему решить нельзя, тем более, что в результате «военной реформы» многие из них были уничтожены, либо сокращены. Так академию ВКО в Твери несколько лет пытались вообще закрыть. По сути дела в военном образовании при А. Сердюкове продолжалась политика М. Горбачева — Б. Ельцина по деградации НЧК. Как справедливо заметил Алексей Володин, «...во время так называемого оптимизационного процесса в военном образовании, а по сути, во время тотального сокращения числа вузов, курсантов, которые в этих вузах учатся, и сотрудников высших военных школ есть риск потерять не просто вузы, готовящие офицерский состав, но и сами традиции отечественного военного образования. Есть риск разрушения базовых принципов военного образования до того момента, когда будут разработаны новые его принципы»¹. Но главное даже не это. Уровень военных кадров и специалистов ОПК определяется в целом уровнем развития НЧК, прежде всего уровнем развития фундаментальной науки, образования, инженерных специальностей, технологий, а в более широком контексте — культурным уровнем всей нации. А это уже не проблемы МО и ГШ, а высшего политического руководства страны, его научной, образовательной и инновационной политики, которые сегодня встречают массовое негативное восприятие у творческой и интеллектуальной элиты страны.

¹ Володин А. Хитросплетения реформы военного образования: Сердюкова нет, что дальше? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 11 января / <http://topwar.ru>

Другими словами, это проблема профессионализма элиты и ее кадрового потенциала.

Другая проблема — профессионализм и кадровая пригодность ВС и ОПК России, — которая, к сожалению, за последние 20–25 лет только усугублялась. Со второй половины 1980-х годов систематически (и, нередко, при ведущей роли государства) уничтожались целые научные школы и направления, которые занимались анализом, прогнозом и стратегическим планированием. Так фактически разрушались целые отрасли военной экономики, НИОКР и фундаментальной науки. В результате ко второму десятиетию XXI века в области НЧК и ОПК мы получили крайне мозаичную и неравномерную картину, когда некоторые компоненты и элементы разрушены и даже полностью уничтожены. Их надо восстанавливать практически с нуля, как говорят, начинать «с центра поля». Некоторые — деградированы до опасной степени, но сохранились и их нужно и можно развивать, а некоторые даже удалось каким-то чудом сохранить. Собственно на этом сомнительном «заделе» развиваются сегодня системы ВКО и СЯС России, которые, соответственно, также носят «мозаичный» и «хаотичный» характер.

Во многом сказанное относится не только к ОПК, но и военной политике в целом, где бесконечные (и далеко не всегда концептуально обоснованные) военные реформы удивительным образом сочетаются с отставанием в развитии военной науки, военного искусства и военного планирования. На практике это вылилось в «экономизацию» и «менеджеризм», которые не имеют не только ничего общего с военной политикой, но и прямо вредят ей. Впрочем, эта ситуация характерна для всей экономики страны. Откровенное игнорирование правящей элитой страны на протяжении десятилетий общественных потребностей привело в итоге не только к утрате инициативы, но и стратегической перспективы, без чего развитие

ОПК в принципе невозможно, тем более долгосрочное, основанное на стратегических оценках. Это стало фактом, признанным руководством страны. Как в 2012 году сказал В. Путин, «...Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться „смотреть за горизонт“, оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьёзная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза»¹.

Но долгосрочный военно-политический прогноз и планирование не могут строиться только на макроэкономическом прогнозе, который лежит сегодня в основе всех долгосрочных прогнозов. Не случайно эти прогнозы (как прогноз социально-экономического развития до 2020 года от 2008 года или такой же прогноз в стратегии 2020) проваливаются, оказываются без практических последствий.

Между тем именно прогноз, планирование, а в целом военно-политические оценки и доктринальные установки определяют не только военную стратегию и в целом будущее военного искусства, но и средства вооруженной борьбы — ВВТ.

Это в целом понимает политическое руководство, которое в последнее время ставит перед МО такую задачу: «Какие вооружения будут необходимы российской армии. Какие технологические требования будут предъявляться к отечественному оборонно-промышленному комплексу. По сути, необходимо создать качественно новую, „умную“ систему военного анализа и стратегического планирования, подготовки готовых „рецептов“ и их оперативной реализации в структурах наших силовых ведомств.

Что же готовит нам „век грядущий“?»²

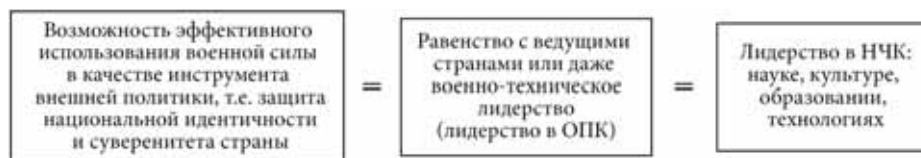
Нужно признать, что ошибки и преступления в военно-политической области, совершенные при М. Горбачеве и Б. Ельцине, привели в том числе к необратимым кадровым послед-

¹ Путин В. В.
Быть сильными:
гарантии
национальной безопасности для России //
Российская газета.
2012. 20 февраля. С. 1.

² Путин В. В.
Быть сильными:
гарантии
национальной безопасности для России //
Российская газета.
2012. 20 февраля. С. 1.

ствиям для ВС и ОПК страны, которые будут сказываться еще долгое время. Даже если допустить, что новое руководство МО и ГШ сможет исправить эти ошибки быстро, на восстановление штабной культуры, научных и образовательных школ потребуются десятилетия. Надо понимать, что цена ошибки стратегических прогнозов и в стратегическом планировании чрезвычайно высока, ибо от них во многом зависят планы военного строительства и развития Вооруженных Сил, вооружений и военной техники. Точно предсказать все невозможно, тем более, что оценки могут меняться быстро, а вносить коррективы в НИОКР и военное производство (которые занимают десятилетия) следует осторожно.

Тем более недопустимы ошибочные радикальные политические оценки военно-политической ситуации в мире, свойственные периоду М. Горбачева и Б. Ельцина, с которых начался развал ВС и ОПК страны. Так, современные системы ПРО и ПВО разрабатывались более 20–25 лет, а потом еще подвержены глубокой модернизации. По сути сегодняшние вооружения будут служить еще десятилетия, а оценки выступают в качестве основы для долгосрочных планов военного строительства вплоть до середины столетия. Фактически это означает необходимость постоянного поддержания и развития не только высокого уровня отечественной науки и НИОКР, но и НЧК всего ОПК, более того, приобретения им лидерских позиций в мире. Отставание сегодня в 10 лет скажется на отставании в будущем уже на десятки лет. Можно говорить даже о тождественности этих понятий. Такое тождество условно можно изобразить следующим образом:

Понятно, что осознание такой тождественности должно происходить в элите и обязательно на высшем политическом уровне, где принимаются решения и делаются основные ошибки. Если, конечно, — профессионально и нравственно — правящая элита на это способна.

Кроме того, как известно, бюрократия воспроизводит саму себя. Собственно плохая элита и бюрократия в СССР и России воспроизводили себе подобных, из чего в итоге и получился нынешний кадровый потенциал ОПК и ВКО.

В последние десятилетия можно назвать, к сожалению, много политических ошибок, из-за которых в итоге пострадала вся нация и безопасность государства. И, конечно, их кадровый потенциал. Многие из них известны, многие еще нет, а значит их осознания до конца не произошло. Можно перечислить те из них, которые имеют прямое отношение к взаимосвязи кадрового потенциала, национального человеческого потенциала, ОПК и способности обеспечить стратегическую оборону. При этом многие ошибки граничат с преступлением, а некоторые — сохраняются и сегодня, но все они имели катастрофические последствия для кадрового потенциала страны:

Ошибка № 1. Переоценка падения фактора военной силы во внешней политике государств, «демилитаризация» внешней политики. Это выразилось в развале ОВД, односторонних уступках в Европе, нарушающих все прежние международные договоренности, ликвидации целых классов оружия, нападках на армию и силовые структуры, бесконечные реформы МО, СВР, ФСБ, других служб и т.д. Это — политические ошибки и преступления, которые привели в итоге к формированию крайне низкого по профессиональным и нравственным характеристикам кадрового потенциала МО, ОПК и, естественно, ВКО. Примеров — не счесть, но все они являются лишь частным подтверждением этой устойчивой тенденции.

Ошибка № 2. Ликвидация научных основ прогнозирования, планирования и мониторинга международной ситуации как в системе МО, СВР, так и институтах РАН, «вышибание» мозгов из фундаментальной науки под предлогом ее экономизации и коммерциализации. Сворачивание фундаментальных исследований под псевдопредлогом необходимости их избавления от государственного финансирования, а в целом фактической ликвидации социогуманитарных отечественных исследований.

Ошибка № 3. Уничтожение отраслевой и прикладной науки, отечественных НИОКР под предлогом «более эффективной» политики внешних технологических заимствований, преувеличения роли заимствованных технологий в модернизации страны. Фактически было уничтожено как среднее, так и начальное профессиональное образование, что привело к тому, что во втором десятилетии XXI века в российской обрабатывающей промышленности почти не осталось профессиональных техников и рабочих. Для отечественного ОПК эта проблема превратилась в трагедию: нужны годы и средства, чтобы исправить эту ошибку.

Ошибка № 4. Игнорирование приоритетов развития НЧК на всем протяжении последних десятилетий, что проявляется не только в демографии, образовании, но и науке, культуре, искусстве. В ВВКО и ОПК в целом могут работать только такие кадры, которые изначально обладают высоким качеством человеческого капитала, включая его культурную и научную составляющую. Причем численность ОПК (порядка двух млн профессионалов) должна определяться во многом не только потребностями ВС и ОПК, но и базовым слоем образованных, культурных и креативных личностей, который для этого должен превышать потребности в 10–15 раз.

Зависимость уровня подготовки кадров ОПК от НЧК далеко не всегда принимается во внимание. В советские време-

на она даже иногда искусственно ограничивалась, что в итоге привело к изолированности ВПК от гражданской науки и в целом развития НЧК. Что не могло в конечном счете не сказаться на эффективности самого ОПК. Но эта ошибка была «исправлена» при М. Горбачеве и Б. Ельцине тем, что кадровый уровень ОПК России был доведен до общероссийского уровня в обрабатывающих отраслях, т.е. понижен в несколько раз. Если сегодня можно говорить о том, что уровень обрабатывающей промышленности РФ вряд ли превышает 30% от уровня РСФСР 1990 года, то кадровый потенциал (который в оборонке был существенно выше) ОПК сегодня в целом упал в 9–12 раз.

В свою очередь НЧК определяется многими, в т.ч. невоенными факторами, вес которых разными авторами оценивается по-разному. Невоенные факторы развития НЧК в любом случае неизбежно сказываются на потенциале ОПК, но далеко не всегда это осознается и признается. Так, исследователь этой проблемы Ю. Корчагин, например, описывает эту ситуацию следующим образом¹.

¹ Корчагин Ю.А.
Человеческий капитал
в вопросах и ответах /
[http://www.lerc.ru/
articles/0003/0020](http://www.lerc.ru/articles/0003/0020)

Как видно из рисунка, развитие НЧК зависит во многом от уровня и темпов развития множества факторов, в том числе неэкономических, что полностью подтверждается современными реалиями. А они таковы: на Россию, например, приходится 2% мирового финансирования науки, а ее доля в ВВП страны вырастет до 1,8% только к 2015 году¹. При этом главной проблемой российского ОПК по-прежнему остаются кадры, т.е. НЧК.

Причин множество, но большинство из них общероссийские. Так, молодые ученые и аспиранты изначально поставлены в невыносимые материальные условия, которые ведут к вымыванию из науки целых поколений исследователей. То же самое происходит и среди техников и рабочих. Ситуация в кадрах медленно исправляется.

К сожалению, ситуация в обрабатывающей промышленности России в целом и сегодня характеризуется стагнацией. И это во многом предопределяет уровень развития российского ОПК, который уже не может, как в советские времена, развиваться изолированно от отраслей обрабатывающей промышленности.

В самых передовых областях ОПК это особенно заметно. Хорошо видна эта зависимость, на примерах, неудач Роскосмоса. Космонавт Г. Гречко следующим образом описал ситуацию в космической отрасли, которая характеризуется, коротко говоря, провальной политикой в развитии НЧК: «Началось это все с приватизации. Как только наши предприятия превратили в акционерные общества, их руководителей стало больше интересоваться, как бы выкачать побольше денег, а не то, как бы лучше делать космические продукты. И они очень быстро уволили самых опытных пожилых специалистов. И проектировщиков, и инженеров, и техников, и рабочих. Потом набрали молодых, неопытных. Прошло столько лет, подготовки рабочих нет по-прежнему. Я нарисую самую лучшую в мире раке-

¹ Наумов И.
Отечественную науку
поднимут грантами // *Независимая газета*.
2012. 30 октября. С. 4.

ту — а кто будет точить, кто будет творить, кто будет работать на станках? Их же теперь не готовят...»¹

По сути дела эта убийственная и точная характеристика развала НЧК в отдельной, космической отрасли, относится ко всему НЧК ОПК. И ВКО не может являться исключением. Восстановление НЧК ВКО, как и НЧК ОПК, необходимо начинать с восстановления всех факторов и институтов развития НЧК ВКО — от ПТУ, где готовят профессиональных рабочих, до КБ и фундаментальной науки. Только восстановлением отдельных звеньев кадров, отвечающих за оборонные НИОКР, не ограничиться.

Необходимо восстановить всю технологическую цепочку — от верхнего военно-политического эшелона, принимающего грамотные стратегические решения, и фундаментальной науки, до технологий, организации производства и профессиональных училищ. Невозможно создать передовую ВКО, если в высшем военно-политическом руководстве на уровне президента, председателя правительства, министра обороны и начальника Генштаба не сформулирована четкая военная доктрина, стратегия национальной безопасности страны и Концепция ВКО, которые задают рамки, условия и импульс для высшего звена военно-политического управления.

Невозможно также развивать все необходимые направления фундаментальной науки и НИОКР, готовить всех специалистов и развивать все технологии, как это было в СССР. К сожалению, придется выбирать наиболее приоритетные и на них концентрировать основные ресурсы. Прежде всего кадровые. От высшего политического и военного уровня до исполнителей на самом низком уровне. Требуется кадровая мобилизация для наиболее приоритетных направлений. Прежде всего ВКО. Прав, безусловно, космонавт А. Леонов, когда говорил, что «...Фактически сейчас все повторяется:

¹ Гречко Г.
«Что с Роскосмосом
ни делайте — никакого
улучшения не будет».
26 октября 2012 г. /
[http://ru-universe.
livejournal.com/](http://ru-universe.livejournal.com/)

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

опыт старшего поколения потерян, и молодым приходится учиться на своих ошибках, и у них тоже ракеты не летят или летят не туда. Но Роскосмос сейчас не может наладить подготовку специалистов, рабочих, инженеров, техников, и поэтому, когда Медведев поручает Роскосмосу восстановить все то, что годами разрушалось, никому, кроме как самому себе, он это поручить не может. Если этим займутся Медведев или Путин, то шансы есть, а если будут поручать Роскосмосу, то нет»¹.

¹ Кунле М.
«Что с Роскосмосом
ни делайте — никакого
улучшения не будет» //
Известия. 2012.
25 октября. С. 9.

Основные проблемы развития НЧК ВКО

... осовременивание модели
национальной идентичности
в нашей стране совпало с поиском модели
национальной модернизации...¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

... ливановский подход
к реформированию народного
просвещения ... не более, чем логическое
продолжение общей идеологии рыночных
реформ...²

*А. Чадаев,
политолог*

Основные проблемы НЧК ВКО во многом, как уже говорилось, являются производными от более общих национальных проблем развития человеческого капитала и национальной модернизации. Отсюда вытекает и возможность, способность и вероятность их решения, зависящая прежде всего от решения общенациональных проблем. Эта зависимость — решающая. Силами МО, Генштаба, ВВКО и ОПК ее не решить. Она хорошо видна на примере формирования Военной доктрины страны, которая является продуктом размышлений, оценок и деятельности всей правящей элиты, а отнюдь не только той ее части, которая принадлежит к Вооруженным Силам страны. Соответственно и Концепция ВКО, как производная от Военной доктрины, становится продуктом деятельности всей правящей элиты.

Основные проблемы НЧК ВКО, таким образом, вытекают из нерешенности концептуальных национальных проблем, того «доктринального вакуума», который образовался в конце 1980-х годов, и до конца не преодолен сегодня. Действительно, прежде чем отвечать, какой НЧК ВКО нам нужен и какие в связи с этим стоят проблемы, необходимо ответить на следующие вопросы,

¹ Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

² Чадаев А. Ярлык на реформы // Известия. 2013. 30 января. С. 9.

в зависимости от ответов на которые можно будет решать проблему НЧК ВКО:

- ВКО охватывает всю территорию страны и территории стран союзников, либо отдельные районы страны?
- ВКО обеспечивает безопасность союзников, либо интегрируются системы ПВО СНГ?
- ВКО объединяет все системы ВВТ ПРО, ПВО, КО и т.д., либо только их часть. Если часть, то какую?
- ВКО с пространственной точки зрения отвечает за все высоты от двух м до 300 км, либо только за часть этих высот. Если за часть, то за какую?
- система управления ВКО интегрирована с точки зрения управления с системой управления СЯС?
- Какие задачи в связи с этим стоят перед ОПК?
- и т.д., и т.п.

Вероятно, что ответы на эти вопросы, как и процесс дальнейшего реформирования ВКО будут решаться постепенно, хотя, как известно, не имея четко сформулированной цели, трудно выбрать оптимальный путь движения. Вот почему представляется, что ответы на доктринальные, общенациональные вопросы должны быть получены в максимально короткие сроки. От них в конечном счете зависит осознанность и эффективность движения.

Проблема первая. Опережающее развитие фундаментальной науки, НИОКР, культуры и образовании. Совершенно необходимо отказаться от неверной концепции модернизации, основанной на заимствовании внешних технологий и признать банальную истину, которая стала бесспорной еще с начала 1990-х годов, когда ООН признала в качестве ведущего фактора развития человеческий капитал.

В условиях России этот приоритет дополняется национальной спецификой — геополитическими реалиями Евразии, территорией, запасами природных ресурсов, историей, духовным

и культурным наследием нации. Эти факторы стали уже решающими. Их надо не игнорировать, а максимально использовать в качестве конкурентных преимуществ. И прежде всего образование, культуру и науку, которые в XXI веке будут определять уровень национального технологического развития и безопасности.

В последние десятилетия предпринимаются усилия для исправления ситуации в научной области. Так, по оценке В. Путина с 2002 по 2012 год финансирование науки выросло с 31 млрд рублей до 328 млрд, т.е. более, чем в 10 раз, однако «провальные» 1990-е годы и растущие темпы развития науки в ведущих странах требуют еще больших усилий¹. Сравнивать необходимые для науки инвестиции с уровнем 2002 года уже, наверное, неверно. Тем более, что это финансирование не привело к прекращению оттока научных кадров: Россия единственная страна из числа развитых государств, в которой эта численность сокращалась, а не увеличивалась. Эта тенденция свидетельствует о том, что общие условия опережающего развития (в том числе в военно-технической области) еще не созданы.

Проблема вторая. Опережающее развитие обрабатывающих отраслей и внедрение новых технологий.

Разговоры об изменении структуры экономики страны в пользу обрабатывающих отраслей ведутся уже несколько лет, но остаются пока что только разговорами. Ни серьезные политические действия, ни экономические, ни финансовые шаги

¹ Александров И. 328 миллиардов на науку // Российская газета. 2012. 1 ноября. С. 3.

Евразийская воздушно-космическая оборона

в реальности не предприняты, хотя, надо признать, на уровне деклараций приоритеты обозначены вполне конкретно. Даже на уровне федеральных, отраслевых и региональных долгосрочных концепций. Другое дело, что очевидно отсутствие практического результата. Давно уже пора сконцентрироваться на реализации этих планов и на создании эффективных механизмов как в финансово-кредитной политике, так и на изменении реальных экономических пропорций в пользу наукоемких отраслей.

Текущее состояние отраслей промышленности

Отрасли	Состояние	Сложность продукции
Промышленность в целом	стагнация	
Обрабатывающая	стагнация	
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды	падение	
Добывающая	сильный рост	
Пищевые продукты	стагнация	Сырье и относительно простая продукция на его основе
Текстиль	слабый рост	
Кожа, обувь	стагнация	
Древесина	падение	
Целлюлозно-бумажная продукция, издания	падение	
Кокс, нефтепродукты	слабый рост	
Химия	стагнация	
Резиновые и пластмассовые изделия	сильный рост	
Прочие неметаллические минер. продукты	сильный рост	
Металлургическая продукция	слабый рост	
Машины и оборудование	сильное падение	Высокотехнологичная продукция
Электрооборудование	стагнация	
Транспортные средства	падение	
Прочая продукция	слабый рост	

Источник: Центр развития ВШЭ

По большому счету, как уже говорилось, развитие ВКО является производным от возможностей всего ОПК и обрабатывающих, прежде всего высокотехнологических отраслей промышленности, развитие которых, в свою очередь, предопределяется уровнем и темпами развития НЧК. «Вырвать» ОПК из этой взаимосвязи невозможно. Тем более невозможно успешно развивать отдельные отрасли, в т.ч. создающие ВВТ для ВКО. Сегодня же ситуация такова, что темпы развития в стране характеризуются стагнацией, что, естественно, отражается на всех наукоемких отраслях промышленности¹. Что хорошо видно из оценок 2012 г.

Проблема третья: эффективность элиты и принимаемых военно-политических решений.

В области военной политики, стратегии и военного строительства, как, может быть, нигде ещё, огромное значение имеет качество принимаемых решений. Трудность в том, что требуются специальные знания «на стыке» политики, международных отношений, экономики, военного искусства и военной техники. Причем недооценка какого-то одного фактора, например, перспектив развития НИОКР в области космоса или неядерного высокоточного оружия или способов его использования отражается на качестве всей внешней политики, дипломатии (что было очень характерно для М. Горбачева, Э. Шеварднадзе, Б. Ельцина, А. Козырева и многих других).

Для принятия качественных военно-политических решений нужен очень высокий экспертный потенциал, способный к стратегическому прогнозу, планированию и оценке текущих действий. Причем этот потенциал не может концентрироваться только в одном ведомстве, будь то ГРУ Генштаба, СВР, Академия наук, ВПК, либо администрация или аппарат правительства. Нужен единый орган, куда входили бы и представители и министерств, и науки, и промышленности. Его

¹ Куликов С.
Экономика России
катится к стагнации // *Независимая газета*.
2012. 1 ноября. С. 4.

рекомендации должны быть решающими аргументами как для ведения переговоров, так и для военного строительства.

Проблема четвертая: качество НЧК и возможности его реализации в экономике, обществе и, в частности, в ОПК, определяются во многом наличием и эффективностью институтов развития НЧК.

Развитие НЧК и его институтов, в свою очередь, определяется множеством невоенных факторов, включая, например, такие, как «подготовка элиты» и «развитие институтов гражданского общества», «воспитание», «образование», «культура» и «искусство».

Речь идет о совершенствовании существующих, создании и развитии новых институтов НЧК — от РАН до ведомственных институтов, инженерных обществ, патриотических организаций, союзов и пр. К сожалению, когда говорят сегодня о развитии таких институтов, дискуссия и принимаемые решения сводятся только к политическим институтам и некоммерческим организациям (нередко группам по защите прав человека). На деле же ситуация иная: необходимо сознательно развивать и создавать такие институты, которые могут в свою очередь создавать, развивать и реализовывать НЧК. В том числе в ОПК и в ВКО. Пока что на протяжении десятков лет мы наблюдаем обратное: эти институты уничтожаются, деградируют, а новые создаются крайне редко (Российское историческое и географическое общество, ряд других примеров, — не является еще тенденцией).

Между тем главное сегодня — это стимулировать творческий потенциал нации, максимально полно его реализовать. Для этого нужны общественные организации, СМИ, фонды, финансовые и общественно-политические инструменты.

Мы очевидно отстаем в этой области от развитых стран, где «креативный класс» производит уже основную часть прироста ВВП и является главной движущей силой развития науки,

культуры, технологий. У нас эти социальные группы рассматриваются в лучшем случае как «болото», а в худшем — как потенциал для «Болотной площади».

В этой связи обращает на себя внимание растущая заинтересованность США в подконтрольном развитии процесса создания и развития таких институтов в России и странах Центральной Азии, где выделяются сотни миллионов долларов на поддержку американских стратегических приоритетов. Как отметил помощник Государственного секретаря США Р.О. Блейк-младший, выступая в Комитете по иностранным делам Конгресса в июле 2012 года, только в Киргизии во время выборов 2010 и 2011 годов была профинансирована подготовка более 50 000 членов избирательных комиссий. В Казахстане за последние годы было вложено более 16 млрд долл. инвестиций из США, а в Узбекистане — возобновлены поставки вооружений и военной техники¹. Очень показателен пример создания и финансирования МО США специального сайта «Центральная Азия» в объеме 4 млн долл. ежегодно.

Нередко развитие институтов социального потенциала имеет приоритетное значение, которое искажается современными политиками и исследователями. Суть проблемы заключается в том, что НЧК может быть эффективно использован только через его социальные институты, которые являются инструментами реализации НЧК².

В России, как известно, попытки внешнего влияния на политическую элиту встречают негативную реакцию. Тем не менее, например, в России существует организация, которая называется Московская школа политических исследований — МШПИ. С 1992 года она занимается «гражданским просвещением региональных лидеров». Согласно отчету за 2009 год, на тот момент было проведено 1600 семинаров, в которых приняли участие более 8000 человек. Свыше 70 выпускников стали членами российского парламента, более 200 воспитанников

¹ Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии / Эл. ресурс «Новости Ферганы». 2012. 27 июля / <http://www.fergananews.com/article>

² См. подробнее: Подберезкин А.И. Социальные институты реализации НЧК / Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011. Т. 3. Кн. 2.

школы были избраны в региональные, городские и районные органы власти. В списке влиятельных выпускников школы фигурируют, помимо Владимира Рыжкова, несколько заместителей министров правительства страны, несколько десятков губернаторов, вице-губернаторов, мэров городов и глав региональных законодательных собраний.

Сам Джордж Сорос «впечатлен непрерывными усилиями школы по продвижению основ демократии», — с гордостью сообщает на сайте организации¹.

Надо отчетливо понимать, что роль таких институтов стремительно растет, а их влияние становится решающим. В том числе и на военную политику России. Если в обществе под влиянием чужих институтов сложится ошибочная система ценностей и представлений о национальных интересах (как это было в 80-е и 90-е годы XX века), то никакие достижения ОПК и ВКО не помогут. Да их и не будет. Вновь, сначала на общественном, а затем на политическом уровне возобладают ложные идеи и концепции, которые не просто девальвируют все усилия, но и приведут к очередному витку деградации.

¹ Чайковский А.
НАТО уже
в Ульяновске? /
В кн.: НАТО: мифы
и реальность. Уроки
для России и мира.
М.: ИНВИССИН, 2012.
С. 123.

ЕвразВКО и «мягкая сила»

... нам следует отстаивать такой путь обновления страны, который основывается на преемственности российских исторических традиций и ценностей при одновременном их сочетании с основополагающими демократическими нормами и принципами¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

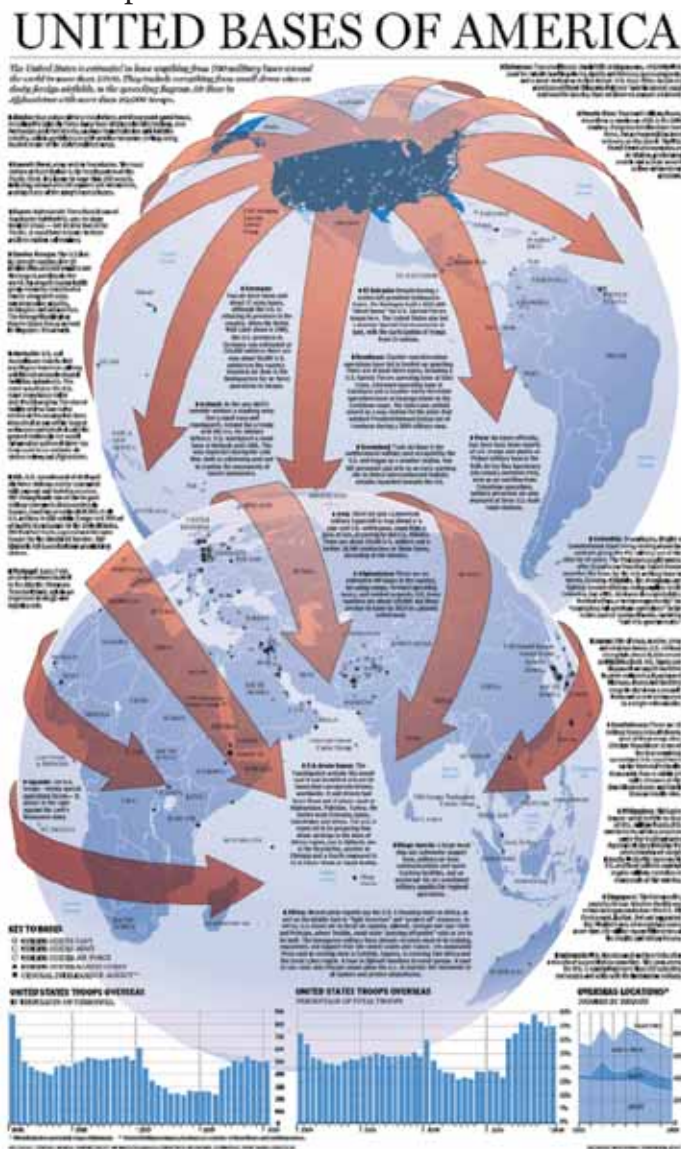
Существует прямая взаимосвязь между идеей создания евразийской ВКО и практикой США использования «мягкой силы» для продвижения своей системы ценностей и национальных интересов в Евразии. Эта взаимосвязь вытекает из очевидного факта: чем больше государству удалось сохранить своего суверенитета и защитить себя от военно-политического давления, тем труднее использовать против него «мягкую силу». Иными словами «мягкая сила» стала продолжением «жесткой силы», которые используются вместе, а не одна вместо другой.

В последние годы очевиден рост влияния факторов «мягкой силы» (soft power) во внешней и внутренней политике государств. «Арабская весна» (а до этого — Ирак, Афганистан и Югославия) — пример того, как инструменты «мягкой силы»

¹ Торкунов А.В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

действуют в мире. Сирия, где «мягкая сила» постепенно дополняется элементами «жесткой силы» (hard power), — другой пример. Уже немало примеров комбинированного использования в политике как «мягкой», так и «жесткой» силы, эскалации от первой ко второй.

Нельзя забывать о том, что эффективность «мягкой силы» обеспечивается военно-политическими возможностями использования «жесткой силы» в прямой (военной) или косвенной (политической) форме. Более того, можно утверждать, что никакой эффективной «мягкой силы» не было бы вообще, если бы она не была подкреплена политическими, дипломатическими и военными возможностями государства (речь не идет, конечно, о большинстве государств, для которых нормальное информационно-культурное влияние не превращается в культурно-информационно-силовое).

Взаимосвязь между «мягкой силой» и другими силовыми инструментами внешней политики очень тесная, но далеко не всегда очевидная. Так, принятие конгрессом США «закона Магнитского» было своего рода не только ответом США на активизацию внешней политики России (прежде всего в Сирии), но и мобилизацией общественного мнения страны для новых военно-экономических программ, в т.ч. в области СЯС и ПРО, требующих поддержки общественности, а также жестом в поддержку формирования российской оппозиции, которая «случайно» выступает против увеличения оборонных расходов вообще и на ВКО, в частности¹.

О масштабах этого влияния свидетельствует тот факт, что после принятия соответствующего закона об «иностранных агентах» НКО МЭР оценил их потери, в результате прекращения иностранного финансирования только в 2013 году в 19 млрд рублей. (На российские НКО Правительство России в этом же году планирует выделить только три млрд рублей)². Подчеркну, что эта оценка достаточно скромная, не учитывающая многие каналы финансирования, в частности, региональных НКО.

Примечательно и то, что для контроля за аналогичными действиями зарубежных правительств в Министерстве финансов США создано специальное управление, которое жестко следит даже за чисто коммерческими операциями иностранных агентов.

¹ Крашенинникова В. Двойной удар по России // Российская газета. 2012. 11 декабря. С. 8.

² Шепелин И., Черных А., Рождественская Я. Американские НКО перешли в отступление // Коммерсант. 2013. 30 января. С. 1, 4.

В этом контексте отчетливо видны следы информационно-психологической войны против России с сильным привкусом русофобии, которую нередко «не замечают» отечественные либералы. Это позволяет им, например, легко возвращаться к излюбленной теме «милитаризации России, проводимой режимом В. Путина». Еще более неприятно, отмечает В. Юртаев, что многие талантливые соотечественники добровольно становятся проводниками русофобии на своей же Родине¹, противопоставляют творческую часть нации (ее НЧК) в качестве оппозиционного «креативного класса» — «консервативной». Это удивительно напоминает конец 1980-х, когда, разваливая КПСС, развалили СССР, а заодно и ОПК. Совпадение этих тенденций очевидно.

Сказанное имеет прямое отношение к ВКО, ибо создание сильных позиций (а тем более превосходства) дает возможность эффективного использования «мягкой силы», а когда этого становится недостаточно, то и политического шантажа и, наконец, прямого применения военной силы. Логическая цепочка такова: использование «мягкой силы» предпочтительно, но, когда этого недостаточно, наступает очередь шантажа (который тем эффективнее, чем эффективнее военная сила) и, наконец, — военной силы. Последняя форма влияния — «жесткая сила» (hard power) — сегодня во многом превратилась в применение высокоточных воздушно-космических средств ведения военных действий. Пример — проведенная Израилем военная операция «Облачный столб» и «Железный купол» в ноябре 2012 года — характерен как пример сценария возможной будущей войны, где основные средства нападения и защиты — высокоточные неядерные вооружения и средства защиты от них.

Влияние этих, казалось бы, косвенных факторов институтов НЧК на ОПК нельзя недооценивать. Именно они формируют политический контекст развития ОПК, формулируют

¹ Юртаев В.
Об уникальной
живучести русофобии /
Эл. ресурс «Военное
обозрение». 2013.
23 января /
<http://topwar.ru>

степень и характер внешней угрозы и варианты ее нейтрализации. Так, во многом именно благодаря сознательному воздействию «рыночной идеологии» на протяжении многих лет разваливалась фундаментальная наука и образование страны. Особенно разрушительной такая политика оказалась для гуманитарной области, в которой формируются идеи, образы, концепты и представления. Как признают ведущие российские ученые и специалисты в области образования, «из сферы общественного сознания постепенно, но последовательно вытесняется представление о культуuroобразующей роли гуманитарного знания»¹. Не случайно, например, что в 2012 году на гуманитарные науки было выделено только 10% всех грантовых средств Минобразования страны.

Такое отношение, естественно, не могло не сказаться на общем уровне гуманитарных знаний, включая военную науку и связанные с ней дисциплины. По сути дела была разрушена система подготовки и обоснования военно-политических решений, что, конечно, не могло не отразиться на их качестве. Не только институты РАН и МО, но и государственные университеты свернули подготовку кадров и исследования по этой тематике. Соответственно и уровень дискуссий в СМИ упал до предельно низкой отметки, когда «экспертами» стали выступать лица, не готовые и не компетентные в военно-политической проблематике.

Между тем информационные возможности воздействия на аудиторию у США и их союзников постоянно возрастали. В особенности с появлением и распространением электронных СМИ и интернета. Сегодня около 44% всех интернет-пользователей мира приходится на Азию, в Европе проживали порядка 23% пользователей, в США — 13%, а каждый десятый интернет-пользователь был жителем Латинской Америки. Сегодня в мире насчитывается свыше четырех миллиардов цифровых телекоммуникационных устройств, к которым подключено

¹ Савицкая Н.
Роковая ошибка
министерства // Независимая газета.
2012. 4 декабря. С. 8.

более 1,6 млрд пользователей. В этих условиях с интернетом объективно связывается, с одной стороны, формирование и диверсификация многих социальных процессов. С другой стороны, особую актуальность приобретает собственно регулирование отношений в области интернета, против чего категорически выступают США¹.

¹ Касенова М. Глобальное управление интернетом в контексте современного международного права. / Индекс безопасности. 2013, № 1 (104). Т. 19. С. 43.

Как следствие, общественное мнение в России оказалось чрезвычайно уязвимым не только для дезинформации и прямого обмана, но и — в итоге — для принятия военно-политических решений. Тезисы о России, как «Верхней Вольте с ракетами», «Континентальной державе, которой не нужен ВМФ», готовности «допустить расширение НАТО до Москвы» и т. д. не просто прочно вошли в обиход СМИ, но и часто звучали с трибун Госдумы, Совета Федерации, правительства. Подобные непрофессиональные, идеологически ангажированные выступления политиков и экспертов продолжаются и сегодня. В них достаточно отчетливо видна стратегия, которая привела в свое время к деградации НЧК и развалу ОПК. Здесь справедливо звучат слова известного французского эксперта, генерала в отставке Ж.-Б. Пинателя: «Опытные политологи, которые основываются в своих размышлениях исключительно на фактах, избавляясь от идеологических установок и предвзятого отношения, могут предвидеть значительные изменения в системе международных отношений еще задолго до того, как они проявятся на деле»².

² Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 21.

И наоборот. Идеологизированные либеральные политологи формировали (и, к сожалению, продолжают формировать) общественное мнение в России сознательно, не основываясь на фактах. Влияние этого мнения сказалось и на высшем

политическом руководстве страны, которое многие годы проводило разрушительную и антинациональную внешнюю и военную политику, издержки и влияние которой ощущаются и сегодня.

Есть и прямое политическое влияние, в том числе и на развитие целых видов и систем оружия. Так, «ассиметричная» концепция ответа на американскую стратегическую оборонную инициативу (СОИ) в 80-е годы XX века привела в конечном счете к свертыванию ряда направлений работ по ПРО СССР–России. Внешняя политика М. Горбачева привела к отказу от взаимосвязи СНВ и ПРО, ликвидации целых классов и систем оружия. И, наоборот, отказ США в 2002 году от Договора по ПРО от 1972 года привел к активизации американских НИОКР по ПРО и ПВО.

Таким образом, США активно внедряются не только в российскую элиту, но и в Центральную Азию и вкладывают крупные ресурсы, создавая по сути дела с помощью «мягкой силы» для себя благоприятную внешнеполитическую и внутривнутриполитическую обстановку. При этом, участвуя и направляя развитие НЧК этих государств и его институтов, важно понимать, что эти инвестиции и усилия будут защищаться, в т.ч. с помощью военной силы. Прежде всего, как показали последние десятилетия, с помощью высокоточного оружия — КР, ЛА, средств РЭБ и других новейших технологий.

Понятно, что уже сегодня эти усилия направлены на сокращение политического, экономического и гуманитарного влияния России на государства Центральной Азии, о чем свидетельствует, например, выход Узбекистана из ОДКБ летом 2012 года, но, главное, поддержка продолжающейся ставки национальных элит на «разновекторность» внешней политики.

Таким образом, развитие ОПК и ВКО невозможно выделить из общей тенденции развития НЧК и его институтов, а также взаимосвязанности этих процессов на евразийском

Евразийская воздушно-космическая оборона

пространстве. Влияние на развитие НЧК отдельных государств, безусловно, сказывается на их ОПК и военно-техническом сотрудничестве. В послевоенные годы, например, когда усилия СССР были сконцентрированы на реализации двух суперпроектов — носителях ядерных боезарядов (С.П. Королев) и ядерных боеприпасах (И.С. Курчатов), — казалось возможным вычленив ОПК из всего потенциала НЧК, но сегодня такая автономность ОПК уже невозможна — слишком сильно воздействие НЧК, определяемое в том числе и сугубо «гражданскими» факторами. Тем более, если речь идет об интеграционных — политических и военных — процессах и военно-техническом сотрудничестве. Это же означает, что успешное развитие ВТС, в частности, в области ВКО, возможно только при наличии программ развития НЧК и его институтов евразийских государств в особенности в области гуманитарного сотрудничества.

ВТС как инструмент развития ЕвразВКО

Изменения, которые происходят в мире, беспрецедентны по своим масштабам и приведут к новой расстановке сил¹

*С. Лавров,
министр иностранных дел РФ*

ВТС или «торговля оружием» всегда было преимущественно внешнеполитическим, а не экономическим инструментом политики. Экономическая выгода, в т. ч. компенсация серийных продаж в интересах долгосрочных НИОКР, — приоритеты, подчиненные интересам внешней политики и вытекающие из внешнеполитической стратегии. Применительно к евразийской интеграции это означает, что цели интеграции должны предопределять условия ВТС, а не наоборот.

ВТС между странами, как известно, предполагает не только куплю–продажу ВВТ, но и сервисное обслуживание, подготовку кадров и наличие высокого уровня политического доверия между странами. Все эти области НЧК, где пока что Россия находится более в выгодном, чем США, Китай и другие страны положении, в силу исторических и культурных связей, языка и истории ВТС в последнее столетие в Евразии.

Этот аспект ВТС нельзя недооценивать при создании евразийской ВКО потому, что по сути он является одной из эффективных форм «мягкой силы» России на всем континенте. Причем не только по отношению к государствам-членам СНГ и ОДКБ, но и другим странам.

Отдельная тема — возможность сотрудничества по проблеме евразийской ВКО в Евразии и АТР, где, с одной стороны, приходится говорить о слабости, даже утере позиций России,

¹ Лавров С. В.
Пресс-конференция,
посвященная итогам
2012 года.
Цит. по: Эл. ресурс
«Военное обозрение».
2013. 23 января /
<http://topwar.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

а, с другой — о появившихся новых потенциальных возможностях.

Редко говорят о том, что в основе многих глобальных процессов, например, региональной интеграции, лежат военно-политические представления правящих элит о необходимой системе безопасности. Успех европейской интеграции, например, объясняется не только и не столько экономической выгодой, сколько соображениями европейских государств о необходимости создания системы обеспечения европейской безопасности.

Понятно, что в век высокоточного оружия и систем ВКО безопасность обеспечивается прежде всего наличием этих средств. Но важно понимать и то, что еще эффективнее, когда эти системы создаются в рамках какой-то военно-политической коалиции. Что сегодня — приходится признать — является безусловным приоритетом США и их союзников по НАТО в Евразии и АТР.

Дивизон С-400 под Москвой

Когда государства не могут (как Китай, Индия) самостоятельно создавать современные средства воздушно-космического нападения и защиты, то они вынуждены его покупать. Это относится к большинству государств, которые поставлены перед выбором приобретения таких средств у ограниченного числа государств — США, России, Франции, Германии, Израиля. Причем в комплексе средств ПРО–ПВО такие услуги могут обеспечить сегодня только США и Россия. Даже быстрое развитие Китая, Кореи и Японии пока что не позволяет отнести их к числу государств–лидеров в этой области.

Между тем идут не только процессы региональной регионализации, но и обостряются региональные конфликты, численность и интенсивность которых уже превышает показатели XX века. В особенности, если речь идет о Северо-Восточной Азии и Китае, где наблюдается процесс обострения военно-политической ситуации. Именно поэтому значение ВТО и ВКО на континенте стремительно возрастает, что видно из структуры торговли оружием. Изучение взаимосвязи военно-политической ситуации на континенте, ее влияние на потенциал ВТС имеет огромное значение.

Существует несколько тенденций, которые ведут к нарастанию военно-политического противоборства в Евразии. Эксперты по-разному их оценивают, не отрицая, однако, их общей направленности. Так, ряд экспертов СВОП отмечали в декабре 2012 года: «...Это и общий курс на ренационализацию международных отношений, дестабилизация огромных регионов мира, в первую очередь «расширенного Ближнего Востока», обострение борьбы за ресурсы и территории, углубление вакуума безопасности от Ближнего и Среднего Востока до Восточной Азии. Усугубление соперничества в этих регионах, вероятно, приведет к росту там конфликтности. Большая война или серия войн на Ближнем Востоке более чем возможны. Медленно, но верно милитаризирует-

ся соревнование между двумя ведущими державами мира — США и КНР. Слабость Северной Кореи, которая рассматривает ядерное оружие в качестве единственного средства самозащиты, повышает опасность конфликта вокруг нее. Во все более сложной ситуации Япония, где по вполне понятным причинам все громче звучат голоса сторонников обретения ядерного статуса.

Наконец, опровергается и тезис о том, что с помощью применения вооруженных сил невозможно добиться политических целей. Хотя кампании в Ираке и Афганистане закончились фактическими поражениями инициаторов вторжений, в Югославии и Ливии Запад добился желаемого. В этой связи возникает справедливый вопрос о том, какие действительные цели преследовали США в Ираке и Афганистане и почему они в целом удовлетворены результатами? Ответ на этот вопрос может быть только один — стратегия дестабилизации не предполагает достижения традиционных целей — стабилизации на новом уровне.

В наибольшей степени на ренессанс военной силы работает общая дестабилизация международных отношений, прогрессирующее ослабление институтов международного, надгосударственного управления, эрозия международного права, постановка под вопрос принципа суверенитета и территориальной целостности»¹.

В этой связи обращает на себя внимание мысль известного французского эксперта, Жана-Бернара Пинателя, чье авторитетное мнение, безусловно заслуживает внимания: «...позиция Вашингтона в отношении России объясняется стратегическими представлениями американцев, основанными на геополитической теории. Как рассуждали создатели этого учения, поддержание напряженности с Москвой делает невозможным создание стратегического альянса между Европой и Россией. Подобная связка поставила бы под угрозу игру в „противника-

¹ Россия в мире силы XXI века — силы денег, оружия, идей, образов / Тезисы к конференции СВОП. 1–2 декабря 2012 г. С. 5.

партнёра“ с Китаем, став сама стратегическим игроком, обладающим равной, а то и превосходящей мощью»¹.

Некоторые эксперты справедливо полагают, что ближайшее десятилетие станет десятилетием реализации политических амбиций Китая. Точнее — сотрудничества США и Китая в военно-политической области. По сути намечается опасная связка, когда мир (и, уж, точно — Евразия) может быть «поделен» между США и Китаем. В том числе и за счет России. То, что создается качественно новая ситуация в этом регионе подтверждают, например, и российские эксперты, полагающие, что «воссоединение Кореи, локомотивом которого должен стать Сеул, послужит основой для активизации российского Дальнего Востока и Сибири»². В немалой степени увеличиваются вероятность и качественно новые повороты политики Китая в отношении Индии, Мьянмы, Вьетнама, Индонезии и т.д.

Сотрудничество в области ВКО, безусловно, сможет стать политической и военно-технической основой не только для развития ВТС России в Азии, но и мощным толчком для политического и экономического сотрудничества со странами региона, которое, в свою очередь, может привести к ускорению развития восточных регионов России. Причем не только к созданию транспортных коридоров и освоения сырьевых ресурсов, но и к новой волне научно-технического сотрудничества и новой индустриализации восточных регионов страны. Это объективно будет противодействовать политике США по отношению к Китаю, которая ведет к созданию «двухполюсного» мира и разделу Евразии между этими странами. «Китай стал основным „противником-партнером“ США — отмечает Ж.-Б. Пинатель. — Роль же России в восприятии американских стратегов ограничивается положением регионального возмущителя спокойствия, оправдывающего существование НАТО»³.

С точки зрения военно-стратегической, США считают, что проблема безопасности в АТР становится для них задачей

¹ Пинатель Ж.-Б.
Россия — Европа:
жизненно важный
союз / перев. с франц.
Д.Х. Халиллуллиной.
М.: Книжный клуб 36.3,
2012. С. 113–114.

² Лабин Д.
В поисках стратегии
успеха в Северо-
Восточной Азии // *Независимая газета*.
2012. 29 октября. С. 3.

³ Пинатель Ж.-Б.
Россия — Европа:
жизненно важный
союз / перев. с франц.
Д.Х. Халиллуллиной.
М.: Книжный клуб 36.3,
2012. С. 98.

Евразийская воздушно-космическая оборона

номер один. Новая американская стратегия исходит из необходимости продолжения наращивания военных расходов (с 2000 по 2011 гг. они выросли с 300 млрд долл. до 700 млрд долл.), но оптимизирует их в зависимости от приоритетов. Прежде всего в воздушно-космической области. По оценке экспертов МГИМО(У) «...предполагается сосредоточение усилий на кибервойне и использовании бес-

пилотных летательных аппаратов (БЛА). США сократят свой ядерный арсенал, а также пересмотрят свою роль в стратегии обороны в целом»¹, сделают его более эффективным и «используемым» инструментом внешней политики.

В этих условиях создание ЕвразВКО становится объективно необходимым не только для государств-членов СНГ и ОДКБ, но и других стран Евразии, заинтересованных в сохранении суверенитета и национальной идентичности, а ВТС может превратиться в мощный политический инструмент влияния России. Важно перевести отношение к ВТС как, пусть специальному, но экономическому элементу, в политическую плоскость. Это будет означать, в том числе, пересмотр критериев и условий реализации ВТС в Евразии.

¹ Лавров С. В.
Пресс-конференция,
посвященная итогам
2012 года.
Цит. по: Эл. ресурс
«Военное обозрение».
2013. 23 января /
<http://topwar.ru>